

Раздел 2

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 811.512.141'36:811.111'36

Bilalova D.N. THE ADOPTED WORD-FORMATION ELEMENTS IN THE BASHKIR AND ENGLISH LANGUAGES.

The article is devoted to one of actual problems of the Bashkir linguistics – to the comparative description of word-formation structure of the word in the Bashkir and English languages. The author compares the adopted word formation elements of two languages.

Key words: morphemics, affix, morpheme, comparison, word formation, language, linguistics, the comparative description, word.

*Д.Н. Билалова, аспирант Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета,
г. Салават, E-mail: dina-bilalova@mail.ru*

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена одной из актуальных проблем башкирской лингвистики – сопоставительному описанию словообразовательной структуры слова в башкирском и английском языках. Автор сравнивает заимствованные словообразовательные элементы двух языков.

Ключевые слова: морфемика, аффикс, морфема, сравнение, словообразование, язык, лингвистика, сопоставительное описание, слово.

В башкирском и английском языках в структуре слова выделяются морфемы корневые и морфемы служебные, или аффиксальные. Корневая морфема – носитель основного элемента лексического значения слова. Аффиксальные морфемы (от лат. *affixus* – прикреплённый) – аффиксы (префикс, суффикс, постфикс, аффиксоид) оформляют данное слово как лексико-грамматическую единицу в системе частей речи. При этом аффиксы, префиксы и суффиксы могут различаться не только по месту в слове, но и по степени самостоятельности [1, с. 36].

В башкирском и английском языках встречаются своеобразные словообразовательные форманты, употребляемые обычно под термином «аффиксоид».

Термином «аффиксоид» обозначается такой компонент сложного или сложносокращённого слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу или префиксу [2, с. 26]. Аффиксоиды – это морфемы переходного типа. Они аффиксоподобны, но не тождественны ни аффиксам, ни корням. Каждый аффиксоид формирует вполне самостоятельный и весьма продуктивный словообразовательный тип.

Следовательно, аффиксоиды характеризуются способностью выступать в качестве корня и, в то же время, в качестве аффикса, при этом аффиксоид представляет собой один из этапов эволюции морфемы (от корня к аффиксу). Аффиксоиды подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды, то есть они могут быть похожи на префиксы и суффиксы.

В башкирском языке аффиксоиды заимствованы из персидского языка, они утратили свою первоначальную семантику, перестали восприниматься как самостоятельное слово [3, с. 69]. К ним относятся следующие элементы:

а) **–хана** 'помещение': *ашхана* 'столовая', *дауахана* 'больница', *дарыухана* 'аптека', *хәстәхана* 'больница', *бөзрәхана* 'парикмахерская', *китапхана* 'библиотека', *кымызхана* 'кумысная', *икмәкхана* 'хлебопекарня', *кунатхана* 'гостиница', *оҫтахана* 'мастерская';

б) **–стан** 'местность, стоянка, населенный пункт': *Башкортостан* 'Башкортостан', *Дағстан* 'Дагестан', *Қазақстан* 'Казахстан', *Кыргызстан* 'Киргизия', *Татарстан* 'Татарстан';

в) **–хур** 'любитель': *сәйхур* 'любитель чая', *балхур* 'любитель меда', *мәйхур* 'любитель алкогольных напитков';

г) **–намә** 'описание, сообщение, повествование': *мәрәжәғәтнамә* 'обращение', *сәйәхәтнамә* 'путевые заметки', *йондоҙнамә* 'гороскоп', *һораунамә* 'вопросник', *тарихнамә* 'историческое описание', *күнәлнамә* (исәлек дәфтәре) 'памятная книжка', *указнамә* 'указ'.

В сопоставляемом английском языке аффиксоиды получили широкое распространение. Заимствованные от греческого языка аффиксоиды могут употребляться и в начале, и в конце слова. Например:

био- (от древнегреческ. *βίος* означает 'жизнь') – *biosphere* 'биосфера', *biophysics* 'биофизика', *bioplast* 'биоплазма', *biotic* 'жизненный, живой, биотический';

нео- (от греч. *neos* – новый) – *neotropical* 'неотропический', *neoplast* 'неоплазма, новообразование, опухоль', *neolithic* 'неолитический' и др.

tele- (от греческого *téle* – вдалеке, далеко, далекий) – *telegram* 'телеграмма'; *telepathy* 'телепатия'; *telescope* 'телескоп, оптическая труба'; *telewriter* 'дальнопишущий аппарат'; *telemeter* 'телеметр, дистанционный измерительный прибор';

psycho- (от греческого *psykhō* – разум; душа, дух): *psychoanalysis* 'психоанализ'; *psychodrama* 'психодрама' (метод групповой психотерапии); *psychosomatic* 'психосоматический'; *psychological* 'психологический';

-cide (заимствован из латинского языка, букв. "убийца"): данный аффиксоид образует существительные со значением уничтожения, разрушения: *insecticide* 'средство от насекомых, инсектицид'; *suicide* 'самоубийство'; *pesticide* 'пестицид, (химическое) средство для борьбы с вредителями'; *homicide* 'убийство; убийца';

-crat (от греческого *-kratēs* – "правитель", "сторонник определенной формы правления"): *democrat* 'демократ'; *autocrat* 'автократ'; *technocrat* 'технократ'.

-ology (от греч. *lógos* – «слово», «учение», «наука», «понятие») *biology* 'биология'; *geology* 'геология'; *theology* 'теология, богословие'.

-athon/-ethon: данный аффиксоид вычленен от слова «marathon». Обозначает какую-либо продолжительную деятельность, требующую большой выносливости. Вот примеры некоторых слов:

marathon 'марафон'; *bikeathon* 'длительная езда на велосипеде'; *danceathon* 'долгий танец'; *workathon* 'напряженный труд'; *talkathon* 'чрезвычайно длинная речь или дискуссия'; *cleanathon* 'долгая уборка'.

Аффиксоид *-athon/-ethon* помимо значения продолжительной деятельности может обозначать сбор денег на благотворительность: *telethon* 'сбор денег на благотворительные нужды по телевидению'; *radiothon* 'сбор денег на благотворительные нужды по радио'; *walkathon* 'долгая ходьба как состязание, часто в благотворительных целях, пеший марафон'; *sellathon* 'аукцион, проводимый общественной телекомпанией с целью сбора средств на создание телепрограмм';

-holic (от слова *alcoholic* в значении 'человек с болезненным пристрастием к употреблению спиртных напитков') в роли аффиксоида обозначает 'одержимость, пристрастие' к тому, что обозначено основой. Элемент *-aholic/-oholic* стал употребляться для образования имен существительных от глаголов или новых имен существительных от уже имеющихся в языке и продолжает оставаться продуктивным в настоящее время. Существительные, образованные таким способом, обозначают человека, который нуждается в чем-то или любит нечто определенное так сильно, что это становится его пристрастием. С помощью этого аффиксоида образованы следующие слова: *bookaholic* 'книжная червь'; *sweetaholic* 'сладкоежка'; *chocolaholic* 'любитель шоколада; это человек, который испытывает непреодолимое пристрастие к шоколаду'; *milkaholic* 'любитель молока'; *coffeeholic* 'любитель кофе'; *shopaholic* 'шопоголик'; *computerholic* 'компьютероголик, помешанный на компьютерах, или человек, у которого «поехала крыша» от работы на компьютере'; *foodaholic* 'обжора'; *sugaraholic* 'любитель сахара (сладостей)'; *writaholic* 'любитель писать'; *gameaholic* 'любитель играть'; *workaholic* 'трудоголик'.

Заимствованные из латинского и греческого языков аффиксоиды *teria* (*-eteria*, *-ateria*, *-eria*), *-torium* (*-orium*), *-rama* (*-ama*) обозначают разный род зрелищ или место широкой продажи чего-либо. Например, *cinerama* 'синерама (система панорамного кино)'; *circorama* 'циркорама; кино с панорамным экраном, окружающим весь зрительный зал'; *grocery* 'бакалейно-гастрономический магазин с самообслуживанием'; *bookteria* 'книжный магазин'.

Также аффиксоиды могут употребляться и в начале и в конце слова. Например, *psychology* 'психология'; *telegraph* 'телеграф'; *biographer* 'биограф'; *neology* 'неологизм, употребление/введение неологизмов'.

Морфемная структура слова постоянно изменяется в связи с развитием языка. Одни элементы сменяются другими и происходит изменение функциональной нагрузки морфем.

Термин «аффиксоид» принят только в российской лингвистике. В справочнике по словообразованию английского языка аффиксоиды *-aholic*, *-oholic* названы просто «словообразовательными элементами». А в словарях новых слов [4, с. 9] данные элементы *-aholic*, *-oholic*, *-athon*, *-ethon*, *-nomics* названы суффиксами («*suffixes*»).

Доктор филологических наук, профессор Заботкина В.И. рассмотренные нами аффиксоиды представляет полуаффиксами [5, с. 24]. По ее мнению полуаффиксы чаще принимают участие в образовании единиц, употребляемых в повседневном общении. Она приводит следующие примеры полуаффиксов:

-agram, вычлененный из *rapogram* (например: *cineragram*, *sleeparama*); *-wise* (*advertisingwise*, *careerwise*, *smartwise*); *-oriented* 'занимающийся чем-л., связанный с чем-л. (*money-oriented*, *action-oriented*, *change-oriented*, *golf-oriented*, *job-oriented*, *leisure-oriented*); *-watcher* (*weight-watcher*, *word-watcher*).

А в настоящее время одними из самых продуктивных являются полуаффиксы: *-intensive*, *-wide*, *-friendly*, *-nomics*, *-speak* [5, с. 13].

По нашему мнению, термин «аффиксоид» наиболее подходит для описания данного явления, так как выражает переходный характер этих «словообразовательных элементов», которые еще не зарегистрированы как аффиксы, но ввиду своего частого употребления уже не рассматриваются как единичные примеры слияний [6].

В структуре слова и системе словообразовательных средств аффиксоиды выступают как морфемы переходного типа. Они выполняют в слове функции суффиксов или приставок, также употребляясь как аффиксы, все же продолжают оставаться и осознаваться носителями языка корневыми морфемами или основами, сохраняющими свои семантические и генетические связи с соответствующими корнями.

Аффиксоиды могут образовывать новые лексические единицы, являющиеся именами существительными, однако такие слова по большей части относятся к неформальной лексике. Исходя из того, что в современном английском языке наблюдается настоящий бум образования неологизмов, можно предположить, что с течением времени количество аффиксоидов будет увеличиваться, семантическое значение таких единиц будет иметь более абстрактный характер, и из морфем переходного типа аффиксоиды превратятся в полноправные словообразовательные аффиксы, то есть абстрактные языковые единицы [6, с. 96].

Т.М. Беляева и В.А. Хомяков [7] отмечают, что аналогия играет значительную роль в образовании слов с аффиксоидами. Например, в студенческом жаргоне по аналогии с названиями учебных дисциплин на «*-ology*» были образованы такие шуточные слова, как *bugology* (энтомология, отрасль зоологии, изучающий насекомых), *cowology* (вводный курс в технологию молочной промышленности), *zerology* – *a nothing course* (курс пустых лекций, которые можно не посещать).

Термины, созданные с помощью аффиксоидов, обладают высокой понятийной точностью. Они легко образуются и без особого труда могут быть поняты, дают значительную информацию о признаках выражаемого специализированного понятия.

Аффиксоидальные морфемы греческого и латинского происхождения обладают рядом особенностей, которые делают их незаменимыми при создании терминов. Поскольку они заимствованы из словообразовательных запасов классических языков, их значения не развиваются, и, значит, данные морфемы, моносемантичны.

Кроме того, повторяемость многих аффиксоидальных морфем в различных терминах с сохранением семантической однозначности обеспечивает их легкую запоминаемость, что способствует легкой дешифровке соответствующих терминов, а также обуславливает высокую системность терминологии.

И в башкирском, и в английском языках аффиксоиды – это словообразовательные элементы, являющиеся переходной единицей между словом, обладающим лексическим значением, и аффиксом с абстрактным морфемным значением.

В сопоставительных языках аффиксоиды заимствованы из разных языков. В английском языке аффиксоиды, по сравнению с башкирским языком, активно используются в устной и письменной речи носителей языка. Исходя из того, что аффиксоидальные морфемы моносемантичны и удовлетворяют требованиям специалистов для передачи научного понятия, они становятся эффективным средством в образовании англоязычных терминов. В наше время с помощью аффиксации образуется огромное число новых лексических единиц.

Библиографический список

1. Елисеева, В.В. Лексикология английского языка. – СПб., 2003.
2. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М., 1979.
3. Ишбаев, К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособ. – Уфа, 2000.
4. Грин, Дж. Словарь новых слов. – М., 1996.
5. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка. – М., 1989.
6. Мурзаков, А.А. Роль слияний в образовании аффиксоидов в современном английском языке // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – СПб. – 2011. – № 2.
7. Беляева, Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. – Л., 1985.
8. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь. – М., 1995.

Bibliography

1. Eliseeva, V.V. Leksikologiya angliyskogo yazihka. – SPb., 2003.
2. Russkiy yazhik. Ehnciklopediya / gl. red. F.P. Filin. – M., 1979.
3. Ishbaev, K.G. Bashkirskiy yazhik. Morfemika. Slovoobrazovanie: ucheb. posob. – Ufa, 2000.
4. Grin, Dzh. Slovar' novihkh slov. – M., 1996.
5. Zabolotkina, V.I. Novaya leksika sovremenno angliyskogo yazihka. – M., 1989.
6. Murzakov, A.A. Rol' sliyanij v obrazovanii affiksoidov v sovremenno angliyskom yazihke // Izvestiya SPbGEtU «LEhTI». – SPb. – 2011. – № 2.
7. Belyaeva, T.M. Nestandartnaya leksika angliyskogo yazihka / T.M. Belyaeva, V.A. Khomyakov. – L., 1985.
8. Myuller, V.K. Anglo-russkiy slovar'. – M., 1995.

Статья поступила в редакцию 18.11.13

УДК 820

Zhatkin D.N., Kornaukhova T.V. P.I. WEINBERG'S PUBLISHING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-ENGLISH LITERARY RELATIONS. The article first deals with the activities of P.I. Weinberg as a popularizer of English literature in Russia in the 19th century. To analyse it we use the materials from the collections, the chrestomathies and the anthologies compiled and published by P.I. Weinberg. These issues demonstrate not only the specifics of interest of the Russian society towards English literature but disclose personal preferences, likes and dislikes of P.I. Weinberg as a publisher and an editor.

Key words: P.I. Weinberg, Russian-English literary relations, anthology, reception, intercultural communication.

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. каф. перевода и переводоведения Пензенского гос. технологического университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru;
Т.В. Корнаухова, ассистент каф. иностранных языков Пензенского гос. университета, г. Пенза, E-mail: tvkorn92@gmail.com

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.И. ВЕЙНБЕРГА В КОНТЕКСТЕ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОСТАВЛЕННЫХ ИМ СБОРНИКОВ, ХРЕСТОМАТИЙ И АНТОЛОГИЙ)

В статье впервые рассматривается деятельность П.И. Вейнберга как популяризатора английской литературы в России второй половины XIX века. Для анализа привлекаются материалы из составленных и изданных П.И. Вейнбергом сборников, хрестоматий и антологий. Данные издания наглядно показывают не только специфику интереса русского общества к английской литературе, но и раскрывают личные пристрастия, симпатии и антипатии П.И. Вейнберга как публикатора и редактора.

Ключевые слова: П.И. Вейнберг, русско-английские литературные связи, антология, рецепция, межкультурная коммуникация.

Анализируя опыт редакционно-издательской деятельности было выяснено, что в разные годы Вейнбергом были составлены книги «Новый поэтический свет. Альманах» (совм. с Д.П. Ломачевским, 1857), «Знание. Сборник для юношества» (вып. 1, 1867), «Европейский театр» (т. I, 1875), «Сборник произведений иностранных поэтов для классного чтения» (1882), «Русские писатели в классе» (вып. 1 – 10, 1881 – 1886), «Ученье – свет. Книга для чтения в классе и дома. Средний и старший возраст» (1883; 2-е изд. – 1899), «Критическая хрестоматия по истории русской литературы» (вып. 1, 1887), «Практика сценического искусства. Хрестоматия» (1888), «Русская история в русской поэзии. Сборник стихотворений» (1888; 2-е изд. – 1899), «Русские поэты. Карманная хрестоматия» (т. 1 – 2, 1904).

Сборники, составленные Вейнбергом во второй половине 1850-х – 1860-е гг. либо не содержали материалов западноевропейской литературы, ориентируясь на задачи, стоявшие перед писателями, объединившимися в 1859 г. вокруг еженедельного сатирического журнала В.С. Курочкина и Н.А. Степанова «Искра» («Новый поэтический свет. Альманах» [1]), либо включали переводные биографии и статьи по естественным наукам, пре-

имущественно ориентируясь в разделе беллетристики на отечественных авторов – А.К. Толстого, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, С.Т. Аксакова, Л.А. Мея («Знание. Сборник для юношества» [2]). Помещая за своей подписью в «Сборнике для юношества» «Знание» легенду «Вечный Жид», Вейнберг сопроводил ее пометой – «с немецкого» [2, с. 333-334]; там же был напечатан перевод рассказа немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха «Трубка» [2, с. 313-332].

В задуманной серии книг «Европейский театр» Вейнбергу удалось в 1875 г. выпустить лишь первый том, посвященный немецкому театру и включавший переводы трагедий Г.-Э. Лессинга («Эмилия Галотти»), И.-В. Гете («Эгмонт»), Ф. Шиллера («Смерть Валленштейна»), З. Вернера («Двадцать четвертое февраля»), И.-А. Лейзевица («Юлий Тарентский»), К.-Т. Кернера («Розамунда») и драмы А. Коцебу «Ненависть к людям, или Раскаяние», хорошо известных к тому времени в России. Например, сцена из трагедии З. Вернера «Двадцать четвертое февраля» была переведена М.П. Погодиным и опубликована в № 23 – 24 «Вестника Европы» за 1823 г. С этой публикацией ознакомился А.А. Дельвиг, о чем свидетельствует его письмо

М.П. Погодину от 3 августа 1826 г.: «...как поэт я знаю и люблю вас, хотя, к сожалению, читал только один отрывок – перевод первой сцены трагедии: “Двадцать четвертое августа”. Ежели вы не продолжаете переводить ее, искренно жалею. Мы теряем надежду читать эту трагедию в русском верном и прекрасном съёмке» [4, с. 319]. Как видим, А.А. Дельвиг интересовался переводом М.П. Погодина, но при этом не совсем точно указывал даже его название [подробнее см.: 5, с. 71]. В предисловии к серии составитель делился размышлениями относительно формы представлений образцов драматических произведений – отрывками или полностью – и объяснял свое решение представлять полные тексты пьес тем обстоятельством, что «отрывки никогда не дают надлежащего понятия о характере всего сочинения, тем более драматического» [6, с. I]. Каждый из значительных драматургов оказывался представленным всего одной пьесой, но такой, «в которой яснее, чем в остальных, выражается общий характер его деятельности» [6, с. I]. При выборе драматургов Вейнберг руководствовался не только «их положительным значением в области истинно-художественной литературы», но и их авторитетом для определенной исторической эпохи как выразителей «литературных вкусов и воззрений данной нации», что позволяло поместить рядом с И.-В. Гете и Ф. Шиллером «слезливого» А. Коцебу и «диломелодраматического» З. Вернера; учитывалась и «драматичность пьес в строгом смысле этого слова, т.е. то свойство их, которое способствовало успеху произведений *на сцене*» [6, с. II].

В дневнике А.А. Блока сохранилась запись, относящаяся к концу апреля 1918 г. и свидетельствующая о знакомстве великого поэта с первым (и единственным) томом вейнберговского «Европейского театра»: «Эйлалия. Вейнберг. «Европейский театр», т. I. Обойтись бы, что ли, без V акта (гнусная серость канона, всеуничтожающая пошлость морали)» [7, с. 332]. Суждение А.А. Блока относилось к драме А. Коцебу «Ненависть к людям, или Раскаяние», одной из героинь которой была Эйлалия.

Первой составительской антологией Вейнберга, включавшей материалы английской поэзии и поэтической драматургии, стал «Сборник произведений иностранных поэтов для классического чтения» (1882), где английские авторы были представлены наряду с немецкими и французскими [8, с. 199-332]. Примечательны выбор переводов, во многом раскрывавший как личные предпочтения Вейнберга, так и сформировавшиеся к тому времени представления о лучших переводах тех или иных произведений. Так, Шекспир был представлен фрагментами из трагедий в переводах А.И. Кронеберга («Гамлет»), А.В. Дружинина («Король Лир», «Кориолан»), а также фрагментом из драматической хроники «Генрих VIII» в переводе составителя, Дж. Мильтон – фрагментом из «Потерянного рая» в поэтическом прочтении С.И. Писарева, Дж. Крабб – вступлением из поэмы «Приходские списки» в переводе Д.Е. Мина. В сборнике были также помещены переводы В.А. Жуковского («Сельское кладбище» Т. Грея), И.И. Козлова («Вечерний звон» Т. Мура), М.П. Михайлова – за подписью М.М. («Пахарь» Р. Бернса, «У смертного одра» Т. Гуда), В.Д. Костомарова («Субботний вечер поселянина» Р. Бернса), Ф.Б. Миллера («Сон лэди» Т. Гуда), Ю.В. Дюпелльмайер («К Ирландии» Т. Мура). В раздел «Английские поэты» по традиции того времени был включен и американский поэт Г. Лонгфелло, представленный переводами Д.Л. Михаловского («Нормандский барон») и составителя сборника (из поэмы «Эвангелина», «Дожливый день»).

Серия книг «Русские писатели в классе», вышедшая в 1881 – 1886 гг. и содержавшая избранные произведения А.Д. Кантемира, Д.И. Фонвизина, Екатерины II, Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина, М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, Н.И. Новикова [9], а также позднейшие «Критическая хрестоматия по истории русской литературы» [10], «Русская история в русской поэзии. Сборник стихотворений» [11; 12], «Русские поэты. Карманная хрестоматия» [13] не включали материалов, интересных с позиций изучения русско-западноевропейских литературных связей. Напротив, эти материалы являлись преобладающими в составленном Вейнбергом издании «Ученье – свет». Книга для чтения в классе и дома. Средний и старший возраст» [14; 15], в предисловии к которому была проведена мысль о необходимости подготовки сборников для чтения, соединяющих «статьи разнообразного характера, несомненно долженствующие и благотворно влиять на эстетическое развитие читающего и обогащать его ум познаниями» [16, с. I]. В свете сказанного Вейнберг отказывался от помещения отрывков, фрагментов из

произведений, считая, что «отрывки годятся только для ознакомления со слогом писателя и для ученья наизусть, но отнюдь не для чтения в собственном смысле этого слова» [16, с. II].

В книге «Ученье – свет» были напечатаны, в числе прочего, поэма С.-Т. Кольриджа «Старый матрос» в переводе Ф.Б. Миллера [14, с. 27-45], стихотворение А. Теннисона «Дора» в переводе А.Н. Плещеева [14, с. 75-80], пьеса Шекспира «Комедия ошибок» в переводе Вейнберга [14, с. 201-247], баллада Р. Бёрнса «Джон Ячменное Зерно» в переводе М.М. <М.Л. Михайлова> [14, с. 248-249], а также статья Вейнберга «Детство и юность Диккенса» [14, с. 46-66]. В сравнении с литературой других стран (древнегерманская поэма «Кудруна», рассказ Б. Ауэрбаха «Трубка», стихотворение Г. Лонгфелло «В арсенале», рассказ Г. Флобера «Простая душа», стихотворение Н. Ленау «Иван Жижка» и др.) именно английская литература оказалась представленной наиболее полно. Из русской литературы «для чтения в классе и дома» Вейнберг рекомендовал очерк А.А. Потехина «Путь по Волге», рассказ Л.Н. Толстого «Три смерти», рассказ В.М. Гаршина «Четыре дня», идиллию А.Н. Майкова «Дурочка», повесть А.Ф. Писемского «Плотничья артель», статью Н.И. Костомарова «Обстановка частной жизни в Московском государстве» и др. В кратких примечаниях, ориентированных на школьников, Вейнберг давал характеристику целому ряду английских авторов, в частности, представителям «озерной школы», развивавшим любовь к природе и распространявшим «в нижнем сословии религиозность, гуманность, нравственность, лучшее воспитание» [17, с. 372], А. Теннисону, «в произведениях которого главные достоинства – чувство и простота» [17, с. 372], Р. Бёрнсу как «первому народному поэту Великобритании», воспевавшему «жизнь в природе и в людях природы, т.е. в простом народе» и тем самым освободившему английскую поэзию «от оков искусственности и подражательности» [17, с. 374]. Высокую оценку Вейнберга получили роман «История Тома Джонса, найденный» Г. Филдинга, представивший «превосходную сатирическую картину воспитания и нравов Англии» [17, с. 372], роман «Родрик Рандом» Т. Смоллета, писателя, принадлежащего к «школе изображителей современной действительности в сатирической форме» [17, с. 372]. Наиболее подробно Вейнберг писал о «Комедии ошибок» Шекспира, отмечая, что, хотя всемирная слава драматурга и зиждется на великих трагедиях, его комедии также представляют собою «огромные достоинства в многих отношениях» [17, с. 373], после чего приводил пространную цитату из русского перевода книги Г. Гервинуса о Шекспире [18], относящуюся к публикуемому в книге произведению драматурга.

Хрестоматия «Практика сценического искусства» [19], составленная в 1888 г. по поручению дирекции Императорских театров и ориентированная на слушателей драматических курсов в Императорском театральном училище, была призвана дать «материал для упражнения в декламации как главным предмете их учебных занятий» [20, с. I]. Весь материал был расположен в книге от простого к сложному – от разделов «Описание», «Повествование» к разделам «Лирическая поэзия», «Драматическая поэзия»; тот же принцип соблюден и внутри разделов: «...сперва идут простейшие «образцы», произнесение которых сопряжено с наименьшей трудностью, а за ними, в постепенном порядке – такие, декламационная трудность которых увеличивается» [20, с. I]. При формировании заключительного раздела «Драматическая поэзия» Вейнберг, по его собственному признанию, вынужден был ориентироваться не только на личный вкус, пристрастия и интересы, но и на указания преподавателей декламации и сценического искусства, считавших необходимой опору на образцовый классический репертуар, а также включение отрывков «и из таких произведений, которые, не имея серьезного литературного значения, тем не менее, в чисто декламационном отношении, как материал для сценического упражнения, представляются полезными и целесообразными» [20, с. II].

В разделе «Описание» английская литература была представлена в хрестоматии двумя фрагментами из байроновского «Паломничества Чайльд-Гарольда» – «Бой быков в Испании» и «Водопад в Италии» [19, с. 20 – 22] – в переводе Д.Д. Минаева. Раздел «Повествование» содержал четыре произведения двух английских авторов – «Шильонский узник» Дж.-Г. Байрона в прочтении В.А. Жуковского [19, с. 136-139], его же «Умиравший гладиатор» в переложении М.Ю. Лермонтова [19, с. 152], «Сон лэди» и «Сон Евгения Арама» Т. Гуда в переводах соответственно Ф.Б. Миллера и В.П. Буренина [19, с. 148-151]. Еще большее число русских переводов английских произведений

было помещено в разделе «Лирическая поэзия», куда вошли переводы из Дж.-Г. Байрона («Когда прощались мы...» С.Ф. Дурова, «О, если мне порой...» Н.П. Грекова, «О, если там за небесами...» Д.Л. Михаловского, «Прощай» А.А. Григорьева [19, с. 170-171]), Т. Гуда («Песня о рубашке» В.Д. Костомарова [19, с. 180-181]), «Мост вздохов» Д.Л. Михаловского [19, с. 193-195]), а также «Плач детей» Э. Баррет Браунинг в переводе Вейнберга [19, с. 181-183]. Как видим, в трех разделах, составленных Вейнбергом исходя из собственных пристрастий, оказались (за единственным исключением) представленными тексты всего лишь двух английских авторов — Дж.-Г. Байрона и Т. Гуда, причем оба они соотносились с «демократическим» направлением литературного развития: первый воспринимался как певец свободы, второй — как защитник обездоленных и несправедливо обиженных.

Раздел «Драматическая поэзия» содержал фрагменты из девяти пьес Шекспира — «Ричард II» (д. V, с. 5; пер. Д.Л. Михаловского) [19, с. 216-218], «Ричард III» (д. I, с. 2, 3; пер. А.В. Дружинина) [19, с. 218-227], «Ромео и Джульетта» (д. II, с. 2; пер. Д.Л. Михаловского) [19, с. 227-231], «Отелло» (д. I, с. 3; пер. Вейнберга) [19, с. 231-236], «Мера за меру» (д. II, с. 2, 4; пер. Ф.Б. Миллера) [19, с. 236-243], «Гамлет» (д. I, с. 2, 5; д. II, с. 2; д. III, с. 1, 4; пер. А.И. Кронеберга) [19, с. 243-256], «Король Лир» (д. II, с. 4; д. III, с. 2; пер. А.В. Дружинина) [19, с. 256-265], «Тимон Афинский» (д. II, с. 5; д. IV, с. 1; пер. Вейнберга) [19, с. 266-267] и «Укрощение строптивой» (д. II, с. 1; д. V, с. 2; пер. А.Н. Островского) [19, с. 512 — 516]. Прочая английская драматическая поэзия была представлена минималь-

ным числом фрагментов, причем все они были даны в переводе составителя, — это фрагменты из «Сарданапала» Дж.-Г. Байрона (д. I, с. 2; д. IV, с. 1) [19, с. 322-329], «Ченчи» П.-Б. Шелли (д. V, с. 3 — 4) [19, с. 330-334], «Школы злословия» Р. Шеридана (д. I, с. 2; д. II, с. 1, 2) [19, с. 564-571]. Как видим, хрестоматия в полной мере отразила приоритетность в русском сознании творчества Шекспира в сравнении с творчеством других английских драматургов, большинство из которых в ту эпоху даже и не переводились на русский язык, оставаясь известными российскому читателю по переводным статьям литературных журналов и кратким обзорам книг.

Отметим также, что целый ряд задумок Вейнберга по выпуску сборников, хрестоматий, антологий так и остался неосуществленным. Об одном из таких проектов — «Славянском сборнике», затеянном в 1890 г., — известно из письма Н.С. Лескова Вейнбергу от 11 мая того же года. Ошибочно восприняв этот сборник (видимо, исходя из его названия) в качестве славянофильского издания, Н.С. Лесков «откровенно и чистосердечно» признавался, что у него нет особого желания быть представленным в подобной книге: «...я не только не партизан славянофильского настроения, но даже просто не люблю его» [21, с. 458]. Однако, не желая препятствовать намерению Вейнберга, Н.С. Лесков рекомендовал ему републиковать что-либо из его известных произведений.

Как видим, составленные П.И. Вейнбергом сборники, хрестоматии и антологии, наряду с целым рядом других книг [22, с. 138; 23, с. 205], внесли значительный вклад в популяризацию в России произведений английских писателей.

Библиографический список

1. Новый поэтический свет: антология / сост. П.И. Вейнберг и Д.П. Ломачевский. — М., 1857.
2. Знание: сборник для юношества / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1867. — Вып. 1.
3. Европейский театр / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1875. — Т. I. Германия. Ч. 1. Лессинг. Гете. Шиллер. Коцебу. Вернер. Лейзевиц. Кернер. — [II].
4. Дельвиг, А.А. Сочинения / сост., вступ. ст. и комментарии В.Э. Вацура. — Л., 1986.
5. Жаткин, Д.Н. Творчество А.А. Дельвига в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей XIX века. — М., 2008.
6. П.В. <Вейнберг, П.И.>. Предисловие // Европейский театр / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1875. — Т. I. Германия. Ч. 1. Лессинг. Гете. Шиллер. Коцебу. Вернер. Лейзевиц. Кернер.
7. Блок, А.А. Дневник 1918 года // А.А. Блок. Собрание сочинений: в 8 т. — М.; Л., 1963. — Т. 7. Автобиография. 1915. Дневники. 1901 — 1921.
8. Сборник произведений иностранных авторов для классного чтения / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1882.
9. Русские писатели в классе / ред. П.И. Вейнберга. — СПб., 1881 — 1886. — Вып. 1 — 10. (Вып. 1. А.Д. Кантемир. Сатиры. 1881. [4]. — Вып. 2. Д.И. Фонвизин. Письма и чистосердечное признание. 1881. [4]. — Вып. 3. Императрица Екатерина II. О, время! Были и небылицы. 1881. [4]. — Вып. 4. Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1881. [4]. — Вып. 5. Д.И. Фонвизин. Недоросль. 1881. IV. — Вып. 6. Г.Р. Державин. Стихотворения. 1881. [4], VIII. — Вып. 7. М.В. Ломоносов. Стихотворения и прозаические статьи. 1882. [4], VI. — Вып. 8. В.А. Жуковский. Стихотворения. 1882. [4], VI. — Вып. 9. А.С. Грибоедов. Горь от ума. 1883. — [4], VI. — Вып. 10. Н.И. Новиков. Живописец. 1886. [4], II).
10. Критическая хрестоматия по истории русской литературы / Сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1887. — Вып. 1. — [2], II.
11. Русская история в русской поэзии: сборник стихотворений / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1888. — [4].
12. Русская история в русской поэзии: сборник стихотворений / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1899. — [2].
13. Русские поэты: карманная хрестоматия / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1904. — Т. 1 — 2.
14. Ученье — свет. Книга для чтения в классе и дома. Средний и старший возраст / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1883. — [2], II.
15. Ученье — свет. Книга для чтения в классе и дома. Средний и старший возраст / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1899. — [2], II.
16. Вейнберг, П.И. От составителя // Ученье — свет. Книга для чтения в классе и дома. Средний и старший возраст / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1883.
17. <Вейнберг, П.И.>. Примечания // Ученье — свет. Книга для чтения в классе и дома. Средний и старший возраст / сост. П.И. Вейнберг. — СПб.: тип. и лит. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1883.
18. Гевинус, Г.Г. Шекспир: в 4 т. / пер. с нем. К. Тимофеева. — СПб., 1877. — Т. 1 — 4.
19. Практика сценического искусства: хрестоматия / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1888. — [4], II.
20. Вейнберг, П.И. Предисловие // Практика сценического искусства: хрестоматия / сост. П.И. Вейнберг. — СПб., 1888.
21. Лесков, Н.С. Письмо П.И. Вейнбергу от 11 мая 1890 г. // Н.С. Лесков. Собрание сочинений: в 11 т. — М., 1958. — Т. 11. Автобиографические заметки. Статьи, воспоминания. Письма в редакции. Письма.
22. Жаткин, Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 — 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. — 2008. — №3. — Сер. Русская филология.
23. Жаткин, Д.Н. Традиции творчества Дж.-Г. Байрона и байронические мотивы в лирике И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 4.

Bibliography

1. Novihy poehticheskiy svet: antologiya / sost. P.I. Veynberg i D.P. Lomachevskiy. — M., 1857.
2. Znanie: sbornik dlya yunoshstva / sost. P.I. Veynberg. — SPb., 1867. — Vihp. 1.
3. Evropeyskiy teatr / sost. P.I. Veynberg. — SPb., 1875. — T. I. Germaniya. Ch. 1. Lessing. Gete. Shiller. Kocebu. Verner. Leyzevic. Kerner. — [II].
4. Delvig, A.A. Sochineniya / sost., vstup. st. i kommentarii V.Eh. Vacuro. — L., 1986.
5. Zhatkin, D.N. Tvorchestvo A.A. Delviga v kontekste rusko-nemeckikh literaturnikh i istoriko-kulturnikh svyazey XIX veka. — M., 2008.
6. P.V. <Veynberg, P.I.>. Predislovie // Evropeyskiy teatr / sost. P.I. Veynberg. — SPb., 1875. — T. I. Germaniya. Ch. 1. Lessing. Gete. Shiller. Kocebu. Verner. Leyzevic. Kerner.
7. Blok, A.A. Dnevnik 1918 goda // A.A. Blok. Sbranie sochineniy: v 8 t. — M.; L., 1963. — T. 7. Avtobiografiya. 1915. Dnevnik. 1901 — 1921.
8. Sbornik proizvedeniy inostrannikh avtorov dlya klassnogo chteniya / sost. P.I. Veynberg. — SPb., 1882.
9. Russkie pisateli v klasse / red. P.I. Veynberga. — SPb., 1881 — 1886. — Vihp. 1 — 10. (Vihp. 1. A.D. Kantemir. Satirih. 1881. [4]. — Vihp. 2. D.I. Fonvizin. Pisjma i chistoserdechnoe priznanie. 1881. [4]. — Vihp. 3. Imperatrica Ekaterina II. O, vremya! Bihli i nebihlich. 1881. [4]. — Vihp. 4. N.M. Karamzin. Pisjma russkogo puteshestvennika. 1881. [4]. — Vihp. 5. D.I. Fonvizin. Nedorosl. 1881. IV. — Vihp. 6. G.R. Derzhavin. Stikhotvoreniya. 1881. [4], VIII. — Vihp. 7. M.V. Lomonosov. Stikhotvoreniya i prozaicheskie statji. 1882. [4], VI. — Vihp. 8. V.A. Zhukovskiy. Stikhotvoreniya. 1882. [4], VI. — Vihp. 9. A.S. Griboedov. Gore ot uma. 1883. — [4], VI. — Vihp. 10. N.I. Novikov. Zhivopisec. 1886. [4], II).

10. Kriticheskaya khrestomatiya po istorii russkoy literatury / Sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1887. – Vihp. 1. – [2], II.
11. Russkaya istoriya v russkoy poezii: sbornik stikhotvoreniy / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1888. – [4].
12. Russkaya istoriya v russkoy poezii: sbornik stikhotvoreniy / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1899. – [2].
13. Russkie poezii: karmannaya khrestomatiya / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1904. – T. 1 – 2.
14. Uchenje – svet. Kniga dlya chteniya v klasse i doma. Sredniy i starshiy vozrast / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1883. – [2], II.
15. Uchenje – svet. Kniga dlya chteniya v klasse i doma. Sredniy i starshiy vozrast / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1899. – [2], II.
16. Veynberg, P.I. Ot sostavitelya // Uchenje – svet. Kniga dlya chteniya v klasse i doma. Sredniy i starshiy vozrast / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1883.
17. <Veynberg, P.I.>. Primechaniya // Uchenje – svet. Kniga dlya chteniya v klasse i doma. Sredniy i starshiy vozrast / sost. P.I. Veynberg. – SPb.: tip. i lit. L. Bermans i G. Rabinovicha, 1883.
18. Gervinus, G.G. Shekspir: v 4 t. / per. s nem. K. Timofeeva. – SPb., 1877. – T. 1 – 4.
19. Praktika scenicheskogo iskusstva: khrestomatiya / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1888. – [4], II.
20. Veynberg, P.I. Predislovie // Praktika scenicheskogo iskusstva: khrestomatiya / sost. P.I. Veynberg. – SPb., 1888.
21. Leskov, N.S. Pis'mo P.I. Veynbergu ot 11 maya 1890 g. // N.S. Leskov. Sobranie sochineniy: v 11 t. – M., 1958. – T. 11. Avtobiograficheskie zametki. Stat'i, vospominaniya. Pis'ma v redakcii. Pis'ma.
22. Zhatkin, D.N. Angliyskaya romanticheskaya poeziya v russkikh perevodakh 1840 – 1850-kh gg. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2008. – №3. – Ser. Russkaya filologiya.
23. Zhatkin, D.N. Tradicii tvorчества Dzh.-G. Bayrona i bayronicheskie motivy v lirike I.I. Kozlova / D.N. Zhatkin, S.V. Bobihleva // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2010. – № 4.

Статья поступила в редакцию 18.11.13

УДК 81-25

Lazarevich S.V. METAPHORIC REINTERPRETATION OF WORDS AS A MEANS OF JARGON WORD DERIVATION WITH EXAMPLES FROM ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES. In this article we show that metaphoric reinterpretation of word meanings is an active and peculiar lexico-semantic process of jargon words derivation in military sociolects. We show that there are both similarities and differences in the compared subsystems of the both languages and provide examples of either matching or discrepancy in similar situations.

Key words: seme, semantic reinterpretation, peripheral seme, metaphor.

С.В. Лазаревич, канд. фил. наук, доц. каф. иностранных языков Нижегородского гос. технического университета им. П.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, E-mail: svetlaz15@gmail.com

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СЛОВ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЖАРГОНИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье делается попытка показать своеобразие и активность такого лексико-семантического процесса жаргонного словопроизводства в военных социолектах русского и английского языков, как метафорический перенос значения слов. При этом показано сходство и различие данных процессов в сравниваемых подсистемах двух языков, указаны случаи совпадения и расхождения в сходных ситуациях.

Ключевые слова: сема, семантическое переосмысление, периферийная сема, метафора.

Проблематика, связанная с социолектами и их развитием, становится в последние десятилетия всё более актуальной. Разговорная речь общества претерпевает большие изменения, и задача лингвистов – зафиксировать эти изменения и дать им оценку. Поэтому, на наш взгляд, тема данной статьи является актуальной. В отечественной лингвистике это научное направление стало развиваться сравнительно недавно. В США подобные процессы стали изучать значительно раньше, уже 100 лет назад там появились публикации по этой теме. В СССР, по понятным причинам, существование жаргонов вовсе отрицалось, и социолектизмы не были объектом изучения в лингвистике, хотя отдельные исследователи занимались этой темой. Таковы, например, работы М.А. Грачева, которого с полным основанием можно считать одним из основоположников русской социолектологии. Автором многочисленных публикаций по русским и английским военным социолектам является В.П. Коровушкин. До сих пор не утратили своей значимости работы Г.А. Судзиловского по английскому военному жаргону, написанные несколько десятилетий тому назад.

Процессы метафорического и метонимического переноса значения слов в военном жаргоне являются весьма активными способами словообразования. При этих процессах используется звуковая оболочка, уже существующая в языке. Вторичное использование получает уже имеющаяся в языке словесная единица, т. е. происходит процесс вторичной номинации. Значительное количество военных жаргонизмов образовалось путем метафорического переосмысления уже имеющихся в языке лексических единиц. Всякая метафора предполагает наличие общей семы у сравниваемых слов. Под **семой** понимается «мини-

мальная предельная единица плана содержания» [1, с. 437]. Соотнесение значений слов обнаруживает имеющиеся в них семы. Выявление семного состава происходит на основе компонентного анализа, который имеет целью разложение значения на минимальные семантические составляющие. При выявлении общих сем, лежащих в основе метафорического переосмысления, приводящего к возникновению военных жаргонизмов, мы используем теоретические положения, изложенные в работах В.Г. Гака и М.В. Никитина.

По В.Г. Гаку, значения слова «включают архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета» [2, с. 52]. Аналогичную трактовку понятий, связанных семантической структурой слова, находим в работах М.В. Никитина [3, с. 40], который выдвигает в качестве базовых понятия интенционала и импликационала. **Интенционал** – это содержательное ядро лексического значения. Родовую часть интенционала значения слова М.В. Никитин называет гиперсемой (архисема в терминологии В.Г. Гака). Видовая, дифференциальная часть интенционала называется гипосемой. В этом же смысле говорят о дифференциальных семмах (в терминологии В.Г. Гака). Таким образом, гиперсема (архисема) и гипосема (дифференциальная сема) входят в состав интенционала и образуют ядро лексического значения.

Периферию семантических признаков, окружающих ядро, составляет, по М. В. Никитину, **импликационал**. По отношению к ядру значения совокупность сем этого уровня образует периферию его информационного потенциала. Это могут быть весьма отдаленные от ядра семантические признаки, а подчас и вов-

се случайные. В дальнейшем семы этого уровня мы будем называть периферийными. При проведении компонентного анализа всегда неизбежен некоторый субъективизм. «Не следует ожидать, — отмечает М.В. Никитин, — что компонентный анализ семантически всегда удастся осуществить с одинаковой степенью четкости... В конечном счете все определяется тем, насколько разработана в опыте, в деятельности и сознании людей та или иная предметная область. В связи с этим нередко затруднительно установить исчерпывающий набор сем и еще труднее установить их системные соотношения и комбинаторику в структурах словозначений» [3, с. 44]. Выявление общих сем в процессе компонентного анализа привело к выводу о том, что для большинства вторичных номинаций, созданных на базе метафоры в военном жаргоне, вполне применима традиционная классификация метафор по внешнему сходству и сходству функций предметов. Однако часть материала не укладывается в эту схему. Чаще всего это метафоры, мотивирующим признаком которых выступают периферийные семы.

Наша классификация метафор выглядит следующим образом: 1) метафорическое переосмысление на основе внешнего сходства называемых реалий; 2) метафорическое переосмысление на основе функционального сходства; 3) ассоциативная метафоризация. Эта классификация не претендует на идеально четкое выделение типов метафоры. Выделение ассоциативной метафоры в особый тип носит условный характер, так как, в конечном счете, все метафоры без исключения строятся на основе ассоциаций. Подвижной является и граница между этими типами. Например, некоторые из метафор по сходству действий и движений могут быть квалифицированы как ассоциативные (в нашем понимании). Но, несмотря на это, именно эта классификация дала возможность разграничить выявленные типы метафор наиболее четко. Метафора по внешнему сходству подразделяется, в свою очередь, на метафору по сходству формы, метафору по сходству положения, метафору по сходству действий и движений. В русском и английском военных жаргонах представлены все эти виды метафор.

Рассмотрим вначале метафорические процессы в русском военном жаргоне. Сходство формы может базироваться на наличии одной или нескольких общих сем или целого набора сем, создающих аналогию внешней формы предметов. Так, на базе семы «круглый» созданы военные жаргонизмы: *бочка* — фигура высшего пилотажа; *блин* — параболическая антенна; *консервы* — мины; *таблетка* — повседневная фуражка старослужащих; *плевательница*, *пудреница* — мины круглой формы.

Общность семы «маленький» привела к образованию жаргонизмов: *малыш* — легкий танк, малый противолодочный катер; *маленький*, *малыш* — истребитель «ЯК»; *малютка* — малая подводная лодка типа М; *чижик* — солдат первого полугодия службы (чижик — маленькая птичка); *чебурашка* — легкий самолет.

На основе общих сем «длинный, полный» созданы жаргонизмы *кишка* — трубка, начиненная пластидом; *хобот* — ствол танковой пушки.

Комбинация мотивирующих сем может быть разной. Например, на основе общности сем «прямой, неподвижный» создан жаргонизм *столбик*, *столб* — часовый.

В других случаях можно говорить о совокупности признаков, образующих сходство формы. Это наиболее частый случай метафоры. Немецкий пикировщик Ю-87 летчики окрестили в годы ВОВ неслетными прозвищами: *лапоть*, *лапотник*, *лаптежник*. Писатель Б. Полевой так описывает это сходство: «Шли одномоторные пикировщики Ю-87. Они имели небубрающиеся шасси. Шасси эти висели в воздухе под брюхом. Колеса были защищены продолговатыми обтекателями. Было похоже, что из брюха машины торчат ноги, обутые в лапти» [4, с. 285].

Метафоры, построенные на основе сходства действий, движений, представлены как глаголами, так и именами существительными. При этом можно говорить о метафорах, основанных на сходстве движений, на сходстве звучания и т.д.

В основу сравнения может быть взята сема, уже побывавшая в процессе вторичной номинации. Так, жаргонизм *бык* (солдат 1-го полугодия службы) возник на основе переносного значения слова «пахать» (работать): на быке пахут, и на молодом солдате «пахут», т. е. заставляют много работать. Жаргонизм *дятел* (доносчик) возник на основе переносного значения слова «стучать» (доносить): дятел стучит, и доносчик «стучит». Тот же принцип образования имеют лексемы *лопухи* (головные телефоны): уши — «лопухи», и телефоны, напоминающие уши, — «лопухи».

Суть того, что мы называем ассоциативными метафорами, сводится к актуализации некоторых сем, не относящихся к внешнему сходству или функции. При этом часто периферийная сема превращается в ядерную. Нередко в основу переноса значения берется отдаленный, а зачастую случайный признак, который становится ведущим в семантической структуре результативной единицы. «Для метафоры (и сравнения вообще) мера подобия несущественна, — пишет М.В. Никитин. — Аналогия может быть частной, поверхностной и неглубокой» [1, с. 98]. Говоря об импlications такого рода, следует иметь в виду, что имеется обширная область признаков, о совместной встречаемости которых с данным понятием можно судить лишь предположительно: их наличие или отсутствие одинаково вероятно и проблематично, они могут быть, а могут и не быть.

На актуализации случайного, несущественного признака строятся многие военные жаргонизмы. Сравним два ряда жаргонных лексем с общим значением «новобранец», «молодой солдат»: 1) *зелень*, *зеленый*, *птеньчик*, *желторотик*, *салага*; 2) *бык*, *желудок*, *запах*, *индеец*. Первые связаны с актуализацией ядерных сем исходных единиц: молодой, незрелый, маленький. Метафоры *зелень*, *зеленый* построены на основе переносного значения прилагательного «зеленый» — очень юный, неопытный по молодости. Жаргонизмы *птеньчик*, *желторотик*, *салага* произошли на основе модели, хорошо известной многим языкам: «детеныш животного — неопытный молодой человек» (ср.: нем. Gruneschnabel — зеленочлювик, англ. callow — неоперившийся).

Второй ряд жаргонных лексем со значением «новобранец» построен на основе периферийных признаков: молодой солдат всегда голоден (поэтому он — *желудок*), его заставляют много работать, «пахут» на нем (поэтому он — *бык*); много работая, он потеет (поэтому он — *запах*); он пришел в армию, т. е. встал на «тропу войны» (поэтому он — *индеец*). Эти и некоторые другие разъяснения мы делаем, опираясь на собственную языковую интуицию, а также на указания, имеющиеся по этому поводу в «Словаре русского военного жаргона» В.П. Коровушкина [5], хотя не исключаем возможность других толкований.

Подобные процессы наблюдаются и в английском военном жаргоне. Особенно продуктивны процессы, основанные на внешнем сходстве сравниваемых предметов. При этом в основе переноса может лежать как одна общая сема, так и комплекс сем, выражающий внешнее сходство предметов. На актуализации семы «круглый» основаны жаргонизмы *gong* [гонг] — медаль, орден; *roll* [клубок] — фигура высшего пилотажа «бочка». Но большинство метафор по внешнему сходству базируется на комплексе семантических признаков. Ср.: *beer stick* [ручка насоса для накачивания пива] — ручка управления самолета; *cloth line* [бельевая веревка] — антенна; *crow tracks* [следы от вороньих лапок] — нашивные нарукавные знаки различия; *tiger box* [тигриная клетка] — будка часового (в полоску); *scrambled eggs* [яичница] — знаки различия на униформе офицера (желтого и белого цвета).

Метафора по внешнему сходству включает сходство действий, движений: *chew out* [жевать, кусать] — делать выговор, распекать (общая сема — делать больно); *lice* [вши] — десантно-высадочные средства (общая сема — «расползаются»); *magpie* [сорока] — пулемет (общая сема — «трещит»).

Активен процесс переосмысления на сходстве функций. Метафора по сходству функций может быть продемонстрирована на примере жаргонизма *baby-sitter* в значении «эсминец охраны». Лексема *baby-sitter* имеет значение «приходящая няня». Следовательно, в интенционал значения этого слова входит сема «оберегать, охранять». Актуализация именно этой семы осуществляется в жаргонном обозначении эсминца охраны, в задачу которого входит сопровождение и охранение боевых кораблей. На актуализации сленгового значения лексемы *crunchers* (ноги) построен жаргонизм *crunchie* в значении «пехотинец». В интенционал значения слов *crunchie* и *crunchers* входит сема «ходить», которая и стала базой для метафорического переноса по функции. Другие примеры метафоры по функции: *bandit* — вражеский самолет (общая сема — «нападает, уничтожает»); *daddy* [папочка] — командир (общая сема — «охраняет, руководит»). Существуют метафоры, основанные на внешнем сходстве и сходстве функций. К их числу относятся, например, названия самолетов. Ср.: *bird* [птица] — самолет, вертолет (общая сема — «с крыльями и летает»).

Говоря об ассоциативных метафорах в английском военном жаргоне, можно привести высказывание Г.А. Судзиловского по этому поводу: «...Выделенная при образном употреблении черта может отражать несущественную сторону понятия и даже входить в противоречие с его сутью. Например, в американских BBC radio-controlled aircraft – самолет, управляемый по радио, – в просторечной лексике получил название *drone*, что означает буквально *трутень*. В этом слове можно одновременно проследить две связи: первая связь юмористически отражает некоторую суть явления, т. е. самолет без самостоятельного управления; вторая связь основана на менее существенном, случайном признаке. Известно, что все управляемые по радио самолеты в американских BBC имели в качестве отличительного признака ряд черных полос на фюзеляже (сравните полосатое брюшко трутня)» [6, с. 23].

В английском военном жаргоне имеются лексемы, созданные на базе семантических признаков, связанных с военными реалиями или историческими традициями. Так лексема *shavetail* [подрезанный хвост] имеет значение «молодой второй лейтенант, которому недавно присвоено звание». Слово пришло в военный жаргон из языка ковбоев и связано с обычаем подрезать хвост у молодых мулов. Таким образом, сема «подрезанный хвост» является совершенно случайной для семантической структуры результативного слова со значением «молодой лейтенант».

В ряде случаев метафора возникает на актуализации признака, не только не входящего в импликационал данной лексемы, но и противоположного его интенционалу, его гипосеме или набору гипосем. Аналогичный процесс наблюдается в оксюморе – фигуре речи, состоящей в соединении двух антонимических понятий (двух слов, противоречащих друг другу по смыслу). Русск.: *красноречивое молчание*, *звонкая тишина*. Англ.: *harmonious discord*. В военном жаргоне такие единицы имеют, как правило, ироническую или насмешливую эмотивную коннотацию. Например, жаргонизм *геракл* в значении «физически слабый солдат» построен на сближении противоположных признаков «сильный» и «слабый»; жаргонизмы *массандра* и *гамза* в значении «низкокачественные алкогольные напитки с использованием отработанного технического спирта» построены на противопоставлении признаков «высококачественный и дорогой», с одной стороны, и «низкокачественный и дешевый» – с другой; жаргонизм *гостинцы* в значении «бомбы» основан на противопоставлении признаков «приносящие радость» и «приносящие смерть, горе». Ср. также англ. *delight* [восторг, восхищение, наслаждение] в значении «что-либо неприятное, вызывающее отвращение», например, *soldier's delight* – любой нелюбимый предмет вооружения, снаряжения и т. п. Такие образования характерны для жаргонного обозначения продуктов питания; при этом противопоставляются признаки «высококачественный, дорогой» и «низкокачественный, дешевый». Ср.: *белая рыба* – килька в масле, *красная рыба* – килька в томатном соусе; *battery acid* [аккумуляторная кислота] – кофе. Этот семантический прием можно рассматривать как один из способов выражения иронии.

Итак, метафорическое переосмысление слов общенародного языка происходит и в русском, и в английском военном жаргоне. Мы приводим здесь некоторые сведения, связанные с этой проблемой. Проследим некоторые различия в мотивации при метафорическом переносе путем сопоставления русских и английских военных жаргонизмов. Будем исходить из одинаковых обозначаемых (денотатов) и разных результативных единиц. Так, нашивки (шевроны) на рукавах военнослужащих в виде полосок служат основой для разных ассоциативных процессов и, следовательно, разных результативных единиц. Ср.: русск.: *минус* (одна полоска), *равно* (две полоски), *адидас* (три полоски), англ.: *zebra* [зебра]. И в том, и в другом случае происходит метафоризация по внешнему сходству, но результативные единицы – разные. Другие примеры: *аэролат заграждения*: русск.: *колбаса*; англ.: *pig* [свинья]; *опытный, бывалый моряк*: русск.: *морской волк*; англ.: *sea dog* [морская собака]; *ночной бомбар-*

дировщик: русск.: *иван-получонок*; англ.: *night prowler* [ночной бродяга]. В этом случае наблюдается лишь частичное совпадение, связанное с семой «ночь». Что касается других компонентов (иван и prowler), то они расходятся.

Рассмотрим это явление с другой стороны. Общим результативным единицам соответствуют разные денотаты: *Дельфин* – *dolphin*: русск.: ракета (сходство формы); англ.: подводник (общая сема – «под водой»); *баран* – *ram*: русск.: полковник (т. к. носит баранью шапку); англ.: авиационный таран (по стилю бега барана); *подснежник* – *snowdrop*: русск.: мина или труп, вытаявшие из-под снега (общая сема – под снегом); англ.: военный полицейский (по цвету снаряжения: военные полицейские носят белое снаряжение: каску, ремень, перчатки, кобуру, гетры (общая сема – белый цвет). Следует сказать, что в одном из своих значений русский военный жаргонизм *подснежник* (мина, окрашенная в белый цвет) совпадает по мотивации со своим английским эквивалентом; *козел* – *goat*: русск.: военнослужащий внутренних войск (выражение негативной коннотации); англ.: молодой офицер (общая сема – прыгает, резвится как козел); *воронье гнездо* – *crow nest* [воронье гнездо]: русск.: наблюдательный пункт на одной из мачт корабля (метафора по положению и внешнему сходству); англ.: место воздушного стрелка на самолете (также метафора по положению, но на другом объекте); *капуста* – *kraut*: русск.: эмблема на кокарде (внешнее сходство); англ.: немецкий солдат (ассоциативная метафора – от немецкого Sauerkraut – кислая капуста); *синий* – *blue*: русск.: уголовник (по цвету татуировки); англ.: моряк (по цвету формы).

Несовпадение мотивационных процессов при метафорическом переосмыслении в подсистемах разных языков было вполне предсказуемо, т. к. даже в пределах одной жаргонной системы, в частности русского военного жаргона, одно и то же обозначаемое получает разные жаргонные номинации, в зависимости от того, какой семантический признак актуализируется в каждом конкретном случае. Так, подводная лодка в русском военном жаргоне получила название *щука*, *малютка*, *малыш*, *черная дыра*, *калоша* и др. При этом актуализацию получили разные признаки: форма, размер, техническое состояние. Поэтому более интересным, на наш взгляд, является совпадение мотивирующих признаков. Эти случаи не столь многочисленны, но они существуют:

Зеленый – *greeny (ie)*: русск.: новобранец (одно из значений); англ.: новобранец; *тыловая крыса* – *base rat* [тыловая крыса]: русск.: военнослужащий, не принимающий участия в тыловых действиях (писари, штабисты и пр.); англ.: тыловик; *овонодавы* – *shit kickers* [говнодавы]: русск.: тяжелые ботинки; англ.: тяжелые ботинки; *собачья вахта* – *dog watch* [shift]: русск.: вахта с 4 до 9 час.; любая ночная вахта; время к рассвету; дежурство с 3 до 5 час.; англ.: полувахта с 4 до 6 вечера или с 6 до 8 вечера (в этом случае наблюдается лишь частичное совпадение значений: не совпадает время несения вахты); *шрапнель* – *shrapnel*: русск.: перловая каша; англ.: бобовая каша; *бросить якорь* – *swallow the anchor*: русск.: оставить службу на флоте; англ.: оставить службу на флоте; *консервная банка* – *tin can*: русск.: любое старое, изношенное и ненадежное транспортное средство (корабль, подводная лодка, самолет); англ.: любое военное судно, чаще всего эсминец, особенно старое; *летающий гроб* – *flying coffin* [летающий гроб]: русск.: ненадежный самолет; англ.: ненадежный самолет, планер; *батя, папа* – *daddy* [папочка]: русск.: командир, начальник части, училища; англ.: командир; *старик* – *old man* [старик]: русск.: командир, летчик-асс, капитан корабля; англ.: командир; *перчик* – *pepper* [перец]: русск.: пулеметный огонь, англ.: обстреливать.

Таким образом, при метафорическом переосмыслении единиц русского и английского военных жаргонов наблюдаются случаи полного и частичного совпадения, но таких соответствий немного. В целом можно утверждать, что метафорическое переосмысление является весьма продуктивным способом словообразования в русском и английском военных жаргонах.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. – М., 1971.
3. Никитин, М.В. Семантика метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1.
4. Полевой, Б. Повесть о настоящем человеке. – М., 1958.
5. Коровушкин, В.П. Словарь русского военного жаргона. – Уральский ун-т, 2000.
6. Судзиловский, Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная лексика. Англо-русский словарь военного сленга. – М., 1973.

Bibliography

1. Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1990.
2. Gak, V.G. Semanticheskaya struktura slova kak komponent semanticheskoy strukturih vihskazivaniya // Semanticheskaya struktura slova. – M., 1971.
3. Nikitin, M.V. Semantika metaforih // Voprosih yazihkoznaniya. – 1979. – № 1.
4. Polevoy, B. Povesht o nastoyatsem cheloveke. – M., 1958.
5. Korovushkin, V.P. Slovarj russkogo voennogo zhargona. – Uraljskiy un-t, 2000.
6. Sudzilovskiy, G.A. Sleng – chto ehto takoe? Angliyskaya prostorechnaya leksika. Anglo-russkiy slovarj voennogo slenga. – M., 1973.

Статья поступила в редакцию 18.11.13

УДК 811:512.156

Bavuu-Sjurjun M.V., Ondar M.V. RUSSISMS IN THE DIALECT OF TUVINIAN LANGUAGE. The paper describes Russian lexical borrowing, the prevailing on the territory of the Republic of Tuva and China, which have penetrated the dialects and sub-dialects as a result of marginal media contacts Tuvanian and Russian languages and representing mainly household vocabulary. And in the dialects and sub-dialects of Tuvanian language prevailing on the territory of Mongolia, russisms penetrated through the Mongolian language, represent the scientific and educational terminology, names of the realities of life, in technical terms. Borrowing from Russian language in the dialect of Tuvanian language is their differential signs.

Key words: *tuvan language, Russian adoptions, language contacts, dialect, the dialect, differential sign, phonetic development.*

М.В. Бавуу-Сюрюн, канд. филол. наук, проф. каф. тувинской филологии и общего языкознания, директор НОЦ «Тюркология» Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru;

М.В. Ондар, аспирант каф. тувинской филологии и общего языкознания по специальности «Языки народов РФ» Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: mengi89@yandex.ru

РУСИЗМЫ В ДИАЛЕКТАХ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В работе описаны русские лексические заимствования, распространенные на территории Республики Тыва и Китая, которые проникли в диалекты и говоры в результате маргинальных контактов носителей тувинского и русского языков и представляющие в основном бытовую лексику. А в диалекты и говоры тувинского языка, распространенные на территории Монголии, русизмы проникли через монгольский язык, представляют научную и учебную терминологию, названия реалий жизни, техническую терминологию. Заимствования из русского языка в диалектах тувинского языка являются их дифференциальными признаками.

Ключевые слова: *тувинский язык, русские лексические заимствования, языковые контакты, диалект, говор, дифференциальный признак, фонетическое освоение.*

XX век ознаменован интенсивными языковыми контактами, обусловленными процессами глобализации во всем мире. Результаты контактов различных языков находят отражение на разных языковых уровнях. Не является исключением в этом отношении младописьменный тувинский язык, носители которого в основном проживают на территории Республики Тыва. О русско-тувинских языковых связях на лексическом уровне имеется работа Б.И. Татаринцева «Русские лексические заимствования в тувинском языке» [1]. Выделяет 3 этапа проникновения русизмов в тувинский язык:

I. Конец XIX века – начало 30-х годов XX в. – период индивидуального билингвизма и устного заимствования.

II. Начало 30-х – середина 40-х годов XX века – период группового (культурного) билингвизма и преобладающего письменного пути заимствования.

III. Вторая половина 40-х годов – наши дни – период массового билингвизма и сосуществование устного и письменного путей заимствования (современный период) [1, с. 14].

Таким образом, русско-тувинские языковые связи ограничены временными рамками более века. И за это время русизмы освоены тувинским языком на всех уровнях.

Русские лексические заимствования в диалектах тувинского языка еще не были предметом специального исследования, хотя исследователи разных диалектов тувинского языка отмечали диалектизмы русского происхождения [2]. На наш взгляд не бесспорны все приводимые в них примеры русских лексических заимствований как диалектное явление. Мы ставим перед собой задачу проанализировать данные работы. В данной статье к анализу привлекаем также материалы, собранные нами во время экспедиции за последние годы.

Как не характерные для других диалектов, встречающиеся в тоджинском диалекте выделены слова *кувалда* от русского *кувалда*, *былаат* от рус. устар. «плат», *шоошка* от рус. прост.

чушка, *маашка* как нарицательное имя прозвище кошки, *арчанай* от рус. *ржаной* [3, с. 84]. Бургуул – К-Х. «прогул» [4, с.70].

Целый ряд диалектных слов, заимствованных из русского языка приводит в своем словаре М. Доржу [5]:

Дочуула – Ус. Бистиг херексел чидидер даш – лит. дочуула – орус точило. Йаасла – Танд. Лит. ясли. < Орус яслиа. Кастриил – К-Х – лит. сакпың – орус кастрюля. Масленик – Ус. Орус маслёнок – мөөгү ады. Моргоопка – П-Х – лит. морковь – орус морковь. Пайсоок – Ус. Орус поясок – куржугаш. Пьедиведь – Ус. Медведь – адыг.

Пелетаа – Ус. Орус. – плита лит. суугу. Пелаана – Ус, орус. Белянка лит. чиир мөөгү ады. Пилемот – М-Т – пулемёт. Подпойла – Ус. – подполье. Поросонок – Ус. Орус поросёнок. Пылаараама – К-Х. – пилорама. Пээрме – К-Х – ферма. Иренгээн – К-Х – рентген. Селоонка, сейлоонка – Ус. Зеленка. Симидаан – К-Х. – сметана. Соокла Ус. Орус свекла сөөкула – П-Х свёкла. Супуушка – Ус. Бичии дагаа оглу < орус цыпушка. Хандоора – Танд. Лит. контора. < Орус контора.

Относительно слов *контора*, *морковь*, *пилорама*, *пулемёт*, *свёкла*, *сметана*, *точило*, *рентген*, *ферма*, *плита*, *кастрюля*, *ясли* мы не склонны считать их диалектизмами, так как кроме слова *кастрюля*, они все вошли в литературный язык. В устной речи тувинцев, особенно старшего поколения, данные слова имеют фонетическое звучание, приближенное к тувинскому произношению. Носителями тувинского языка в зависимости от возраста и уровня владения русским языком, как вторым, они произносятся по-разному: близко к оригиналу или как в оригинале, или же в соответствии с фонетическими законами тувинского языка. Остальные диалектные слова из этого списка можно признать таковыми, так как они зафиксированы в тех районах, куда проникли в конце XIX и начале XX вв. первые русские переселенцы и до сих пор проживает смешанное население: Усинск, Бий-Хем, Каа-Хем и Танды. Именно в этих районах тувинцы впер-

вые переняли опыт оседлого образа жизни у русских: заготовки и хранения грибов и ягод, поэтому вполне законным является устное заимствование слов *белянка*, *маслёнок*, *подполье*; а также названия домашних животных *цыпушка*, *поросёнок*, которые тувинцы раньше не содержали.

Особого внимания заслуживают русизмы в зарубежных диалектах тувинского языка. Так, в речи тувинцев Китая отмечены диалектные слова, явно русского происхождения: *картош* [kartoʃ] 'картофель, картошка' ~ лит. *картофель*, *картошка*; *көпене* [kõpene] 'копна' ~ лит. *хәлпән*; *помдор* [pomdor] 'помидор' ~ лит. *помидор* [pomidoor]; *семья* 'семья' ~ лит. *өз-бүлө*; *парзэн* 'варенье' ~ лит. *варенье*; *укул* 'укол' ~ лит. *укол*; *үтүк* 'утюг' ~ лит. *илиир*; *сант* 'сантиметр' ~ лит. *сантиметр*.

В диалекте тувинцев Китая основы русских заимствованных слов усечены и звучат как *картош* 'картошка', *парзэн* 'варенье', что не характерно для современного литературного языка: русизмы *картофель* (картошка), *варенье* и т.д. освоены в соответствии с фонетическими законами современного тувинского языка и звучат как [каэртоошка], [варэньё]. Усечение основы было характерно в 30-х годах прошлого века в первый период начального билингвизма. Таким образом, можно заключить, что в языке китайских тувинцев заимствования из русского языка проникли посредством устных прямых контактов. Это подтверждают сами информанты, которые до сих пор вспоминают русских, рядом с которыми жили с конца 19-го века до 40-х годов прошлого века.

Русизмы также присутствуют в языке тувинцев сумона Цэнгэл в Монголии. В работе Гансук Х. отмечаются примеры русских лексических заимствований: *күпене* [kõpene] 'копна', соотв. лит. *хәлпән*, монг. *бухал*; *баал* [baal] (*сигенни кезип чоруун кижиниң соонга чыдып калыр чаадан кескен сиген*) 'линия скошенного сена, остающееся после косаря'; *машаан* [mæʃæ:n] 'машина', *чирнээл* [čirne:l] 'чернила', *таапчик* [ta:pčik] 'тапочки'; *бажиинки* [bæj:inki] 'ботинки', *дептат* [deptat] 'депутат', *камбаан* [kæmbæ:n] 'комбайн', *калаабир* [kælæ:vir] 'калибр', *телевизор* [telvizi:r] 'телевизор', *битаан* [bita:n] 'бидон', *соцлизим* [sotslizim] 'социализм', *биолок* [biolok] 'биология', *аалгибир* [æ:lgivir] 'алгебра', *физик* [fi:zik] 'физика', *палааджы* [pala: žy] 'платье' ~ лит. *платье*, кобд. *палаажы* [6, с. 18].

Установлено, что заимствования из русского языка проникают в язык тувинцев Монголии через монгольский язык, поэтому они осваиваются в соответствии с фонетическими законами и монгольского, и тувинского языков. Как видно из списка заимствований, тематические группы представляют определенные группы: научно-техническая и учебная терминология, названия реалий жизни. В цэнгэльском и кобдоском диалектах в Монголии не зафиксированы общественно-политические и медицинские термины, заимствованные из русского языка.

Из приведенных примеров видно, что некоторые заимствования не совпадают по своему звучанию в разных диалектах, говорах и в литературном тувинском языке. Например: *кут. сан-ти*, цэнг. кобдо *сантим* в м. лит. *сантиметр* 'сантиметр'. В языке китайских тувинцев заимствована часть сложного слова, которая также отличается от части *сантим*, принятой у тувинцев Монголии. Таким образом, можно констатировать, что пути проникновения в разные говоры алтайского диалекта разные: у тувинцев Цэнгэла и Кобдо через монгольский язык, где также принята часть *сантим*. В литературном языке хотя и сохраняется орфография языка-оригинала, одни носители языка произносят на тувинский манер: *саэндимээдир*; другие – близко к произношению в языке-оригинале.

Библиографический список

1. Татаринцев, Б.И. Русские лексические заимствования в тувинском языке. – Кызыл, 1974.
2. Чадамба, З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. – Кызыл, 1974.
3. Доржу, М.Д. Бай-Тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. – Кызыл, 2000.
4. Сат, Ш.Ч. Тыва диалектология. – Кызыл, 1987.
5. Доржу, М.Д. Тыва дылдың диалект словары: диалектологический словарь тувинского языка. – Красноярск, 2011.
6. Гансук, Хийс Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: автореф. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009.

Bibliography

1. Tatarincev, B.I. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v tuvinskom yazihke. – Kihzihl, 1974.
2. Chadamba, Z.B. Todzhinskiy dialekt tuvinskogo yazihka. – Kihzihl, 1974.
3. Dorzhu, M.D. Bayj-Tajginskiy govor v sisteme dialektov tuvinskogo yazihka. – Kihzihl, 2000.
4. Sat, Sh.Ch. Tihva dialektologiya. – Kihzihl, 1987.

Относительно слова *хәлпән* (от русс. «копна»), заимствованного в литературный тувинский язык заметим, что оно заимствовано в литературный язык в форме родительного падежа «копен», поэтому звучит как *хәлпән*, где первый смычный слабый согласный *к* стал произноситься как сильный, проходной *х*. Надо сказать, что чередование *к ~ х* характерно для тувинских диалектов и литературного языка. Гласный второго слога произносится как долгий, поскольку в тувинском языке, как и во всех тюркских языках ударение приходится на конечный слог. Также произошло дистантная обратная ассимиляция гласных по ряду о в ө. Б.И. Татаринцев относит небольшую группу русизмов на период индивидуального билингвизма и устного заимствования, в том числе и слово *хәлпән*. Данная группа слов орфографируется так, как произносятся в тувинском языке, в отличие от письменных заимствований [1, с.18]. По фонетическому облику слов можно предположить, что слово *копна* было заимствовано в алтайский диалект отдельно, в результате маргинальных контактов. В диалекте сохранена форма единственного числа слова *копна*, поэтому между стечением группы согласных не характерных для тувинского языка появился вставочный гласный *е*, затем гласные были ассимилированы.

В языке уйгур-уряньхайцев (тувинцев) Хубсугульского аймака Монголии зафиксировано русское слово *масл* 'сливочное масло', заимствованное через монгольский язык. В монгольском варианте не произносится последний гласный, и остается основа, оканчивающаяся на стечение групп согласных *сл*. Для тувинского языка не характерно произношение в конце слова такое стечение групп согласных, поэтому конечный гласный звук не усекается, а между двумя согласными появляется редуцированный гласный. А по законам сочетаемости гласных для тувинского языка также не характерно появление конечного гласного *о* в основе слова, поэтому будет звучать *а*, который на себя берет ударение. А ударный звук русского слова в тувинском языке будет заменен долгим гласным, поэтому фонетический облик русского слова *масло* будет звучать как [маасла].

Из проведенного анализа видно, что в диалекты и говоры, распространенные на территории Республики Тыва и Китая русизмы проникали при непосредственных контактах носителей тувинского и русского языков, представляют в основном бытовую лексику. А в диалекты и говоры тувинского языка, распространенные на территории Монголии, русизмы проникают через монгольский язык и могут осваиваться в дальнейшем по фонетическим законам тувинского языка, представляют научную и учебную терминологию, названия реалий жизни, техническую терминологию. Русизмы в диалектах тувинского языка представляют собой их дифференциальными чертами.

Список сокращений

лит. – литературный язык;
 кит. – язык тувинцев Китая;
 коб. – язык тувинцев Кобдо;
 К-Х. – Каа-Хемский район;
 П-Х. – Пий-Хемский район;
 прост. – просторечный;
 рус. – русский язык;
 Танд. – Тандинский район;
 цэнг. – язык Цэнгэльских тувинцев;
 Ус. – Усинский;
 уст. – устаревший.

5. Dorzhu, M.D. Tihva dihlidhñ dialekt slovarih: dialektologicheskij slovarj tuvinskogo yazihka. – Krasnoyarsk, 2011.
6. Gansukh, Khijys Osobennosti tuvinskoyj rechi zhitel'ej Cehngehla: avtoref. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2009.
Статья поступила в редакцию 22.11.13

УДК 81'42

Pligina E.S. DOCUMENT TEXT IN PUBLIC RELATIONS (ILLUSTRATED BY ANNUAL REPORT). Document properties of PR texts are revealed (illustrated by annual report). The annual report as the object of documental linguistics is under examination: its functions, structure and system position are defined.

Key words: document, document text, public relations, PR text, co-related communicative forms, annual report.

Е.С. Плигина, аспирант каф. русского языка и документалистики Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: eka-pligina@yandex.ru

ДОКУМЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ PR-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОДОВОГО ОТЧЕТА)

На примере годового отчета выявлены свойства PR-текста как документа. Представлены результаты анализа текстов годовых отчетов с позиций документной лингвистики. Определено место годового отчета в системе документации, выявлены его функциональные и композиционно-речевые особенности.

Ключевые слова: документ, документный текст, связи с общественностью, PR-текст, смежные коммуникационные формы, годовой отчет.

Возрастание роли коммуникации в деловой деятельности определяет потребность современных организаций в эффективном использовании инструментов связей с общественностью, в числе которых – подготовка и распространение текстовых материалов информационного характера, или PR-текстов.

Традиционно PR-текст рассматривается как элемент публичной коммуникации, существующий и развивающийся в тесном взаимодействии со смежными коммуникационными формами – журналистскими и рекламными текстами [1; 2 и др.]. Между тем, развитие языка делового общения, его важная роль в процессе управления приводят к появлению новых текстовых форм [3]. В научной и методической литературе отмечается, что некоторые виды PR-текстов обнаруживают сходство с документами [4], подчеркивается значимость отдельных видов PR-текстов в российском делопроизводстве [5], говорится о возможности включения в должностные обязанности личного секретаря или референта, занимающегося подбором информации, составление PR-текстов [6], констатируется близость в технологии и средствах создания некоторых официально-деловых и PR-документов [7].

Однако, несмотря на возрастающий интерес к письменным формам PR-коммуникации и наличие работ, посвященных отдельным видам PR-текстов, в настоящее время в научной литературе не представлено системного описания PR-текстов. Многочисленность видов таких текстов определяет необходимость их научного осмысления с позиций документной лингвистики. Это позволит расширить представления о свойствах, функциях и композиционно-речевых особенностях PR-текстов, их роли в деловой коммуникации, будет способствовать оптимизации практической деятельности специалистов по связям с общественностью.

PR-тексты разграничиваются прежде всего по характеру адресата и, соответственно, по сфере использования: адресованные средствам массовой информации (пресс-релиз, заявление для прессы, факт-лист и т.д.) и представляемые внешней общественности опосредованно через СМИ (медиатексты), используемые во внутрикорпоративных коммуникациях (корпоративное издание, информационный бюллетень, книжка нового сотрудника и т.д.) и предназначенные для передачи целевой аудитории напрямую (деловое письмо, отчет, буклет и т.д.).

Особое место во взаимодействии компаний с целевой общественностью занимает отчетность. Отчетные документы преимущественно функционируют во внутренней среде организации, реализуя управленческую функцию контроля за ее деятельностью [8], отражая сведения о результатах работы по различным направлениям за определенный период времени. Новые тенденции в управлении современной компанией, в числе которых – внедрение систем менеджмента на основании междуна-

родных стандартов (ISO 14001:2004 «Системы экологического менеджмента. Требования к руководству и применению», OHSAS 18001:2007 «Системы менеджмента охраны труда и техники безопасности. Требования», ISO 9001:2008 «Системы менеджмента качества. Требования», ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности»), определяют требования к информационной открытости.

Отчет, который становится инструментом формирования имиджа компании в сфере связей с общественностью, приобретает особенные черты: является открытым, реализуя принцип гласности; адресуется широкому кругу лиц; выступает в роли «визитной карточки», выполняя задачу формирования благоприятной коммуникационной среды между организацией и общественностью. Подготовка и публикация отчетности не только способствует повышению эффективности управления предприятием, но и оказывает положительное влияние на то, как оно воспринимается обществом. Объектом осмысления в рамках связей с общественностью преимущественно выступают годовые отчеты.

Одним из основных свойств документа признается его включенность в систему документации [9]. Годовой отчет является элементом системы финансовой документации. Необходимость подготовки годового отчета установлена законодательством для ряда компаний, в том числе коммерческих структур с организационно-правовой формой «открытое акционерное общество» (ФЗ от 26.12.1995 № 208 «Об открытых акционерных обществах»). Материалом для исследования в настоящей работе послужили годовые отчеты крупных российских предприятий топливно-энергетического комплекса.

Годовой отчет представляет собой вторичный документ, так как базируется на первичных источниках информации (документах, возникающих и используемых в деятельности компании) и является результатом их аналитико-синтетической обработки. В тексте годового отчета содержатся ссылки на эти документы, например:

в соответствии с Концепцией внешней политики РФ, утвержденной Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 года, а также основными целями деятельности ОАО «Зарубежнефть», прописанными в Уставе ОАО «Зарубежнефть» от 04 октября 2004 года № 437-р...;

Положение о Комитете было утверждено решением Совета директоров от 07 ноября 2008 года (протокол № 27);

в 2010 году Правление Компании утвердило Программу в области энергосбережения и повышения энергоэффективности... и т.д.

Документный текст характеризуется полифункциональностью. Специфика адресата определяет набор и иерархию функций.

Годовой отчет, использующийся в сфере PR-коммуникации, имеет особенного, широкого и неоднородного, адресата. К основным целевым аудиториям годового отчета относят акционеров, партнеров, клиентов, инвесторов, сотрудников компании, средства массовой информации, то есть он может быть направленным как на внешнюю, так и на внутреннюю общественность. При этом важно, чтобы содержание отчета удовлетворяло интересам всех групп целевой общественности предприятия [10].

Адресат годового отчета выражен в тексте документа различными языковыми средствами. Так, неотъемлемым компонентом годового отчета являются обращения высшего руководства предприятий, в текст которых включены средства, имеющие прямую адресатную семантику, например, обращения *Уважаемые коллеги, партнеры; Уважаемые акционеры; Уважаемые акционеры, инвесторы и партнеры*. Значение адресата на лексическом уровне передается наличием в тексте обращений перформативных высказываний (*Выражаем благодарность нашим акционерам, инвесторам и партнерам за поддержку и значительный вклад в укрепление рыночных позиций*) и эргонимов (ОАО «Зарубежнефть», «РусГидро» и т.д.).

В круг языковых средств, передающих значение адресата в тексте обращения руководителя, входит также социально-ролевое наименование акционеры, в системе языка не имеющее адресатной семантики, но приобретающее ее с учетом адресованности годового отчета акционерам предприятия: *В этой деятельности, как и прежде, менеджмент и Совет директоров Компании будут в первую очередь ориентироваться на интересы всех акционеров, независимо от количества принадлежащих им акций; успешные итоги деятельности подтверждают верный выбор стратегических приоритетов и позволяют рассчитывать на дальнейшее устойчивое развитие «Роснефти» на благо акционеров* и т.д. Анализ материала позволяет говорить о прямой коллективной адресатности, выраженной в текстах годового отчета.

Особый адресат и сфера PR-коммуникации определяют специфические функции годового отчета. В их числе «документные» функции: *информационная*, выражающаяся в способности данного вида документа удовлетворять потребности целевой общественности в информации; *управленческая (регулятивная)*, связанная с воздействием документа на характер отношений между организацией и ее общественностью; а также «недокументные» функции, присущие текстам сферы PR, – *воздействия*, основанная на демонстрации конкурентных преимуществ организации в качестве объекта инвестиций; *имиджевая*, заключающаяся в формировании положительного имиджа организации в глазах целевой общественности.

Основной функцией, присущей документу, является информационная. Документная информация служит основанием для принятия управленческих решений, доказательством их исполнения. Информация, включенная в годовую отчет, основана на фактических данных о результатах деятельности предприятия, его месте в отрасли и принятой стратегии развития. Годовой отчет включает содержательно-фактуальную информацию, отражающую факты, характеризующие деятельность предприятия за отчетный период времени.

Широкий адресат требует создание понятного, ненапряженного, текста. В связи с этим важным качеством документного текста, определяющим эффективность деловой коммуникации, является мера информационной насыщенности, или плотности, текста [11].

Информационная плотность текста создается с помощью использования терминов без их определений, процедурной лексики, выделения значимых структур текста полужирным шрифтом и курсивом. Среди приемов, направленных на формирование ненапряженного текста годового отчета, отметим:

– лексические повторы:

1) *Охрана труда, промышленная безопасность и охрана окружающей среды*

В области охраны труда, промышленной безопасности и защиты окружающей среды «Роснефть» руководствуется требованиями российского законодательства и нормами международного права (годовой отчет ОАО «НК «Роснефть», 2011 год).

2) *Контроль качества нефтепродуктов*

Контроль качества нефтепродуктов, реализуемых на АЗС Компании, осуществляется на всех этапах движения топлива от нефтеперерабатывающего завода до АЗС (годовой отчет ОАО «Татнефть», 2011 год).

– детализацию:

В целом в 2011 году достигнуты положительные результаты в части удельных расходов топлива, а именно:

● *удельный расход топлива на отпущенную электроэнергию составил 299,3 г/кВтч, что ниже норматива на 1,6 г/кВтч и ниже уровня прошлого года на 26,1 г/кВтч.*

● *удельный расход топлива на отпущенную теплотворную энергию составил 140,7 кг/Гкал, что ниже норматива на 1,1 кг/Гкал и выше уровня прошлого года на 0,6 кг/Гкал (годовой отчет ОАО «Татнефть», 2011 год).*

Следует отметить, что годовую отчет включает не только содержательно-фактуальную информацию, но и сведения другого рода, отражающие факты деятельности предприятия в оптимизированном виде, что связано со стратегической задачей документа – формирование положительного имиджа организации. Такую информацию, исходящую от субъекта коммуникации, реализующую функцию воздействия и направленную на конкретные целевые группы, называют PR-информацией [12].

Что касается композиционной организации годового отчета как документа, его формуляра, то здесь также обнаруживается определенная специфика. Композиционная структура документного текста, его речевая организация подчинены реализации информационно-коммуникативной функции.

Большинство годовых отчетов предваряет обращение руководителя организации, сопровождающееся его фотографией и подписью (с указанием наименования должности, инициалов, фамилии). Отмечается, что наличие факсимильной подписи главы предприятия подчеркивает персонифицированный характер текста [13].

Титульные листы годовых отчетов предприятий топливно-энергетического комплекса включают в себя фотографии и рисунки, оформлены с использованием корпоративных цветов и разнообразных шрифтов. Все элементы предназначены для отражения индивидуальности и сферы деятельности предприятия. К реквизитам титульного листа относятся наименование вида документа (*годовой отчет*), эмблема организации, наименование организации (краткое, например: «ОАО «Зарубежнефть», «РусГидро» и т.д.). Датой документа в данном случае можно считать отчетный период (указание года, за который составлен отчет). Отметим наличие на титульном листе слоганов, привлекающих внимание целевой аудитории и формирующих определенный образ, связанный с предприятием: *Надежный и высокопрофессиональный партнер в международном нефтяном сообществе; Этап инновационного развития* и др. Отсутствуют реквизиты, подтверждающие факт утверждения документа (например, гриф утверждения), однако в самом тексте документа встречаются отметки об утверждении: *Годовой отчет за 2011 год предварительно утвержден советом директоров ОАО «Татнефть»*.

Неотъемлемым элементом годового отчета является «Содержание», в котором приводятся порядковые номера и заголовки разделов (подразделов) документа, обозначения и заголовки его приложений, номера страниц, на которых начинается тот или иной структурный элемент.

Традиционная предназначенность годового отчета, прежде всего, акционерам и инвесторам определяет ключевое значение раздела, отражающего финансовое состояние организации. Однако функции современного годового отчета, более широкий адресат предполагают включение в текст данного документа дополнительной, нефинансовой информации о деятельности предприятия за прошедший год в разных областях. Таким образом, содержание годового отчета включает две основные части: финансовую и описательную (стратегическую) [14]. Последняя привлекает особое внимание PR-специалистов.

Отчеты не обладают единой строгой структурой, но преимущественно текстовая (описательная) часть отчетов содержит следующие разделы: основная информация о предприятии (структура, руководство, география деятельности и т.д.); результаты производственной и социальной (персонал, охрана окружающей среды, благотворительность и т.д.) деятельности за отчетный период; стратегия дальнейшего развития. Неодинаковы степень раскрываемости информации, а также формат ее представления. Специфика композиционной структуры обуславливается сферой употребления годового отчета и его функциями.

Как PR-текст, годовую отчет может представлять собой красочный буклет, в задачи которого входит не только доведение финансовой информации до основной группы целевой обще-

ственности (акционеров и инвесторов), но и до других аудиторий, в числе которых государственные структуры, клиенты и т.д. [13].

Годовой отчет называют комбинированным PR-текстом, под которым понимается группа собранных вместе полиграфически или механически текстовых материалов, объединенных одним информационным поводом [15].

Все рассматриваемые отчеты включают в себя приложения, в которых раскрывается основная финансовая информация. Анализ речевой организации документного текста показал, что текст анализируемых отчетов во многом соответствует нормам официально-делового стиля.

Так, текст годового отчета насыщен терминологией, отражающей сферу деятельности предприятия (*геологоразведочные работы, геологотехнические мероприятия, двухтопливная система, насосный агрегат, базовые масла, проектная мощность, эксплуатационная колонна и т.д.*), а также финансовой терминологией, например: *выручка, чистая прибыль, рентабельность* и др., что отражает основное назначение данного вида документа.

Отметим также широкое распространение аббревиатур (ОПР, ДЗО, КПЭ и т.д.). В текстах документов допускается употребление официально принятых сокращений, зафиксированных в стандартах и словарях. В рассматриваемых документах при первичном употреблении аббревиатуры преимущественно дается расшифровка (*опытно-промышленные работы, дочерние и зависимые общества, ключевые показатели эффективности* соответственно) либо глоссарий оформляется в качестве одного из приложений. Использование в тексте аббревиатур без расшифровок (в ряде случаев), характерных для сферы деятельности предприятия, подчеркивает, что годовой отчет направлен на конкретные целевые аудитории, а не на массовую общественность.

Распространено использование сложных отыменных предлогов, например: *в целях создания благоприятной окружающей среды, в соответствии с федеральными законами*.

Широко используются конструкции глагол + отглагольное существительное вместо глагола, обозначающего действие, например, *осуществлять финансирование* вместо *финансировать*.

Для текста годового отчета характерен констатирующий-предписывающий характер изложения (для констатации фактов, событий): *В 2011 году экономический эффект от внедренных мероприятий оценивается более 700 млн рублей, сэкономлено около 30 тыс. т условного топлива*. Значение должно-

вания или обязательности действия выражается также при использовании глаголов в форме настоящего времени: *Компания реализует программы энергоэффективной экономики и ресурсосбережения, направленные на снижение топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) по всей технологической цепочке добычи нефти*.

Распространены страдательные конструкции, которые акцентируют внимание не на субъекте действия, а на самом действии (в большей степени это реализовано в безличных конструкциях): *предусмотрено инвестирование по направлениям, эффективность системы управления обеспечивается..., продолжается реализация проекта, выполняется реконструкция установки, введен в действие ряд руководящих документов и т.д.*, а также преобладают простые распространенные предложения, например: *Процедуры внутреннего контроля включают в себя целенаправленные действия Совета директоров, менеджмента Компании и других сторон, направленные на улучшение процесса управления рисками и повышение вероятности достижения поставленных целей и выполнения задач*.

Частотно употребление сложных рубрицированных перечислений, что особенно характерно для языка управленческих документов:

Основные функции внутреннего аудита:

– *оценка эффективности систем внутреннего контроля и корпоративного управления;*

– *консультирование руководства Компании в вопросах внутреннего контроля, управления рисками, корпоративного управления.*

Между тем, ряд разделов в стратегической (описательной) части годового отчета содержит оценочную информацию о деятельности организации, характерную для PR-текстов: *уникальный опыт реализации проектов, устойчивые многолетние связи, высокие компетенции и т.д.*

Таким образом, годовой отчет представляет собой документ, имеющий специфические черты, что обусловлено его функционированием в неоднородном коммуникативном пространстве. Взаимодействие пространства деловой и PR-коммуникации способствует формированию смежных коммуникационных форм. Выявленные лингвистические и экстралингвистические особенности годового отчета, традиционно относящегося к группе PR-текстов, позволяют обратить внимание на принципиальную новизну данного корпуса текстовых материалов, дают основания рассматривать PR-текст в системе документной коммуникации, определяют перспективные научные задачи для документоведения и документной лингвистики.

Библиографический список

1. Татаринова, Г.Н. Управление общественными отношениями: учебник для вузов. – СПб., 2004.
2. Иванова, К.А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. – СПб., 2008.
3. Харченко, Е.В. Предметное поле «организационно лингвистики» / Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова / Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография; отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2009.
4. Кривоносов, А.Д. Жанры PR-текста: учеб. пособ. для студ. отделений связей с общественностью. – СПб., 2001.
5. Мосеев, Р.Н. Пресс-релиз как разновидность деловой переписки // Секретарское дело. – 2004. – №7.
6. Денисова, И.В. Навыки PR-деятельности в работе секретаря: как составить пресс- и пост-релизы для СМИ // Справочник секретаря и офис-менеджера. – 2011. – № 12.
7. Кушнерук, С.П. Документирование социально-производственных отношений (текст информационного бюллетеня: создание и использование) // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2004. – Вып. 3. – Сер. 2: Языкознание.
8. Янковая, В.Ф. Документы и системы документации // Секретарь-референт. – 2006. – № 1.
9. Косова, М.В. Системность как свойство документного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 1(15). – Сер. 2: Языкознание.
10. Бердников, И.П. PR-коммуникации: Практическое пособие / И.П. Бердников, А.Ф. Стрижова. – М., 2010.
11. Косова, М.В. Информативность документного текста: критерии меры / М.В. Косова, О.И. Кулько // Региональные аспекты межкультурного взаимодействия в современном информационном пространстве [Э/п]. – Р/д: <http://new.volsu.ru/forum/forum58/topic306/>
12. Рыженко, Е.С. Языковые особенности пресс-релизов в интернете // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – № 1(17). – Сер. 2: Языкознание.
13. Связи с общественностью. Составление документов. Теория и практика: учеб. пособ. для студентов вузов / В.В. Данилина, М.В. Луканина, Л.В. Минаева [и др.]; под ред. Л.В. Минаевой. – М., 2012.
14. Мамонтов, А.А. Практический PR. Как стать хорошим PR-менеджером. Версия 3.0. – СПб., 2011.
15. Кривоносов, А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций – СПб., 2002.

Bibliography

1. Tatarinova, G.N. Upravlenie obshchestvennyimi otnosheniyami: uchebnyy dlya vuzov. – SPb., 2004.
2. Ivanova, K.A. Kopirayting: sekretih sostavleniya reklamnykh i PR-tekstov. – SPb., 2008.
3. Kharchenko, E.V. Predmetnoye pole «organizatsionno lingvistiki» / E.V. Kharchenko, L.A. Shkatova / Diskurs, koncept, zhanr: kolektivnaya monografiya; otv. red. M.Yu. Oleshkov. – Nizhniy Tagil, 2009.
4. Krivonov, A.D. Zhanri PR-teksta: ucheb. posob. dlya stud. otdeleniy svyazey s obshchestvennost'yu. – SPb., 2001.
5. Moseev, R.N. Press-reliz kak raznovidnost' delovoy peregiski // Sekretarskoe delo. – 2004. – №7.
6. Denisova, I.V. Navihki PR-deyatelnosti v rabote sekretarya: kak sostavit' press- i post-reliz dlya SMI // Spravochnik sekretarya i ofis-menedzhera. – 2011. – № 12.

7. Kushneruk, S.P. Dokumentirovanie socialjno-proizvodstvennykh otnosheniy (tekst informacionnogo byulletenya: sozdanie i ispolzovanie) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – Vihp. 3. – Ser. 2: Yazhkoznanie.
8. Yankovaya, V.F. Dokumenti i sistemih dokumentacii // Sekretarj-referent. – 2006. – № 1.
9. Kosova, M.V. Sistemnostj kak svoystvo dokumentnogo teksta // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 1(15). – Ser. 2: Yazhkoznanie.
10. Berdnikov, I.P. PR-kommunikacii: Prakticheskoe posobie / I.P. Berdnikov, A.F. Strizhova. – M., 2010.
11. Kosova, M.V. Informativnostj dokumentnogo teksta: kriterii merih / M.V. Kosova, O.I. Kuljko // Regionalnihe aspektih mezhkuljturnogo vzaimodeystviya v sovremennom informacionnom prostranstve [Eh/r]. – R/d: <http://new.volsu.ru/forum/forum58/topic306/>
12. Rihzhenko, E.S. Yazhkovihe osobennosti press-relizov v internete // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 1(17). – Ser. 2: Yazhkoznanie.
13. Svyazi s obthestvennostiju. Sostavlenie dokumentov. Teoriya i praktika: ucheb. posob. dlya studentov vuzov / V.V. Danilina, M.V. Lukanina, L.V. Minaeva [i dr.]; pod red. L.V. Minaevoyj. – M., 2012.
14. Mamontov, A.A. Prakticheskij PR. Kak statj khoroshim PR-menedzherom. Versiya 3.0. – SPb., 2011.
15. Krivonosov, A.D. PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikacij – SPb., 2002.

Статья поступила в редакцию 18.12.13

УДК 82.09

Prishepa V.P., Sipkina N.Y. CREATIVITY OF R. I. ROZHDESTVENSKIY IN THE EVALUATION OF LITERARY CRITICS OF THE XX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY. In the article named: Creativity of R.I. Rozhdestvenskiy in the evaluation of literary critics of the second half of the twentieth XX century – the beginning of the XXI century marked the stages of literary and critical understanding of the creative heritage of the poet of the sixties R.I. Rozhdestvenskiy.

Key words : artistic heritage, evaluation, literary, artistic specificity of the method, the study of creative potential, common cultural outcomes.

В.П. Прищепа, д-р филол. наук, проф. Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского гос. университета ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан; **Н.Я. Сипкина**, канд. филол. наук, сотрудник Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье «Творчество Р.И. Рождественского в оценке отечественного литературоведения второй половины XX века – начала XXI века» обозначены этапы литературоведческого и критического осмысления художественного наследия поэта-шестидесятника Р.И. Рождественского.

Ключевые слова: творческое наследие, оценка, литературоведение, специфика художественного метода, исследование творческого потенциала, общекультурные итоги.

Одной из главных задач современной отечественной литературной науки в области изучения творческого наследия Р.И. Рождественского является определение специфики основного художественного метода Рождественского, исследование всего его творческого потенциала в связи с общекультурными итогами XX века.

Для решения поставленной задачи необходимо представить общую картину литературоведческого изучения поэтического, лиро-повествовательного, публицистического творчества Р.И. Рождественского. Можно условно выделить несколько этапов литературно-критического осмысления произведений Р.И. Рождественского.

Первый этап – 1950–1960-е гг. Первый этап характеризуется «знакомством» критики с лирическим героем первых опубликованных стихотворений и поэм Р. Рождественского, стремлением определить основные качества его творчества. В литературно-критических статьях предпринимается попытка охарактеризовать творческие начинания поэта, связать их с усвоением опыта В.В. Маяковского, найти истоки поэтического творчества Р. Рождественского. Этот период в изучении стихотворного творчества можно назвать и этапом признания поэта. В 1950–1960 гг. Р. Рождественским было опубликовано множество стихотворений в журналах и газетах (ж. «На рубеже», «Октябрь», «Юность», «Дружба народов», «Знамя», «Литературная Москва» и др.; г. «Литературная газета» «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», и др.). Читатели познакомились с поэмами («Моя любовь» (1955), «15 минут до старта» (1959), «Спутник» (1959), «Реквием» (1961), «Письмо в XXX век» (1964), «Поэма о разных точках зрения» (1965), «До твоего прихода» (1967), «Посвящение» (1969)), которые также вызвали множество откликов, замечаний, полемики. Публикуются первые сборники стихов («Флаги весны» (1955), «Испытание» (1956), «Дрей-

фующий проспект» (1959), «Необитаемые острова» (1962). «Ровеснику» (1962), «Сын Веры» (1966), «Избранная лирика» (1966)), которые выходят огромными тиражами и привлекают внимание критиков и литературоведов (Б. Слуцкий, В. Воронов, Л. Аннинский и др.).

Приход в литературу Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной позволил взглянуть на эту «группу» как на единое поколение, увидеть общность их первоначальных идейно-художественных задач, выявить сильные и слабые стороны их позиции.

В наиболее значимых исследованиях творчества Р. Рождественского отмечаются характерные черты его поэзии.

Б. Слуцкий в «Заметках о поэзии Р. Рождественского» выделяет просветительское значение поэтического творчества Р. Рождественского и его соотечественников. Анализируя стихотворения Р. Рождественского, поэт-критик отмечает главный, по его мнению, пафос ранней поэзии Р. – героико-патриотический. По утверждению Б. Слуцкого в стихах Р. Рождественского, прослеживаются традиции, связанные с поэзией Серебряного века: «...наработанный, ясный, демократический, звонкий стих Маяковского 1924–1929 гг., как нельзя более подходил для решения задач, поставленных Рождественским, для ежедневного общения с массовым молодежным слушателем. Однако, Маяковский этот стих выработал, Рождественский его унаследовал. Усилием воли таланта, не разрешая себе вынести в печать свое оптимизм, свои эксперименты, не прерывая связи с читателями, поэт упрямо расширяет культурную почву, из которой растут его стихи» [1, с. 104].

Другой критик, литературовед Вл. Воронов в статье «Мы ещё будем» определил доминанту поэзии: Р.Р. 1950–1960-х гг.: «она в гражданском беспокойстве за людские души» [2, с. 56–69].

Появляются критические работы, в которых сопоставляется творчество Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского. Например, критик и литературовед Лев Аннинский в начале 1960-х в «Заметках о молодой поэзии» [3, с. 198–208] указал на «условность» их «революции в поэзии», подчеркнув ученическое изучение традиций В. Хлебникова, В. Маяковского, М. Цветаевой. Автором статьи был выявлен общий романтический строй лирического мировидения и его издержки в творчестве поэтов-шестидесятников. Взыскательный взгляд критика увидел и «тяжёлый творческий кризис» как следствие потери лирического героя, и изменение характера романтического героя, и появление в их творчестве «незаметных героев», рядового человека.

В целом этот период в изучении творчества Р. Рождественского можно охарактеризовать этапом признания поэта, истолкования его литературной учёбы, ошибок и заблуждений на пути к зрелости.

Второй этап – 1970-е гг. Второй этап критического осмысления творчества Р. Рождественского совпадает с «застойным» периодом «брежневского» правления. В то же время, данный отрезок времени можно определить и как период плодотворной творческой деятельности поэта, тесно связанной с общественной. В это десятилетие Р. Рождественским было опубликовано 13 сборников стихов («Всерьёз» (1970), «Горячий Север» (1971), «Радар сердца» (1971), «Возвращение» (1972), «Линия» (1973), «За двадцать лет» (1973), «Перед праздником» (1974), «Огромное небо» (1975), «Баллада о красках» (1976), «Не просто спорт» (1976), «Голос города» (1977), «Всё начинается с любви» (1977), «Избранные произведения» (1979)), поэма «210 шагов» (1979), две публицистические книги («И не кончается земля» (1971), «Разговор пойдёт о песне» (1979)); сборники песен на стихи Р. Рождественского (1974, 1975 гг.). Поэт традиционно публикует свои стихи в журналах и газетах. Там же активно печатается со своими статьями по вопросам литературы и искусства, рецензиями на сборники стихов поэтов-современников. В данный период Р. Рождественский занимается переводческой деятельностью, является ведущим передачи «Документальный экран» на ЦТ, ведёт активную общественную работу: неоднократно выбирается в состав правления СП РСФСР, СССР, участвует в совещаниях и семинарах молодых писателей, Днях советской литературы в республиках СССР, зарубежных странах, проводит творческие вечера. В 1972 г. ему была присуждена премия им. Ленинского комсомола, а в 1979 году за книгу стихов «Голос города» и поэму «210 шагов» Р. Рождественский удостоен Государственной премии СССР.

Соответственно вырастает и количество критических статей о творчестве поэта. В 1970-е годы поэзию Р. Рождественского анализируют ведущие писатели, критики, литературоведы страны (М. Луконин, К. Симонов, А. Дементьев, М. Тарасов, В. Коротки, Е. Евтушенко, С. Наровчатов, Л. Аннинский, А. Бочаров, А. Михайлов, С. Чупринин, Е. Сидоров и др.). Критические мнения неоднозначны.

По словам писателя, публициста, драматурга Л. Жуховицкого в поэтических произведениях Р. Рождественского 1970-х гг. прослеживаются нравственно-эстетические искания творческой эволюции поэта-шестидесятника – отражение иллюзий и разочарований «застойного» периода: «Его стихи похожи на самогипноз: любовь и дружба, совесть и честь были для него поплавками, позволявшими удержаться, выжить, а его стихи были такими же поплавками для многочисленных читателей» [4, с. 540–551].

Поэт Расул Гамзатов, характеризуя стихотворения и поэмы Р. Р., определил общественную значимость лирического героя – современника поэта: «...он был поэтом в защиту рядовых людей. У него герои были рядовые» [5, с. 552–557]. Поэт Константин Ваншенкин «устанавливает планку» творчества Р. Р., считая, что как поэт Рождественский «не дотягивал до уровня ж. «Новый мир», а остался поэтом ж. «Юности», поэтому не все его творчество принимали» [6, с. 53–55].

Поэт В. Соколов отмечает идентичность стихов и их автора: «Может показаться, что это просто. Нет, это не просто. Это нелегко было в той атмосфере, которая всячески сопротивлялась этому прекрасному свойству поэта – естественности голоса и самобытности жеста. Рождественский не жаловался на давление – он побеждал его. И читатели благодарно принимали его стихи, они видели в их авторе свободного человека... или жаждущего быть свободным... то есть видели в нём своего» [7, с. 73–74].

Писатель В. Аксёнов определил роль поэтов-шестидесятников, которые продолжили свою творческую деятельность и в 1970-е гг. Он считал, что Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина – «главная обойма» поэтической России в 1970-х гг. И в то же время, по его мнению, поэты-кумиры 1960-х гг. были вовлечены в процесс постепенного «поглощения властью»: «Конечно, Р. Рождественский не принадлежал никогда к правому лагерю, но, тем не менее, он стал, в конце концов, удобной фигурой для них» [8, с. 98–103].

Писатель, драматург, киносценарист Юлиу Эдлис не воспринял «ложную святость» поэмы «210 шагов»: «Я антисоветский мальчик, рожденный за границей, я не успел быть пионером, у меня свои отношения с советской властью. Для меня всей этой святости нет. Я не понимал, как мог Роберт – честный человек, искренний человек, написать такое» [9, с. 108–114].

По утверждению Е. Евтушенко, поэзия Р. Рождественского обозначенного периода перенасыщена риторичностью: «Я всю жизнь боролся и до сих пор борюсь с риторикой. Это было болезнью нашего поколения, какой-то отравой газетной ...» [10, с. 108–114].

Таким образом, в критических статьях о творчестве Р. Рождественского 1970-х гг. выявляется идейно-художественное своеобразие лирических произведений Рождественского. Достаточно тщательно анализируются наиболее заметные поэмы произведения предыдущих десятилетий (например, «Реквием»), так как именно в них автор «подводит» художественные итоги своей творческой эволюции. Предпринимается попытка определить жанровую специфику рождественского лиро-эпоса, осмысливается специфика его стиля.

Третий этап – 1980-е гг. Третий период исследования творчества Р.И. Рождественского, также как и второй, отличается своей творческой насыщенностью. За этот отрезок времени поэт продолжает публиковать свои стихи в значимых журналах и газетах тогдашнего СССР, поэтические сборники (всего было издано 13 книг – «Семидесятилетие» (1980), «Семь поэм» (1982), «Стихотворения и поэмы» (1981), «Мои года» (1982), «Голос города» (1982), «Выбор» (1982), «Ежедневное чудо – не чудо» (1983), «Это время» (1983), «Стихи. Баллады. Песни.» (1984), «Московская панорама» (1986), «Друзьям» (1986), «За того парня» (1986), «Стихотворения» (1988)), сборники песен на стихи Р. Рождественского (1982, 1987), публицистические книги («Землю спасти» (1983), «Память, память» (1984), «Капля» (1986)). Он занимается переводческой деятельностью, печатается в журналах и газетах со статьями на темы литературы и искусства, пишет рецензии на поэтические и прозаические книги писателей Советского Союза и зарубежных стран. В 1980 г. подготовил к изданию первую книгу В. Высоцкого «Нерв», со своей вступительной статьёй. Продолжает заниматься активной общественной деятельностью: участвует в правлении СП РСФСР, СССР, комиссиях по проведению 100-летнего юбилея со дня рождения А.А. Блока, по проекту новой редакции Устава СП СССР (1987), является председателем комиссий по литературным наследиям В. Высоцкого, М. Цветаевой, О. Мандельштама.

Поэт-переводчик Лев Озеров, вспоминая о совместной с Р. Р. работе комиссии по литературному наследию М. Цветаевой, выделяет уникальные черты в личности и творчестве Р. Р. – принципиальность и целеустремлённость: «Особенно с Р. Рождественским нас сблизил Комиссия по литературному наследию Марины Цветаевой, которую он возглавлял, а я был одним из ее членов. Время было страшное. Шла, хотя и медленная, с оглядками и оговорками, реабилитация Марины Цветаевой. В России вывод из-под запрета крупного художника – дело затяжное и мутное. Нужны десятилетия... Наши с Робертом Ивановичем цели, задачи, планы были просты и ясны: добиться издания одноместника, потом двухместника, потом массового издания. Мы совместно разрабатывали стратегию и тактику борьбы (неточное, но привычное слово) за цветаевское наследие» [11, с. 540–548].

В рамках работы СП СССР по главе делегаций Р. Рождественский выезжает в республики СССР, зарубежные страны с целью проведения Дней советской литературы. Участвует в съездах писателей республик, СССР, семинарах. Проводит творческие вечера поэзии. Выступает на секретариате СП СССР по вопросу об отмене лишения А. Солженицына российского гражданства, восстановление его в членстве СП СССР (1989) и т.д.

Наиболее важным итогом данного периода является системное критическое осмысление поэзии Р. Рождественского, появление литературоведческих исследований о его творчестве, которое вписывается в круг проблем осмысления русской поэзии второй половины XX века («Чем жива литература?» (1986) А. Бочарова, «Публицистика в поэзии» (1988) А. Мальгина, «Эволюция русской рифмы» (1984) «Очерки истории русского стиха» (1984) М. Гаспарова, «Поэзия. Поэтика. Поэт» (1984) Ю. Минералова, «Крупным планом. Поэзия наших дней: проблемы и характеристики» (1983) С. Чуприна и др.). Изучение творчества Р. И. Рождественского становится частью научного осмысления истории русской литературы второй половины XX века – анализ его произведений включается в учебные пособия для студентов и школьников («История русской, советской литературы, 40-е – 70-е годы / Под ред. А. Метченко и др.» (1980), В. Зайцев «Современные русские поэты (40-е – нач. 80-х гг.)» (1983), «Современная советская поэзия» (1988) и др.). Информация о поэте помещается в Краткой литературной энциклопедии (1971). В библиографическом указателе Л. Кременцова «Русская советская поэзия» (1984) приводится краткая биографическая справка о Р. Рождественском.

Критики и литературоведы рассматривают творчество поэта 1980-х гг. в различных аспектах, подчас высказывая противоположные точки зрения о поэзии Р.И. Рождественского.

Литературовед, литературный критик Л. Аннинский выделяет романтизм поэзии Р. Рождественского 1980-х гг. Для критика важны новаторские черты и лидерство Р. Рождественского в поэзии середины XX века: «Он и жанровые рубежи берет первым: и в поэме он продуктивнее, увереннее всех поэтов своего поколения, и песней лучше всех умеет охватить массу. Он словно вехи ставит на краях лирики, как ставит вехи на краях земли и неба; жесткими прямыми углами своих ритмов, ораторской «маяковой» лесенкой, а более всего – открытой и искренней верой в безграничность сил человека» [12, с. 5–30].

Поэт, однокурсник по Литературному институту Марат Тарасов отмечает философичность стихов Р. Р.: «...в описании сиюминутного и резко меняющегося была пластика, в приближении к мировым святыням – Тадж-Махалу или Валааму – не туристский ажиотаж, а ощущение вечности» [13, с. 520–521].

1980-е годы – пик песенной поэзии Р. Рождественского. Его песни – популярны, становятся победителями на различных фестивалях, поются народом (например, песня «Сладка ягода»). Композитор Марк Фрадкин так характеризует этот вид творчества поэта: «Всегда бывает прекрасно, если поэт умеет строфой, строчкой, а иногда одним, единственно нужным словом выразить точную поэтическую мысль, которая становится понятна любому человеку. Такие стихи часто ищут свое продолжение в музыке. Ищут и находят. Такие стихи у Роберта Рождественского» [14, с. 3–5].

Е. Евтушенко с Р. Рождественским были близкими друзьями. Друг-сотоварищ первым из критиков выделил трагические оттенки лирики Р. Р.: «У него огромное было несоответствие его грустных глаз с его маршевыми, бодрими песнями и стихами. Несоответствие с его глазами, обликом и совершенно особым, специфическим, я бы не сказал «черным», но достаточно мрачным юмором. Он был где-то внутри невеселый человек. У него какая-то боль жила нерассказанная. И он ее из себя не выпускал в стихах слишком долго. А потом она начала выходить наружу, эта боль. И тогда получились прекрасные стихи. Он слишком боялся обнаружить эту боль» [10, с. 108–114].

Критик и литературовед Е. Сидоров в статье «Служба поэтического слова» «подытоживает» поэтическую деятельность Р.И. Рождественского 1980-х гг.: «Характерное свойство поэзии Рождественского – постоянно пульсирующая современность, живая актуальность вопросов, которые он ставит перед самим собой и перед нами. Эти вопросы, как правило, касаются столь многих людей, что мгновенно находят отклик в самых различных кругах. Если выстроить стихи и поэмы Рождественского в хронологическом порядке, то легко можно убедиться, что лирическая исповедь поэта отражает некоторые существенные черты, свойственные нашей общественной жизни, ее движение, возмущение, духовные обретения и потери» [15, с. 5–14].

Четвёртый этап – 1990 – второе десятилетие 2000-х гг. Период дальнейшего критического осмысления творчества Р.И. Рождественского. 19 августа 1994 прервался жизненный путь поэта, но его поэзия продолжает своё существование. Если при жизни поэта в начале 1990-е гг. вышли всего три книги («Алёш-

кины мысли» (1991), «Бессонница» (1991), «Пересечение» (1992)), то после смерти, благодаря, прежде всего, стараниям и усилиям его жены А.Б. Киреевой и дочери К.Р. Рождественской, увидели свет 15 поэтических сборников Р. Рождественского («Последние стихи Р. Рождественского» (1994), «Самые стихи» (1995), «Стихотворения» (1997), «Фотография поэта» (1998), «Стихотворения. Поэмы. Эссе» (2000), «Удостоверение личности» (2002, 2007), «Помогите мне стихи» (2000, 2002), «Мгновения, мгновения, мгновения» (2006, 2010, 2012). «Стихотворения» (2006, 2010), «Придёт и к вам любовь» (2006, 2007), «Эхо любви: стихи и песни» (2006, 2007). «Стихи о любви» (2008, 2009), «Твоя и моя земля» (2011), «Алёшкины мысли. Стихи для детей» (2011), «Мы совпали с тобой» (2012)). Несмотря на тяжёлую болезнь, перенесённые сложные операции. Р. Рождественский (в начале 1990-х гг.) продолжает заниматься общественной деятельностью, связанной с секретариатом СП СССР: во главе делегации писателей (А. Киреевой, Л. Аннинского, Н. Ивановой, В. Некляева, Р. Гамзатова, М. Салганика) совершает поездку в Индию по приглашению М. Рамакришны для участия в семинаре на тему «Философия бескорыстного служения» (1990), выступает на дискуссии «Круглого стола» Международного общественного совета «Иностранной литературы» «Художник и власть» (1990), участвует в составлении письма президенту СССР М. С. Горбачёву о необходимости осуждения антисемитизма в стране (1990), выступает на «Круглом столе» по проекту музея О. Мандельштама (1993). Пишет рецензии («Решающий голос» – на книгу М. Чаклаша «Конь в янтаре», «Голубой метеорит» – на книгу Р. Сефа «Голубой метеорит» (1992), на публикацию стихов А. Карвовского), статьи («Вот оно – святое наше воинство: 9 мая Б. Окуджаве исполнилось 70 лет» [16, с. 5–14], «Уходят могикане» [17, с. 15] о народном артисте СССР Р.Я. Плятте), проводит итоговые беседы-интервью («Нам всем крупно повезло» [18, с. 25], «Поэма началась в груди, грудь разорвать грозю...» [19, с. 13–23], «Считаю, что я – дитя войны» [20, с. 5], «Жизнь наша зебастая...» [21, с. 3]).

Во временном отрезке 1990-х – начала 2000-х гг. в литературной критике традиционно присутствует полнота мнений и суждений о завершающем этапе творчества Р. Рождественского. Если до 1994 г. Р. Рождественского по инерции считают поэтом, который стоит «на службе поэтического слова» (А. Мальгин). Яркий пример тому первый в стране объёмный публицистический очерк А. Мальгина «Роберт Рождественский» (1990). Автор «помещает» поэта в рамки соцреализма. Р. Р. выглядит успешным, жизнерадостным поэтом-певцом. Было выгодно замечать оптимистические нотки стихов, ярко их высвечивать, затушёвывать трагические оттенки, которые то там, то здесь прорывались между стихотворных строф (например, «Поэма о разных точках зрения», «Ожидание», книга стихов о любви «Всё начинается с любви» и др.). Например, в стихотворении «Старая записная книжка» (1985) боль звучит в каждой строке, в каждом слове. Поэт оплакивает своих ушедших друзей: «*Рана моя / открывшаяся. / Память моя / святая. / Други мои – товарищи. / Вечные судьбы / мои*». Нежная любовь ощущается в стихотворении «Цирк» (1967). Поэт предлагает читателям почаще приходить в цирк, возвращаться в своё детство, когда искренность и душевные порывы были основой детского существования: «*Цирк не любить – / всё равно, что детей не любить*».

По мнению А. Мальгина «лиро-публицистичность» – главная черта поэзии Р. Рождественского: «... если прислушаться к мнению тех, кто стихи его не любит, выяснится, что раздражает их, как правило, то, что является наиболее сильной стороной его творчества, – принципиальная установка на публицистичность, на актуальный отклик по самым разным проблемам – политическим, социальным, нравственным. Считая любое появление публицистичности проявлением «конъюнктуры», эти люди не замечают того, что лирика и публицистика в его стихах сплелись, друг без друга немислимы, что социальная наполненность его стиха неизменно подкрепляется глубоко личным, даже интимным переживанием. Это и отличает стихи Рождественского от скороспелых творений тех, кто любой ценой пытается угнаться за злобой дня. И притягивает к нему внимание широких читательских кругов» [22, с. 4].

В справочнике В. Агеносова и К. Анкудинова «Современные русские поэты» Р. Рождественский выступает в роли «публициста, оратора». Отмечая положительные моменты поэтического творчества («композиционная выстроенность», «мастерство рифмовки», «нерегламентированные поэтические размеры»),

авторы справочника всё-таки «навешивают ярлык» на поэта: «Склонность к риторике, пафосу, приводила его (особенно в позднем творчестве) к подмене искреннего чувства псевдопоэтикой» [23, с. 81–82].

После смерти критическое осмысление поэтического наследия Р. Рождественского перешло на новый уровень – Р.Р. признается ведущим русским поэтом второй половины XX века, его начинают считать «мыслителем дум», «совестью» поколения «шестидесятников», «уникумом», обладающим огромной духовной силой. Р. Р. из поэта-оптимиста, как по волшебству, превращается в поэта-трагика, тонко чувствующего все перипетии своего жизненного пути.

Известные литературные критики, писатели, поэты (Л. Аннинский, Ю. Карякин, Л. Лазарев, Л. Озеров, Г. Бакланов, Р. Гамзатов, Б. Окуджава, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, А. Дементьев, В. Коротич и др.), характеризую «последние» стихи Р. Р., возводят их в ранг, достигших вершинного мастерства.

Так, писатель Григорий Бакланов один из первых разбивает стереотипное мышление о Р. Р., как о поэте, подверженном «конъюнктуре»: «В эти последние годы, когда непостижимо и далеко не в лучшую сторону менялись люди, Роберт Рождественский утверждался в главном, что изначально было в нем. А это – мужество и порядочность. И все меньше голос трибуна, и все проникновенней голос поэта в его последних стихах» [24, с. 519].

Литературовед, писатель, публицист Юрий Карякин считает Р. Рождественского и его финальные стихи – «народной совестью»: «Для меня эти стихи, в сущности, его посмертная поэма, поэма-завещание, поэма-покаяние, поэма-искупление. Мало таких, кто нашел в себе силы сказать: *«Из того, что довелось мне сделать, / выдохнуть случайно довелось, / может, наберется строчек десять... / Хорошо бы, / если б набралось»*» [25, с. 524–526].

Ю. Карякин выделяет атеистические убеждения Р. Р., но в то же время считает, что его стихи – это его «поэтическая» религия и вера – нравственное устремление к совершенству, к идеалу существования на земле: «Я не буду сейчас говорить об атеизме таких людей, как Б. Окуджава, В. Высоцкий, Р. Рождественский. Но ведь сами их стихи и были их молитвой: *«Помогите мне, стихи! / В этот день и в этот час / я – / не верующий в Бога – / помощи прошу у вас. / Помогите мне, / стихи, / в это самое мновенье / выдержать, / не впасть в неверье. / Помогите мне, / стихи»*. Последние стихи – и помогли, и спасли, и не пустили в клобучковую тьму» [25, с. 524 – 526].

Кандидат филологических наук, литературовед, литературный критик Лазарь Лазарев заметил в позднем творчестве Р. Р. ценнейшую черту – «не проходящее удивление перед творчеством»: «Удивительное дело, читая новые стихи, Р. Рождественский волновался как начинающий. Это волнение было рождено высоким чувством ответственности перед Поэзией. Подтверждение этому я нашел в его записных книжках последних лет жизни, которые были напечатаны в «Вопросах литературы» (1995, № 2). Эти записи отличаются пронизательностью мыслей, точностью наблюдений, бесстрашной открытостью и самоанализом» [26, с. 535–538].

Статья «Зона, незабвенная шестая часть земли» литературоведа и критика Л. Аннинского в какой-то мере подытоживает

поэтическую деятельность поэта-классика, где лирика и поэмы Р. И. Рождественского признаются значимой частью поэтического творчества русской поэзии второй половины XX века.

По мнению Л. Аннинского, Р. Р. выступает хранителем и продолжателем традиции поэзии Серебряного века (А. Блока, В. Маяковского О. Мандельштама, М. Цветаевой).

Критик прослеживает жизненный путь поэта и определяет пафос, главный мотив «поздней» поэзии Р. Рождественского – прощание с «земным путём» и предчувствие чего-то неизведанного на краю физической гибели: «Стихи – о смерти, о подступающей смерти, об ожидании смерти. Можно сказать, попытка итога, последний рывок души: найти в случившемся – смысл. Но более всего, и глубже всего, и глуше – сама борьба души с подступающим небытием: попытка не согнуться. Чисто «рождественская» оборона юмором: *«Тихо летят паутинные нити. / Солнце горит на оконном стекле. / Что-то я делал не так? / Извините: / жил я впервые / на этой Земле»*.

...Была страна, охватывающая шестую часть земного шара. Потом сказали, что это была сплошь – зона. Чтобы это почувствовать надо потерять. Всё потерять. И вернуться в стихи в эту зону, незабвенную шестую часть земли» [27, с. 355 – 358].

Важным итогом данного периода (1990-е – второе десятилетие XXI в.) является возникновение научного **рождественсковедения**, которое начинает изучать творчество Р. Рождественского системно и многогранно. Выходит 21-й том библиографического указателя «Русские писатели. Поэты» (составители: И.В. Алексахина, Н.Г. Захаренко, И.В. Халулаева и др.) (1997 г.), в котором большой раздел посвящен Р.И. Рождественскому. Изданы «Словарь рифм Р. Рождественского» А. Бабакина (2001г.), книга «Удостоверение личности» (2002, 2007 гг.), вместившая в себя стихи Р. Рождественского, воспоминания, статьи о творчестве поэта его современников – писателей и литературоведов. В Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова защищена диссертация «Раннее поэтическое творчество Р.И. Рождественского в контексте литературного процесса 1950-х – начало 1960-х гг.» (2010 г.) Н.Я. Сипкиной. В 2011 и 2012 гг. вышли две монографии В.П. Прищепы, Н.Я. Сипкиной «Орфей великой эпохи». Авторы исследуют раннее творчество поэта. Начиная с 2007 года, на малой родине Р. Р., в с. Косиха Алтайского края проводятся Рождественские чтения на базе районной мемориальной библиотеки им. Р. Рождественского. Масштабы чтений расширились до российского уровня. В Косихинском районе учреждена муниципальная литературная премия им. Роберта Рождественского, первыми лауреатами стали авторы первой научной монографии о творчестве Р. Рождественского «Орфей великой эпохи». В книгу впервые включены Летопись жизни и творчества Р.И. Рождественского и Родословная поэта по линии матери и отца.

Таким образом, творчество Р.И. Рождественского – важная часть историко-литературного развития, совпадающая и, в какой-то мере, определяющая общий ход развития русской поэзии 1950-х – 1990-х гг. Можно, с уверенностью констатировать следующий факт – творческая жизнь Р. И. Рождественского продолжается и после физической смерти поэта (август 1994 г.) – уже в наше время – во втором десятилетии XXI века.

Библиографический список

1. Слуцкий, Б. Заметки о поэзии Р. Рождественского. – М., Российский государственный архив литературы и искусства. Ф 3101. Слуцкий, О.л., ред. хр.104, машинопись с подписью автора. 1968 г.
2. Воронов, Вл. Мы ещё будем // Вопросы литературы. – 1965. – № 3.
3. Аннинский, Л. Заметки о молодой поэзии // Знамя. – 1961. – № 9.
4. Жуховицкий, Л. Каждый день хоть кто-нибудь произносит его // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
5. Гамзатов, Р. Поэт // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
6. Ваншенкин, К. Поэзия не умирает // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
7. Соколов, В. О Роберте Рождественском // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
8. Аксёнов, В. Два не очень трезвых бога // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
9. Эдлис, Ю. Это было счастливое время // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
10. Евтушенко, Е. «Мы цапаемся жёстко, мы яростно молчим» // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
11. Озеров, Л. Последние стихи // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
12. Аннинский, Л. Не докричавшийся до ХХХ века. Приход и уход Роберта Рождественского // Р.И. Рождественский. Стихотворения. – М., 2006.
13. Тарасов, М. «А заката не ждять» // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
14. Фрадкин, М. О Р. Рождественском // Песни на стихи Р. Рождественского. – М., 1987.
15. Сидоров, Е. Служба поэтического слова // Р.И. Рождественский. Стихотворения. – М., 1988.
16. Рождественский, Р. Вот оно – святое наше воинство: 9 мая Б. Окуджава исполнилось 70 лет // Независимая газета. – 1994. – Май.
17. Рождественский, Р. Уходят могикане // Ростислав Янович Плятт: воспоминания друзей и коллег. – М., 1994.
18. Медведев, Р. Цена прозрения. Спец. кор. «Огонька» берёт интервью. – М., 1990.

19. Мальгин, А. Беседа о поэме. – М., 1990.
20. Шестков, Е. «Считаю, что я – дитя войны». Беседа с Р. Рождественским // Неделя. –1993. – № 18 (май).
21. Семёнов, В. «Жизнь наша зебная» // Красная звезда. – 1993. – 25 июня.
22. Мальгин, А. Роберт Рождественский. Очерк творчества. – М., 1990.
23. Агеносов, В. Современные русские поэты / В. Агеносов, К. Анкудинов. – М., 1997.
24. Бакланов, Г. Воспоминания о Р. Рождественском // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
25. Карякин, Ю. Две посмертные поэмы // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
26. Лазарев, Л. Удивление перед творчеством // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.
27. Аннинский, Л. «Зона, незабвенная шестая часть земли» // Роберт Рождественский: удостоверение личности. – М., 2002.

Bibliography

1. Sluckiy, B. Zametki o poezii R. Rozhdestvenskogo. – M., Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv literatury i iskusstva. F 3101.Sluckiy, Op.I., ed. khr.104, mashinopis s podpisu avtora. 1968 g.
2. Voronov, V. M. M. ethyo budem // Voprosy literatury. – 1965. – № 3.
3. Anninskiy, L. Zametki o molodoy poezii // Znamya. – 1961. – № 9.
4. Zhukhovitskiy, L. Kazhdij denj khotj kto-nibudj proiznosit ego // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
5. Gamzatov, R. Poet // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
6. Vanshenkin, K. Poetziya ne umiraet // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
7. Sokolov, V. O Roberte Rozhdestvenskom // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
8. Aksyonov, V. Dva ne ochenj trezvikh boga // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
9. Ehdlis, Yu. Ehto bihlo schastlivoe vremya // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
10. Evtushenko, E. «Mih capaemsa zhyostko, mih yarostno molchim» // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
11. Ozerov, L. Poslednie stikhi // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
12. Anninskiy, L. Ne dokrichavshijsya do KhKhKh veka. Prikhod i ukhod Roberta Rozhdestvenskogo // R.I. Rozhdestvenskiy. Stikhotvoreniya. – M., 2006.
13. Tarasov, M. «A zakata ne zhdaj» // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
14. Fradkin, M. O R. Rozhdestvenskom // Pesni na stikhi R. Rozhdestvenskogo. – M., 1987.
15. Sidorov, E. Sluzhba poeticheskogo slova // R.I. Rozhdestvenskiy. Stikhotvoreniya. – M., 1988.
16. Rozhdestvenskiy, R. Vot ono – svyatoe nashe voynstvo: 9 maya B. Okudzhave ispolnilosj 70 let // Nezavisimaya gazeta. – 1994. – Mayj.
17. Rozhdestvenskiy, R. Ukhodyat mogikane // Rostislav Yanovich Plyatt: vospominaniya druzey i kolleg. – M., 1994.
18. Medvedev, R. Cena prozreniya. Spec. kor. «Ogonjka» beryot intervju. – M., 1990.
19. Malgin, A. Beseда o poeme. – M., 1990.
20. Shestkov, E. «Schitayu, chto ya – ditya voynih». Beseда s R. Rozhdestvenskim // Nedelya. –1993. – № 18 (mayj).
21. Semyonov, V. «Zhizn nasha zebnaya» // Krasnaya zvezda. – 1993. – 25 iyunya.
22. Malgin, A. Robert Rozhdestvenskiy. Ocherk tvorчества. – M., 1990.
23. Agensov, V. Sovremennye russkie poeti / V. Agensov, K. Ankudinov. – M., 1997.
24. Baklanov, G. Vospominaniya o R. Rozhdestvenskom // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
25. Karyakin, Yu. Dve posmertnye poemi // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
26. Lazarev, L. Udivlenie pered tvorchestvom // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.
27. Anninskiy, L. «Zona, nezabvennaya shestayа chasty zemli» // Robert Rozhdestvenskiy: udostoverenie lichnosti. – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 18.12.13

УДК 398:89

Tekleva L.A. SUBLIMATION – A SPECIAL WAY TIPIZACII LIFE PHENOMENAS IN CANTO OF THE PERIOD OF THE GREAT DOMESTIC WAR. Sublimation is considered in article as the form of the reflection to realities in canto of the period of the Great Domestic war. One aspect to sublimations is connected with tipizacii image, conventionality, width of the generalization. The Other aspect to sublimations is connected with origin, so named, song-alteration new variant on the base known public song and popular author's song brought and military time.

Key words: sublimation, generalization, variability, tipizacii, song.

Л.А. Теклева, аспирант каф. литературы Института журналистики и филологии Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: tekleva@mail.ru

СУБЛИМАЦИЯ – ОСОБЫЙ СПОСОБ ТИПИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПЕСНЯХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается сублимация как форма отражения реальности в песнях периода Великой Отечественной войны. Один аспект сублимации связан с типизацией образов, условностью, широтой обобщения. Другой аспект сублимации связан с возникновением, так называемых, песен-переделок – новых вариантов на базе известных народных песен и популярных авторских песен довоенной и военной поры.

Ключевые слова: сублимация, обобщение, вариативность, типизация, песня.

Известный учёный-фольклорист В.П. Аникин назвал принципы художественного отражения реальности в фольклоре искусством художественных сублимаций. Учёный писал: «...фольклорное искусство в процессе осознания фактов минует стадию правдоподобия, переходит на уровень столь широкого обобщения, что правдоподобие становится для него обременяющим моментом. <...> Здесь нет обязательного отражения жизни в форме самой жизни, допускается условность» [1, с. 196]. Другими словами, фольклорный творец, воссоздавая реальную жизнь, преобразует ее в духе своего идеала.

Сублимирующие формы отражения реальности особенно ярко проявляются в песнях периода Великой Отечественной

войны, полнее, чем любой другой жанр фольклора, запечатлевших героические события военной поры. В песнях, характерной особенностью которых является типизация образов, условность, широта обобщения, даётся собирательный образ героя, защитника родной земли. Это делает песню близкой и понятной всему народу: и тому, кто сражается с врагом, и тому, кто ждет родных и близких с фронта.

Песни военных лет не только несут в себе информацию, связанную с тем или иным событием на фронте, но и свидетельствуют об эмоционально-психологическом восприятии действительности её создателями. Они передают мысли людей, объединившихся в стремлении победить врага. Обращаясь

к чувствам, песня сближается с переживаниями бесчисленного количества людей и обретает особенный тип жизненных обобщений: «... солдат открывал в услышанной песне будто только ему предназначенное заветное слово... потому что песня была про него и про его жизнь, про его битву с врагом, и прибавлялось с той минуты солдату сил, и начинал он сражаться умнее и решительнее, и мечтать о послевоенной жизни ярче, и тверже верить в то, что она придёт», – писал участник войны Б.П. Маршалов [2, с. 7].

Присутствие искренних непосредственных чувств участников событий придаёт песням высокую степень сублимации. Особенно ярко это проявляется в песнях-некрологах, к которым можно отнести песни о герое Советского Союза генерал-майоре Л.М. Доваторе «*Зачем вы нахмурились, темные ночи...*» [3, с. 57], о командующем 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховском «*Скрылись за тучами...*» [3, с. 61], об Александре Матросове «*Шумел валдайский темный бор...*» [3, с. 68], о Зое Космодемьянской «*Село родное вышло из тумана...*» [3, с. 180]. Эти песни об известных всей стране людях, они описывают реальные фронтовые события, одновременно типизируя образы героев: песни о Доваторе и Черняховском рисуют образ идеального командира, песни о Матросове и Космодемьянской передают пафос героического подвига.

Обобщение с высоким уровнем типизирования происходит в том случае, когда песня, утратив связь с историческим лицом, живет как песня о безымянном герое. В качестве примера можно привести «Песню о снайперах». Первоначально посвящённая Герою Советского Союза снайперу Николаю Ильину, впоследствии она пелась по всем армейским подразделениям просто как песня о снайперах:

*Ночью на границе
Умолкают птицы,
В тучах прячется луна,
Ветер в поле бродит, –
Снайпера выходят
Истреблять заклятого врага* [3, с. 64].

Иногда в вариантах песни слово «снайпера» заменялось конкретной фамилией выдающегося снайпера данного подразделения, части или полка, как в песне о герое Сталинградской битвы Пётре Гончарове:

*Гончаров выходит
Истреблять заклятого врага...* [3, с. 65].

Примеров героизма, совершенного на войне, было огромное количество, благодаря этому рождается другой тип обобщения: песни о безымянных героях:

*...В те дни враг пытался расширить
Стремительный танков прорыв
Но встали полки у Каширы,
Сердцами столицы прикрыв...* [3, с. 29].

Несмотря на то, что у героев данной песни нет имён, их подвиг связан с определенным участком фронта, с реальными военными действиями, а именно, с защитой Москвы. Образы безымянных героев присутствуют в песнях, отражающих все основные события войны.

Ярко проявляется сублимация в том случае, когда песня, которая изначально пелась о безымянном герое, впоследствии посвящалась конкретному человеку, такова, например, песня «*В чистом поле, поле под ракитой*» (слова М. Исаковского, музыка В. Захарова), получившая повсеместное распространение в партизанской среде. Рассказ в ней ведётся о безымянном партизане, погибшем в борьбе с врагом, но есть варианты, в которых герой наделён конкретным именем, среди них песня о Михаиле Голдышеве «*В чистом поле, поле под ракитой*» [3, с. 176], «*Песня о Заслонове*» [3, с. 178]. Сублимация позволила авторам наполнить данные песни фактическими подробностями. Например, в «*Песне о Заслонове*» не только говорится о том, как погиб герой: «*дядя Костя, командир Заслонов, пулей был прострелен он в бою*», но и указано место гибели партизанского командира: «*Возле Орши роща небольшая*». И в том и другом примере наблюдается сублимация – значительный отход условного образа от того, каким он был в первоисточнике.

Ещё один аспект сублимирования можно связать с возникновением новых вариантов на базе старых народных песен и популярных авторских песен довоенной и военной поры. Это огромный песенный пласт, ставший своеобразной парадигмой для народной творческой среды, на основе которого сформировался тематически новый песенный массив.

Вариативность становится одним из главных законов функционирования песен войны и проявляется в разных формах. Первая, основываясь на традициях, интерпретирует готовый сюжет: «На фронте и в тылу зазвучали песни о Ермаке, Степане Разине, о великих русских полководцах Суворове и Кутузове, песни первой мировой войны и войны гражданской» [4, с. 4]. В связи с этим закономерным актом явилось возрождение среди солдат старых воинских и казачьих песен с их тематикой и стилистическими особенностями: «*За курганом пики блещут*», «*То да сокол и орёл крылатый*», «*Любо, братцы, любо*» и другие. Вариативные элементы в этом случае возникают на основе стабильной песенной формы с устойчивыми компонентами поэтики, сложившимися в народной практике. Сублимирование происходит через приспособление содержания песен к новым историческим условиям, через дополнение текстов конкретными деталями боевой обстановки, в которой данный песенный вариант возникал. Так, песня гражданской войны «*Смело мы в бой пойдём*» исполнялась в годы войны практически без изменений, только «*белые цепи*» были заменены на «*фашистские*»:

*Вот показались
Фашистские цепи,
С ними мы будем
Биться до смерти...* [4, с. 63].

Другая форма вариативности заключается в создании множества версий на исходный вербальный текст, когда на основе старых песен появляются новые песни с самостоятельной словарной основой. В этом случае наблюдается свободное типологическое воплощение исходного материала, когда текст становится важнейшим структурирующим элементом нового произведения, аккумулируя в себе сюжетную канву первоисточника. Многочисленные варианты альтернативных текстов были созданы в годы Великой Отечественной войны на сюжет песни «Варяг». Меняя тексты, песня обрела новый смысл, оставаясь при этом гимном стойкости и героизму:

*Товарищи, к бою! Рубеж не сдавать!
Горячее время настало.
Немало боёв нам пришлось испытать,
Такого ещё не бывало...*

*...Вот реутся снаряды, и танки гремят,
Над нами стервятники вьются,
Но мы решили: ни шагу назад!
Фашисты сюда не прорвутся!* [4, с. 79].

Не менее ярким является пример с песней «Коногон». В данном случае на основе сюжета о гибели шахтёра создаются новые образы, связанные с гибелью представителей разных родов войск: в песне «*Мы шли на дело ночью тёмной*» [4, с. 73] описана гибель партизана, в песне «*По полю танки грохотали*» [4, с. 76] поётся о гибели молодого краснофлотца, песня «*На поле танки грохотали*» рассказывает о гибели танкового экипажа:

*...По танку вдарил болванка.
Погиб гвардейский экипаж.
Четыре трупа возле танка
Дополняют утренний пейзаж* [5, с. 145].

Во всех представленных примерах обстоятельства гибели героев сублимируются в соответствии с реальными боевыми условиями, в которых приходилось действовать данному роду войск.

Ещё одним распространённым приёмом становится создание песен на любимые напевы. В этом случае создание варианта проходит через создание абсолютно нового текста, сюжет которого отличается от сюжета первоисточника. Как пишет П. Лебедев, «в большинстве случаев авторы стихов сознательно "нацеливались" на знакомую мелодию... Так, уже в первые дни войны Александр Твардовский создаёт "Песню девяного девятой дивизии" с подзаголовком: "На мотив "По военной дороге"» [6, с. 270].

Принцип адаптации популярных в народе песенных мелодий и бытующих напевов является традиционным для фольклора. Известны тексты песен периода Великой Отечественной войны на мотивы песен: «Коробейники» («*Выйду, выйду в ночь глубокую*») [5, с. 95], «По долинам и по взгорьям» («*Партизаны истребляют*») [5, с. 98], «Три танкиста» («*Ты пропой-ка песенку, подружка*») [5, с. 99], «На закате ходит парень» («*На закате ходит немец*») [5, с. 340] и многих других. Например, песня на мотив «Отпрягайте хлопцы коней»:

Отпрягайте, хлопцы, коней
 Да ложитесь сами спать.
 А я буду на дозоре
 Сон ваш зорко охранять,
 Гарнизон когда встряхнули,
 Завязался славный бой.
 Не ушел от вашей пули
 Ни один фашист живой...
 ... В перепутье бед немало
 Довелось вам перенести,
 Но отваги прибавляла
 Вам в боях святая месть... [5, с. 26].

Известная мелодия воплотилась в новом героико-патриотическом сюжете. Текст созданной песни абсолютно отличается от первоисточника, сохранился только запев.

Песни профессиональных поэтов и композиторов на фронтовую тематику: «Любимый город», «Катюша», «Синий платочек», «Землянка», «Огонек», «Темная ночь», «Моя любимая» – также породили огромное количество вариантов. Среди них есть варианты, полностью отличающиеся от исходных текстов. Именно создание песен-переделок с абсолютно новым текстом привело к многообразию сюжетов, созданных на одну и ту же мелодию. Например, песня «Синий платочек» (муз. Г. Петербургского, слова Я. Галицкого) получила необычайно широкое распространение на фронте и в тылу, её тексты варьировались, переделываясь на протяжении всех военных лет. «Новый текст на мелодию данной песни «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа» был внесён в записную книжку фронтовика Н.И. Немчинова уже 29 июня 1941 года на Украине, но уже через месяц песня была записана в Ивановской области от бойца А.И. Смирнова» [7, с. 103]. Но это не единственный сюжет песен, исполнявшихся на данную мелодию. В песнях «С крестиком белый платочек» и «Беленький скромный платочек» говорится о медицинских сёстрах, их роли в спасении раненых героев. Первая песня поётся от имени раненого бойца, которого в госпитале выхаживает медсестра:

...Порой ночной...
 Помню больничный покой.

Солнце в закате.
 Был я в палате
 Раненый, слабый, больной.
 Чувства героя к спасительнице, вдохновляют его на борьбу с врагом:

Надо в борьбе за свободу
 Черную свастику смять.
 Шумным мотором, с русским задором
 Буду врага штурмовать [8, с. 23].

В конце песни звучит уверенность в победе и надежда на встречу с любимой. Песня «Беленький скромный платочек» повествует не только о спасении раненого бойца, но и о том, что он дождался Победы и встретил свою возлюбленную:

...Только закончилась битва,
 И под кудрявой сосной
 С девушкой в белом
 Скромном платочке
 Встретился парень-герой!
 – Здравствуй, родная сестрица!
 Вот и остался живой.
 В праздник Победы
 Теперь навсегда уже
 Встретились снова с тобой [8, с. 30].

Основу художественного обобщения в обеих песнях составляет фронтовая реальность: война, тяжелое ранение, выздоровление, возвращение в строй. Минувшая стадия конкретного воспроизведения фронтовой действительности, авторы свободно переходят к широким обобщениям сходных между собой явлений той поры: спасённый боец влюбляется в свою спасительницу – медицинскую сестру, надежда на встречу с любимой вдохновляет его на битву с врагом. Отход от конкретности и перевод художественных обобщений на ступень универсализма является в данном случае результатом сублимации.

Таким образом, сублимирующая работа художественной мысли определяет в песнях периода Великой Отечественной войны и фольклорный процесс, и формирование самого фольклорного произведения, помогает воссоздать реалии освободительной войны и показать её главного героя – воина-освободителя.

Библиографический список

1. Аникин, В.П. Теория фольклора: курс лекций. – М., 2007.
2. И сердцу по-прежнему горько... Песни / сост. Б.П. Маршалов. – Челябинск, 1995.
3. Крупянская, В.Ю. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны / В.Ю. Крупянская, С.И. Минц. – М., 1953.
4. Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны в записях К.Г. Свитовой. – М., 1985.
5. Народные песни Великой Отечественной войны / составитель А.С. Яreshko. – М., 2012.
6. Лебедев, П. Песни боевых походов. Солдатское песенное творчество Великой Отечественной войны. – Саратов, 1986.
7. Русский фольклор Великой Отечественной войны. – М.; Л., 1964.
8. Родники народные. Песни Красноярского края / сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 1995.

Bibliography

1. Anikin, V.P. Teoriya folklora: kurs lekcij. – M., 2007.
2. I serdcu po-prezhnemu gor'ko... Pesni / sost. B.P. Marshalov. – Chelyabinsk, 1995.
3. Krupyanskaya, V.Yu. Materialy po istorii pesni Velikoy Otechestvennoy vojny / V.Yu. Krupyanskaya, S.I. Minc. – M., 1953.
4. Nezabivhaemiye godih. Russkiy pesenniy folklor Velikoy Otechestvennoy vojnyh v zapisyakh K.G. Svitovoy. – M., 1985.
5. Narodniye pesni Velikoy Otechestvennoy vojnyh / sostavitel A.S. Yareshko. – M., 2012.
6. Lebedev, P. Pesni boevikh pokhodov. Soldatskoe pesennoye tvorchestvo Velikoy Otechestvennoy vojnyh. – Saratov, 1986.
7. Russkiy folklor Velikoy Otechestvennoy vojnyh. – M.; L., 1964.
8. Rodniki narodniye. Pesni Krasnoyarskogo kraya / sost. K.M. Skopcov. – Krasnoyarsk, 1995.

Статья поступила в редакцию 18.11.13

УДК 811: 112

Berzina G.P. MULTIVARIABLE DESCRIPTION OF THE CATEGORY CONCESSIVITY IN A COGNITIVE PARADIGM OF RESEARCH. This article is devoted to the problem of multivariable method in description of the concessivity category in a cognitive paradigm. The short characteristic of aspects of concessivity category (anthropological, ontological, gnoseological, onomasiological, semasiological, communicative-pragmatically, social) is offered for the large-scale description the concessivity category with split-level language ontology.

Key words: category, concessivity, aspect, anthropological, split-level, gnoseological, semasiological, ontological.

Г.П. Берзина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. иностранных языков Новосибирского военного института внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск, E-mail: bgp55@mail.ru

МНОГООБЪЕКТНОСТЬ КАТЕГОРИИ КОНЦЕССИВНОСТИ В КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье систематизируются аспекты исследования категории концессивности в когнитивной парадигме. Предлагается краткая характеристика аспектов рассмотрения категории концессивности: антропологического, онтологического, гносеологического, ономазиологического, семасиологического, коммуникативно-прагматического, деятельностного, социального для масштабного описания категории концессивности, имеющей разноразрядную языковую онтологию.

Ключевые слова: категория, концессивность, аспект, антропологический, разноразрядный, гносеологический, семасиологический, онтологический.

Окружающий мир представлен в сознании человека большим количеством категорий, репрезентирующих опыт освоения этого мира. В последнее время к проблеме категориального устройства обращаются все чаще в связи с изучением языковых способов и механизмов представления знаний, среди которых категории играют ведущую роль, поскольку именно категориальные значения занимают ведущее положение в установлении обратной связи между языком и планом концептуального содержания.

Главные усилия лингвистов направлены на выявление категорий, их определение и построение, правил, устанавливающих принадлежность к ним тех или иных языковых единиц. Для лингвистики существенно принятое в философии рассмотрение категорий как наиболее общих форм познания.

Согласно энциклопедическому словарю, языковая категория [от греч. *kategoria*] – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака ... [1, с. 215].

Исследования в области когнитивной лингвистики и смежных наук подводят к мысли о том, что языковые категории представляют собой определенные концептуальные структуры, или формы осмысления мира в языке. С.Д. Кацнельсон, размышляя о познавательной важности мыслительных категорий, подчеркивал, что категории – это этапы познания мира [2, с. 450]. Н.Н. Болдырев полагает, что языковые категории представляют собой определенные формы осмысления мира в языке, то есть формы языкового сознания и форматы знания особого типа. По способу формирования любая «категория – это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта» [3, с. 23]. Главную роль, которую играют концепты в мышлении, – это категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы.

Сближение когнитивной и коммуникативной парадигм знания, учет не только логического, но и иррационального начала языка и психической природы его носителя, позволяет более детализировано и многоаспектно представить пространство любой категории, в том числе и категории концессивности. Задачей данной статьи является выделение аспектов описания разноразрядной категории концессивности. Актуальность выбора категории концессивности в качестве предмета исследования обусловлена тем, что общетеоретические задачи современной лингвистики, направлены на комплексное изучение и построение теории крупных семантических, синтаксических и функционально-семантических категорий языка, имеющих разноразрядную языковую онтологию.

Под категорией в ракурсе нашего исследования мы понимаем лингвоментальное образование, представляющее собой совокупность ментальных единиц и их вербальных и невербальных репрезентантов, обладающих общностью когнитивных признаков и фиксирующих результаты познавательной деятельности коллективного и индивидуального сознания.

Анализ лингвистической литературы свидетельствует о том, что категория концессивности постепенно переходит из семантико-синтаксической категории преимущественно с синтаксической базой в разряд межуровневых категорий, которая включает в себя морфологические, лексические, синтаксические составляющие; категория концессивности рассматривается как речевая тактика в общении, выделяются невербальные уступитель-

ные средства. Важным этапом в исследовании уступительных отношений стал переход к изучению их в рамках дискурсивного анализа. Данный этап в изучении уступительных отношений ознаменовался обращением ряда ученых к деятельностно-ориентированному подходу, при котором объектом исследования являлась уступка как дискурсивный феномен [4-7 и др.].

Следовательно, категория концессивности, включенная в языковую картину мира самым непосредственным образом, как универсальная, сложноорганизованная, крупномасштабная семантико-прагматическая категория требует специального исследования с учетом достижений последних лет в области исследования когнитивной лингвистики, семантики, прагматики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии.

Принцип антропоцентризма, или «человека в языке» утверждался в языкознании со времен В. фон Гумбольдта, в работах которого берет свое начало признание человека феноменом, консолидирующим науку о языке. Создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который проецирует реалии объективной действительности, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Обращение к человеку, как носителю языка [8-12 и др.], составляет необходимое условие, так как категория концессивности сформировалась в практической, интеллектуальной деятельности людей. Очевиден тот факт, что категория концессивности включена не только в парадигму *познание и язык*, категорию *отношение*, но и в более широкую парадигму *человек – мир – язык*.

Сущность *гносеологического* аспекта категории концессивности заключается в следующем: понятие уступительности используется в качестве гносеологического инструмента в процессе познания картины мира, ее отдельных фрагментов. Познание окружающего мира – всегда длительный процесс, который предполагает известный жизненный опыт, накопление знаний.

Концептуальная система категории концессивности объединяет в себе все типы ментальных сущностей, которые выделяются в процессе познания, актуализируя свой образный, понятийный, схематический, прототипический, фреймовый, метафорический уровни или разные комбинации этих концептуальных сущностей. Становление ментального лексикона в онтогенезе происходит при непосредственном взаимодействии с развитием у человека познавательных процессов, направленных на постижение мира. Параллельно идет осмысление, упорядочение и организация речевого / языкового опыта при помощи интеллектуальных операций, что в итоге приводит к формированию языковых и метаязыковых знаний.

Ономазиологический аспект категории концессивности в языке обусловлен отражательной природой языка и связан, в частности, с решением вопросов: каков уступительный смысл, каково лингвистически релевантное строение уступительной ситуации, как и с помощью каких языковых средств обозначаются уступительные отношения, какой языковой семантической интерпретации они подвергаются при «оязыковлении». При изучении ономазиологического аспекта категории концессивности необходимо двигаться в направлении от объективной действительности к логико-понятийному их отражению и далее к языковой семантической модификации. Ономазиологический аспект переводит категорию концессивности в плоскость внутриязыковой семантики как явления, предопределенного объективной реальностью.

В связи с тем, что для языка существенно разграничение двух действительностей, двух онтологий – внеязыковой (картина мира) и внутриязыковой (языковая картина мира), *онтологический аспект* проблемы категории концессивности охватыва-

ет два ряда вопросов. Первый ряд вопросов касается онтологии уступительных отношений, объекта внеязыковой действительности, который послужил основой для концептуализации и категоризации и стал категориальным концептом категории concessивности, второй ряд вопросов касается языковой интерпретации категории concessивности.

Основными содержательными единицами языковой картины мира являются значение, понятие, концепт. Категория concessивности рассматривается в исследовании в качестве лингвоментального комплекса или сложной многокомпонентной структуры, объединенной на основе категориального уступительного концепта. Уступительный концепт – это свернутая ядерная идея, концентрированная содержательная единица сознания, центральный элемент категории concessивности, сформированный посредством мысленного увязывания осмысленных и обобщенных характеристик объектов, явлений, свойств предметов картины мира, совокупности личностных и социальных отношений.

Язык является средством строения и символической репрезентации различных концептуальных систем, один из способов кодирования и средством передачи содержащихся в них знаний. Это происходит, когда наше чувственное восприятие накладывается на концептуальную репрезентацию, а затем эта концептуальная репрезентация накладывается на языковую репрезентацию.

Категория concessивности репрезентируется как эксплицитными, так и имплицитными вербальными средствами. Репрезентативное поле вербальной категории concessивности включает в себя несколько взаимодействующих между собой областей: уступительность лексическая, уступительность грамматическая. Уступительная лексика отражает онтологические признаки изменения, получая специфическую лексическую, морфологическую и синтаксическую выраженность, что дает основание говорить о ее универсальности и всеприсутственности. Ономастологический аспект учитывает воздействие на семантику языковых единиц с уступительным значением четырех факторов: объективной действительности – субъекта познающего – мышления – языковых категорий и субкатегорий. В ономастологическом плане абстрактная категория concessивности приобретает статус семантической категории.

При *семасиологическом* изучении категории concessивности предпочтение отдается внутриязыковому – парадигматическому и синтагматическому рассмотрению языковых единиц с уступительным содержанием. В этом большую помощь оказывает термин уступительный концепт, который выступает как интегрирующее начало для объединения множества разноуровневых вербальных и невербальных средств выражения категории concessивности.

С появлением новых подходов к проблеме организации языкового материала (концептуальной интеграции, фреймовой семантики и т.д.) анализ тематической группы глаголов уступительного значения, на наш взгляд, позволяет наиболее четко проследить новые принципы классификации значений тематически родственной лексики.

Коммуникативно-прагматический аспект исследования категории concessивности предполагает изучение способов вербализации уступительного смысла в речи и воздействия высказываний уступительной семантики на адресата в зависимости от тех или иных целей говорящего. С точки зрения лингвистической семантики и прагматики, теории речевых актов, предложения уступительной семантики формируют особый вид речевых актов, которые имеют определенную прагматическую структуру. Специфика данных высказываний обусловлена их явной прагматической направленностью посткоммуникативного воздействия на адресата с целью побуждения к действию (к согласию, к уступке) или к бездействию.

Коммуникативный аспект уступительных высказываний можно представить следующим образом: говорящий сначала делает некоторое утверждение, которое вызывает у слушателя определенные предположения относительно возможных следствий или результатов сообщаемых фактов. Однако своим последующим утверждением говорящий уточняет, корректирует или даже опровергает возможные последствия, которые, по предположению говорящего, ожидает слушающий. Таким образом, второе суждение является в определенной мере неожиданным (относительно первого суждения) для говорящего или адресата.

Суть деятельностного аспекта – рассмотрение любого явления и процесса в его становлении и функционировании сквозь

призму категории деятельности. Основанием такого подхода выступает, естественно, общепсихологическая теория деятельности, а сам подход представляет собою приращение этой теории к изучению и формированию категории concessивности. Деятельностный подход является по своей сути универсальным, поскольку охватывает широчайший спектр познавательных процессов.

Категория concessивности имеет оценочный, аксиологический характер, в котором выражена эмоциональная сторона общественных (социальных) отношений. Стратегия поведения *уступка* выступает средством урегулирования взаимоотношений и поведения людей как определенная побудительная сила, выражая нравственные требования общества с позиций сущего или должного. Понятие «стратегия» определяет сущность мыслительных процессов, которые целенаправленны, систематичны и находятся под внешним контролем сознания.

Авторитет и значимость стратегии поведения *уступка* базируется на принципах, нормах, то есть на силе общественного мнения или самосознании личности. В процессе *нравственного* выбора (*уступать* – *не уступать*) личностно соотносит свой внутренний мир, свою субъективность с миром сущим, это возможно только в мыслительном акте.

Социальный аспект категории concessивности заключается в том, что концепт *уступка* может быть отнесен к концептам, обеспечивающим связь *человек – социум*, так как концепт *уступка* не мог возникнуть в индивидуальном сознании самостоятельно, не опираясь на социальный фон – обобщенные знания социума. Концепт *уступка* несет в себе коллективное знание, результат воздействия того или иного события на человека, положительная или отрицательная оценка этих событий.

Исходя из проведенного обзора аспектов изучения категории concessивности, следует, что при исследовании и описании содержания разноуровневой категории concessивности необходимо учитывать девять взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов ее рассмотрения: *онтологический, гносеологический, ономастологический, семасиологический, коммуникативно-прагматический, деятельностный, нравственный, социальный, антропологический*. Разграничение этих аспектов условно, так как они тесно взаимосвязаны и переплетены.

Перечисленные взаимообусловленные и взаимосвязанные аспекты позволяют рассмотреть категорию concessивности как многокомпонентную структуру, которая имеет сложное иерархическое внутреннее строение, сегменты которой взаимодействуют между собой, при этом каждый сегмент организован по типу центр-периферия. Исходя из задач исследования, в содержании категории concessивности мы условно выделяем четыре сегмента: 1) концептуальный (понятийный); 2) вербально-семантический; 3) коммуникативно-прагматический; 4) невербальный. Такое сегментирование категории concessивности основано на положении, что каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации [13, с. 16].

Особенность *концептуального сегмента* категории concessивности состоит в том, что он представляет собой результат первичного осмысления нового знания, выделения когнитивных признаков предметов, явлений, событий реальной действительности, обобщения и абстрагирования, формирования категориального концепта concessивности. *Вербально-семантический сегмент* категории concessивности – это коммуникативно-релевантная вербализованная часть категории, которая представляет собой семантико-прагматический и лексико-грамматический континуум, единицы которого предоставляют доступ к единицам концептуального уровня.

Коммуникативно-прагматический сегмент категории concessивности представлен различными коммуникативными стратегиями и тактиками, базирующимися на принципе «уступка с определенной целью». Мы выделили следующие виды уступительных коммуникативных тактик в речевом акте: коммуникативная тактика уступка-сближение в переговорном процессе, коммуникативная тактика взаимной уступки (компромисс), коммуникативная тактика уступка за уступку в торговом дискурсе, коммуникативная тактика выжимания уступки, коммуникативная тактика частичной уступки, коммуникативная тактика промежуточной уступки и другие.

Следует отметить, что языковое знание, как результат когнитивного опыта человека, существует в двух формах языка:

вербальной и невербальной. *Невербальный сегмент* категории концессивности включает в себя невербальные коды коммуникации: кинесические (мимика, взгляд, жесты), такесические (прикосновения, рукопожатие), проксемические (положение в пространстве). Невербальные сигналы, подобно словам, используются по-разному и имеют неоднозначное толкование, обладают денотативным (прямым) и коннотативным (ассоциативным) значениями.

К числу константных признаков категории концессивности мы относим следующие: 1) универсальность; 2) содержательная насыщенность, отражающая разные сферы социального опыта, общественной практики и культурных знаний; 3) динамичность, предполагающая непрерывное обновление знаково-го состава категории. Важными характеристиками категории концессивности являются многообразие, многоуровневость, много-

плановость и масштабность. Категория концессивности не существует в сознании человека изолированно, она имеет совместные периферийные области с такими категориями как категории обусловленности, с модальными категориями (модальность, оценка, отрицание), лексическими, морфологическими, синтаксическими и другими категориями.

Таким образом, многоаспектный подход в исследовании категории концессивности позволяет условно интерпретировать содержание языковой категории, определить ее иерархическое строение, поскольку предусматривает систематизацию всех типов знаний, имеющих опору на познавательную деятельность человека. В свете когнитивной парадигмы лингвоментальная категория концессивности рассматривается как отражение определенных пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке.

Библиографический список

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М., 1998.
2. Каснелъсон, С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. — М., 2001.
3. Болдырев, Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4.
4. Апресян, В.Ю. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография. — М., 2006.
5. Берзина, Г.П. Функционально-семантическое поле уступительности в современном немецком языке: учеб. пос. к спецкурсу. — Новосибирск, 2007.
6. Кадырова, А.И. Отношения уступительности в современном английском тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1987.
7. Хилалова, Н.Г. Функционально-прагматический аспект блокирующей уступки в контексте бытового конфликтного дискурса в современном немецком языке: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. — Иркутск, 2004.
8. Бондарко, А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. — СПб., 1998.
9. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
10. Кубрякова, Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 2006.
11. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. — М., 1974.
12. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. — М., 1988.
13. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1.

Bibliography

1. Yazhkoznaniye. Bolshoy ehnciklopedicheskiy slovarj. — M., 1998.
2. Kasneljson, S.D. Kategorii yazhka i mihsleniya: iz nauchnogo naslediya. — M., 2001.
3. Boldihrev, N.N. Reprezentaciya znaniy v sisteme yazhka // Voprosih kognitivnoy lingvistiki. — 2007. — № 4.
4. Apresyan, V.Yu. Ustupitel'nostj v yazhke // Yazhkovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. — M., 2006.
5. Berzina, G.P. Funkcionaljno-semanticheskoe pole ustupitel'nosti v sovremennom nemeckom yazhke: ucheb. pos. k speckursu. — Novosibirsk, 2007.
6. Kadihrova, A.I. Otnosheniya ustupitel'nosti v sovremennom anglijskom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1987.
7. Khilalova, N.G. Funkcionaljno-pragmaticheskij aspekt blokiryuthey ustupki v kontekste bihtovogo konfliktного diskursa v sovremennom nemeckom yazhke: avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk. — Irkutsk, 2004.
8. Bondarko, A.V. O stratifikacii semantiki // Obthee yazhkoznaniye i teoriya grammatiki. — SPb., 1998.
9. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazhik i yazhkovaya lichnostj. — M., 1987.
10. Kubryakova, E.S. Chto mozhet datj kognitivnaya lingvistika issledovaniyu soznaniya i razuma cheloveka // Mezhdunarodnihy kongress po kognitivnoy lingvistike. — Tambov, 2006.
11. Paducheva, E.V. O semantike sintaksisa. Materialih k transformacionnoy grammatike russkogo yazhka. — M., 1974.
12. Serebrennikov, B.A. Rolj chelovecheskogo faktora v yazhke: yazhik i mihslenie. — M., 1988.
13. Kubryakova, E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnihkh problemakh kognitivnoy lingvistiki // Voprosih kognitivnoy lingvistiki. — 2004. — № 1.

Статья поступила в редакцию 18.01.14

УДК 81-119

Gogichev Ch.G. THE COGNITIVE MODELS AND THE PROCESS OF THEIR REALIZATION IN IDIOM SEMANTICS.

The article looks at the cognitive models and their role in forming of the categories of the subordinate level. The cognitive models associated with idioms reveal following properties: some of them can be taken as a reason for a further categorization process of an existing class or the meaning expressed by means of idioms can be considered as insufficient for a categorization change.

Key words: cognitive model, categories, subordinate level, idioms, categorization, potential semantic properties.

Ч.Г. Гогичев, канд. фил. наук, доц. каф. делового общения РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва,
E-mail: chgo@mail.ru

ПРОЦЕССЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ЗНАЧЕНИИ ИДИОМ

В статье рассматривается процесс формирования категорий субординатного уровня на материале идиом и связанных с ними когнитивных моделей. Соотнесение объекта/категории с когнитивным классификатором происходит в сигнификате, здесь осуществляется активация потенциальных когнитивных моделей, их потенциальный статус доказывается существованием субкатегорий, представляющих собой результат рекатегоризации соответствующей категории базового уровня. Не все потенциальные когнитивные модели могут служить основанием для образования нового класса, существуют категоризирующие и некатегоризирующие когнитивные модели.

Ключевые слова: идиомы, когнитивные модели, сигнификат, субкатегория, категоризация, когнитивный классификатор.

Исследование концептуальной системы, лежащей в основе семантики языковых единиц предполагает обращение к категориям, их структуре и признакам. В рамках когнитивной парадигмы сложилось понимание категории как отражения в сознании некоторого объекта в виде признаков, выраженных в денотате соответствующей языковой единицы и связанных с ним представлений, оформленных как когнитивные модели (в понимании Дж. Лакоффа). Каждая категория имеет как непосредственно связанные с ней когнитивные модели, так и потенциально относимые к ней представления. Например, для категории **человек** непосредственно связанными представлениями являются физические характеристики, обладание органами чувств. На основании этих признаков производится первичная категоризация объекта человек, представляющая собою некоторый образ, выраженный, например, на дорожных знаках или иных местах, требующих общего обозначения человека и когнитивные модели, отражающие общие свойства объекта, например, способность дышать. Категоризованный таким образом объект связан также с набором потенциальных характеристик (когнитивных моделей), являющихся основанием для дальнейшей (*вторичной*) категоризации этого объекта или его рекатегоризации/декатегоризации (*ни рыба, ни мясо*), т.е. процесс категоризации не заканчивается формированием некоторого класса, в дальнейшем происходит взаимодействие образованного класса с другими элементами концептуальной системы, что приводит к структурированию категории, образованию субклассов или участию данной категории в развитии другой категории, например, в рамках процесса метафоризации [1].

Целью нашей работы является исследование процессов обработки уже существующих категорий на материале идиом.

Экспликация некоторого признака в идиомах призвана «отдать» категоризацию слушающему для того, чтобы не возникала необходимость верификации мнения говорящего. Представление признака/когнитивной модели, необходимой для категоризации явления слушающим происходит путем отсылки к некоторым свойствам объекта, которые могут быть когнитивными моделями, связанными с денотатом, признаками денотата, моторной функцией, связанной с рассматриваемой категорией или выводом, связанным с образом, представленным во внутренней форме. Актуализация признака зависит от гештальта, в который включен денотат вспомогательного компонента. Как отмечал В.И. Абаев: «Именно в силу различий в мышлении, в мировоззрении мы видим часто, что одно и то же, по своей объективной сущности, явление или отношение может выражаться в различных средах совершенно различными способами и наоборот. Различие заключено, разумеется, не в ощущении, а в осознании. По свойствам нашего сознания, отражающим свойства самой действительности, никакое новое явление или отношение, будучи нами воспринято в опыте, не остается изолированным, отделенным стеной от всего предшествующего опыта. В процессе осознания и наречения оно вводится нами в те или иные, прежде выработавшиеся семантические комплексы и таким образом занимает свое место в системе всей нашей осознанной, идеологизированной практики. ...Независимо от нашего желания, в осознании и наречении нами вещей, явлений и отношений выявляется наше общественно детерминированное мышление, мировоззрение, идеология [2, с. 47]. Если, например, денотат вспомогательного компонента включен в гештальт «тонкие вещи», то следует предполагать реализацию признаков денотата, а не когнитивных моделей, связанных с ним. Важно отметить также порядок расположения компонентов в гештальте: на последующий компонент могут переноситься некоторые признаки предыдущего или месторасположение компонента может определять его признаки (ср. надпись на стадионе: gut – besser – Paulaner).

Роль вспомогательного объекта метафоры, в отличие от распространяемого мнения, может заключаться не только в экстракции некоторых его признаков, но и в «импорте» отношения этой категории к другой категории, т.е. признака внешнего отношения данной категории, а также, например, пресуппозиции. Например, в осетинской идиоме *йж тасжй бындз ратжжын джр нж ундзы* (мимо него даже муха пролететь боится) класс, представляемый компонентом *бындз* (муха), сформирован для ре-

ализации востребованной культурой категории «безобидные вещи» и отношения к ней референта представленного идиомой значения. Идиома в данном случае выражает негативное отношение к данному классу, результатом чего является категоризация объекта в класс «галиу».

Процесс образования новых категорий на основе уже существующих элементов концептуальной системы мы называем рекатегоризацией. Рекатегоризацию можно определить как подвид категоризации/классификации, сущностной характеристикой которого является более жесткий путь классификации – если при первичной категоризации объект можно отнести к огромному количеству категорий на основании огромного количества признаков, то при рекатегоризации категорий-целей гораздо меньше, и они располагаются на суперординатном или субординатном уровне по отношению к исходному классу – например, неизвестный объект можно классифицировать как стол, стул или холодильник, однако, уже категоризованный объект, к примеру, «человек» к классу холодильников уже никак нельзя отнести. Вторичная категоризация или рекатегоризация является ключевым порождающим основанием для формирования идиом и единиц вторичной номинации. Первичная категоризация может быть обусловлена как наличием явления в окружающем мире, а, следовательно, и соответствующей категории в сознании, так и ментальными артефактами, такими как *изящество*, а вторичная категоризация вызвана проявлением у объекта одного из потенциально реализуемых признаков/когнитивных моделей и необходимостью их фиксации и, следовательно, рекатегоризации объекта. Например, в приведенной метафоре, свойство «незаметность», ассоциируемое с вспомогательным объектом «Бен Ладен», приводит к образованию субкатегории в классе «банкноты, относящиеся к валюте евро»:

Купюры в €500 по прозвищу «Бен Ладен» могут изъять из оборота

Аналитик Bank of America Асанасиос Вамвакидис предложил Европейскому центральному банку вывести из обращения купюры достоинством в €500, получившие прозвище «Бен Ладен» за то, что все знают об их существовании, но многие никогда их не видели, пишет The Wall Street Journal.

(Новости на mail.ru [3/р]. – П/д: <http://news.mail.ru/politics/12683113/?frommail=1> (дата обращения 19.10.2013).

Потенциально реализуемая и релевантная для рекатегоризации когнитивная модель обусловлена особенностями данной культуры [3] и, в отличие от первичной категоризации носит характер о б у с л о в л е н н о с т и, поскольку обработка категории происходит на основе ее соотношения с когнитивными классификаторами. (Дж. Лакофф, З.Д. Попова, И.Д. Стернин). Реализация отношения «категория – когнитивный классификатор **вес, рост**» для класса «человек» на основании необразных лексических средств приводит к субкатегоризации типа «толстый человек», «высокий человек», а образность, в особенности, привлечение сложных образов, представленных во внутренней форме идиом, «уводит» категоризацию объекта на самые нижние уровни концептуальной системы, где к значению присоединяются дополнительные семантические признаки и разные типы оценочности, например, «облитый ванильным мороженым Чингисхан»:

Рак-богомол – одно из самых удивительных созданий подводного мира. Он выглядит просто великолепно и обладает невероятной способностью различать огромное количество цветов, которые не может видеть человек. И при этом рак-богомол – совершенная машина убийства. Он как будто облитый ванильным мороженым Чингисхан (Fishki [3/р]. – П/д: <http://fishki.net/comment.php?id=136179> (дата обращения 12.04.2013).

Положение о детерминированности восприятия не отрицает реальности концептуальной системы: «Система лексики формируется как результат обработки нашим сознанием материала реальной жизни и реального мира. Эта обработка, включающая операции селекции, обобщения и классификации, бывает разной в зависимости от уровня общественного и культурного развития. Но она никогда не отрывается от своей почвы: от реального мира и происходящих в нем явлений» [2, с. 41]. Соотнесение объекта/категории с когнитивным классификатором может

диктоваться необходимостью выработки сценария поведения по отношению к объекту, выявления способа взаимодействия с ним. Такое соотнесение происходит в сигнификате – одном из основных блоков значения, на который воздействует когнитивный классификатор. Здесь осуществляется активация когнитивных моделей, которые, в отличие от задействованных структур, находятся в потенциально активном состоянии. Их потенциальный статус доказывается существованием субкатегорий, представляющих собой результат рекатегоризации соответствующей категории базового уровня, образующейся вследствие активации некоторой потенциальной когнитивной модели, например, человек (категория базового уровня) – *коломенская верста* (субкатегория, являющаяся результатом активации потенциальной когнитивной модели – «объект очень высокого роста»).

Процедура рекатегоризации может быть представлена следующим образом: активируется когнитивный классификатор, относящийся к некоторой категории, обладающей потенциальными когнитивными моделями, характеризующими разное отношение к когнитивному классификатору, после выявления этого отношения происходит рекатегоризация объекта и пересмотр функций применимых к нему. Например, в осетинском языке одним из когнитивных классификаторов категории «человек» является концепт «*æгъдау*» (прибл. обычай, порядок), в сигнификат (состав когнитивных моделей) этой категории входят потенциальные когнитивные модели «объект соблюдает/не соблюдает *æгъдау*». Оказываясь в ситуациях, регулируемых «*æгъдау*», человек дает основания для фиксации своего отношения к данному регулятору и, следовательно, для соответствующей рекатегоризации и изменения отношения окружающих к себе. В процессе рекатегоризации образуется субкатегории «*æгъдауджын/æнæгъдау адæймаг*» (прибл. порядочный/непорядочный человек), в структуре которых происходят изменения, отражающиеся как в денотате, так и в сигнификате выражающих эти субкатегории языковых единиц. Прежде всего, это, как известно, более насыщенный признаками денотат. Кроме того, это, напротив, сокращенный сигнификат – меньший набор когнитивных признаков, и расширенный спектр эмоциональных отношений.

Однако не все потенциальные когнитивные модели могут служить основанием для образования нового класса. Мы выделяем категоризирующие и некатегоризирующие когнитивные модели. Отличие вторых от первых заключается в темпоральности представленного и предсказуемого объекту признака, например, идиома, описывающая рост человека, является категоризирующей, см. *коломенская верста*, а осет. *æхсгæ каст фæкæнын* – бросить на кого-либо быстрый взгляд – не является основанием для категоризации объекта, так как элемент «действие» структуры «объект – действие», представленный значением данной идиомы, выражен темпоральным признаком, не влияющим на категоризацию объекта. Когнитивные модели, находящиеся в области потенциальных признаков, актуализируются при соотнесении с когнитивными классификаторами, на их основании происходит первичная категоризация (на базовом уровне категоризации), а в дальнейшем и последующая категоризация, обуславливающая движение объекта вниз по уровням концептуальной системы в процессе насыщения признаками. По мнению Н.Д. Арутюновой: «Суть предиката состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу» [4, с. 10]. Суть предиката, выраженного идиомой заключается в э к с п л и к а ц и и р е к а т е г о р и з у ю щ е й к о г н и т и в н о й м о д е л и, например, в предложении *Петя идет в школу* (обозначение некатегоризирующих динамических проявлений) нет никаких оснований для рекатегоризации Пети – он остается самим собой, а в предложении *У Пети семь пятниц на неделе* или *Петя – голова садовая* (обозначение категоризирующих динамических проявлений) дает основание для отнесения субъекта высказывания к субкатегориям «легкомысленный человек» и «рассеянный человек» соответственно.

Таким образом, процедуру обработки когнитивной модели, выраженной во внутренней форме идиом можно представить

следующим образом: *называние признака/когнитивной модели (релевантного в данной культуре, соотносимого с одним из когнитивных классификаторов) – обращение к геишта-ту, в который включен признак/когнитивная модель/денотат – предикация признака в когнитивную структуру исходной категории – рекатегоризация/субкатегоризация.*

Процесс обработки категоризирующих и некатегоризирующих когнитивных моделей представлен, например, в романе Н.В. Гоголя «Мертвые души», когда возникает необходимость категоризации некоторого объекта: даны образцы когнитивных моделей, привлекаемых для рекатегоризации человека (в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне наведывается, и что любит покушать), образуется авторская категория (дама, приятная во всех отношениях), называются ее признаки (когнитивные модели), послужившие основанием для образования этой категории (это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени), несмотря на то, что существовали признаки, препятствовавшие подобной категоризации (Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые), однако, следующие основания для окончательного решения все-таки перевешивают (Но всё это было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях):

«В этом доме жила искренняя приятельница приехавшей дамы. Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам таким образом, чтобы опять не рассердились на него, как серживались встарь. Назвать выдуманною фамилиею опасно. Какое ни придумаю имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится не на жизнь, а на смерть, станет говорить, что автор нарочно приезжал секретно с тем, чтобы выведавать всё, что он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне наведывается, и что любит покушать. ... А потому, для избежания всего этого, будем называть даму, к которой приехала гостья, так, как она называлась почти единогласно в городе N., именно дамою приятною во всех отношениях. Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но всё это было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях. Другая же дама, то-есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама» [5].

В заключение хотелось бы сформулировать выводы из проведенного анализа: вторичная категоризация или рекатегоризация является ключевым порождающим основанием для формирования идиом и единиц вторичной номинации; соотнесение объекта/категории с когнитивным классификатором происходит в сигнификате, здесь осуществляется активация потенциальных когнитивных моделей, их потенциальный статус доказывается существованием субкатегорий, представляющих собой результат рекатегоризации соответствующей категории базового уровня; не все потенциальные когнитивные модели могут служить основанием для образования нового класса, существуют категоризирующие и некатегоризирующие когнитивные модели. Отличие вторых от первых заключается в темпоральности представленного и предсказуемого объекту признака.

Библиографический список

1. Гогичев, Ч.Г. О структуре классов «Интеллект человека» в немецком и осетинском языках // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3.
2. Аббасов, В.И. Язык как идеология и язык как техника / Избранные труды. – Владикавказ, 1995. – Т. 2.
3. Гогичев, Ч.Г. Культура в семантике идиом // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова. – 2010. – № 1.

4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
5. Гоголь, Н.В. Мертвые души. – Т. 1. [Э/р]. – Р/д: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml

Bibliography

1. Gogichev, Ch.G. O strukture klassov «Intelлект cheloveka» v nemeckom i osetinskom yazihkakh // Mir nauki, kul'turihi, obrazovaniya. – 2011. – № 3.
2. Abaev, V.I. Yazihk kak ideologiya i yazihk kak tekhnika / Izbrannihe trudih. – Vladikavkaz, 1995. – Т. 2.
3. Gogichev, Ch.G. Kul'tura v semantike idiom // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. Kosta Levanovicha Khetagurova. – 2010. – № 1.
4. Arutyunova, N.D. Yazihk i mir cheloveka. – М., 1998.
5. Gogolj, N.V. Mertvihe dushi. – Т. 1. [Eh/r]. – Р/д: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml

Статья поступила в редакцию 18.01.14

УДК 811.161.1'28

Gorovaya I.G. CONCEPTUAL FIELD OF «FAITH» AND ITS REPRESENTATION IN THE DIALECTAL PICTURE OF THE WORLD URAL COSSACKS. The Article is devoted to nuclear and peripheral concepts in the field of conceptual structure of «Faith», the analysis of means of conceptual representation of the field «Faith» in the dialect worldview of Ural Cossacks.

Key words: concept, conceptual field, dialectal picture of the world, faith, Ural Cossacks.

И.Г. Горовая, канд. филол. наук, доц. каф. русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургского гос. университета, г. Оренбург, E-mail: nik1965@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ВЕРА» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

Статья посвящена выявлению ядерных и периферийных концептов в структуре концептуального поля «Вера», анализу средств репрезентации концептуального поля «Вера» в диалектной картине мира уральских казаков.

Ключевые слова: концепт, концептуальное поле, диалектная картина мира, вера, уральские казаки.

Современное языкознание характеризуется становлением новой научной парадигмы, отмеченной возрастанием роли антропоцентрического, когнитивного и культурологического подходов к изучению языка. В связи с этим внимание исследователей сфокусировано на отражении в языке человеческого мировосприятия, на языке как орудии создания, трансляции, хранения и передачи языковых и культурных традиций (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А. Вежицкая, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др.).

Частью общей национальной картины мира, выразителем национального мироощущения является диалектная языковая картина мира, которая имеет не только общие с национальной, но и «особенные, проявляющиеся в характере восприятия окружающего мира диалектным сообществом и в особенностях языковой репрезентации этого мира» [1, с. 68]. Так, диалектная картина мира обладает индивидуальным набором концептов, общенациональные концепты зачастую получают иную степень концептуализации и место внутри концептосферы. В связи с этим реконструкция отдельных фрагментов диалектной картины мира остается актуальной.

Целью нашего исследования является выявление ядерных и периферийных концептов в структуре концептуального поля «Вера» и анализ средств его репрезентации в диалектной картине мира [8] уральских казаков.

На формирование диалектной картины мира Урала оказали влияние многие факторы [2; 3], которые привели к тому, что был сформирован особый диалект уральских казаков с единством структурных элементов и богатым словарным составом. Именно лексический пласт, зафиксированный в составленном на материале современных говоров и письменных источников «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» [4] отражает представление казаков о мире.

В диалектной картине мира уральских казаков концепт «Вера», являющийся одним из ключевых для понимания русского менталитета как специфического отношения к миру его носителей, репрезентируется посредством разнообразных способов номинации в рамках того или иного концептуального поля. Под концептуальным полем, вслед за Е.В. Добровольской [5, с. 16], мы понимаем совокупность семантически связанных

и экстралингвистически обусловленных элементов, представляющих в диахронии и синхронии фрагмент концептуальной системы говорящего социума, который отражает этническую шкалу ценностей, действующие культурные коды. Наиболее яркие и значимые для народа ассоциации составляют ядро концепта, а менее значимые – периферию. В разряд ядерных конструкторов поля также попадает словообразовательное гнездо с исходным именем исследуемого концепта.

В толковых словарях русского языка слово «вера» трактуется как «1. Твердая убежденность в осуществлении чего-либо; уверенность в исполнении ожидаемого. 2. Уверенность в положительных качествах, достоинствах и т.д. кого-л. 3. Убежденность в реальном существовании бога (или чего-л. сверхъестественного, фантастического, связанного с ним) как основа мировоззрения и психологии религиозного человека» [6, с. 106].

В философии под верой понимается центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка, включающая принятие определенных утверждений (например, о бытии и природе божества) и решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям, оцениваемым как «искушения»; личное доверие к богу как устройству жизни верующего, его руководителю, помощнику и спасителю во всех конкретных ситуациях, посылающему страдания и предъявляющему трудные требования для блага самого верующего; личную верность богу, на «служение» которому верующий отдает себя [7].

На основе анализа словарных дефиниций и лексем, зафиксированных в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» нами были выделены следующие компоненты, структурирующие концептуальное поле «Вера»: «вера», «бог», «святые», «духнопокровители», «человек верующий», «служители культа», «праздники, даты народного календаря», «старообрядчество», «святые места», «устройство храма» и др..

В центре этого поля находится концепт «вера», который дает ему имя, организует его и притягивает к нему другие концепты.

Ядро концепта «Вера» составляют лексемы *вера* и *вероисповедание*. Так, лексема «вера» в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» трактуется как «вероисповедание» (например: «Три веры: 1) благословенская, 2) бессвященская – мы, 3) священная – московская (постригание, довершение происходили)», «Две веры: старообрядческа и церковна», «Старообрядцы московской веры», «Отдали меня замуж за часовина, не нашей

веры», «Тогда (прежде) веры московской были, а потом православною». Лексема *вероисповедание* имеет значение 'вера' (например: Она одной вероисповеданью, пусть ее и засвятивают!).

Данные лексемы встречаются также в устойчивом сочетании *производить в веру* ('обращать в веру'), а также в глаголе *веровать* ('быть религиозным'), образованном от имени существительного «вера».

Ядерный концепт «бог, святые» представлен лексемами *андел* ('ангел, календарный святой по церковным святым'), *архандил* ('архангел'), *Богородица*, *Бугуродица* ('у христиан название матери мифического бога Христа; молитва, обращенная к Богородице'), в выражении *Богородицу вязать* ('читать молитву «Богородица»'), *божички* ('божки', например: Тебе, Никола, два поклона, а тебе, Спас, — один раз, а вы, божички, не прогневайтесь на нас) и др.), а также имена прилагательные *андельский* ('ангельский') *архангельский* ('монашеский'), *божественный* ('верующий, религиозный'), *божий* ('богослужебный, предназначенный для бога'), в выражении *божье масло* ('лампадное масло') и наречие *боженьки* 'в междометном восклицании-клятве ей боженьки! Например: Стариков очень боялись: не поздороваться — ей боженьки беда!

К ядру концептуального поля «Вера» относится также концепт «духи-покровители», представленный лексемами, имеющими оценочный компонент значения «положительное»: *Домовушка* ('по суеверным народным представлениям, дух, покровительствующий дому, домовый'), *Бабушка* ('почетный титул «праматери уральских казаков» Гугнихи), *Гугниха* ('имя легендарной «праматери» уральских казаков') и др.

Согласно преданию, казаки перед походом убивали жен и детей, дабы не обрекать их на плен и мученическую смерть. Атаман Василий Гугня не смог поднять саблю перед любимой женой-татаркой. С тех пор этот обычай был утрачен, Бабушка Гугниха, первая жена Гугнихи, допущенная в казачий быт, стала как бы родоначальницей непрерывного казачьего рода на Яике. Бабушка Гугниха почиталась уральскими казаками как святая. Обязательный тост на любом застолье — за Горыныча (Урал) и Бабушку Гугниху.

Концептуальное поле «человек верующий» включает концепт «человек верующий» (*белец* ('живущий в монастыре, но еще не постриженный в монахи'), *блюдник* ('человек, строго соблюдающий все религиозные предписания, обряды и правила'), *богомольщик* ('молящийся, паломник') и др.), концепт «качества верующего человека» (совесть, честь, честность, целомудрие, любовь, сострадание, пожертвование, гостеприимство, трудолюбие: *гомоюн* ('труженик; человек, не любящий сидеть без дела'), *гостеприимчивый*, *жалливный* ('жалостливый, сострадательный'), *жаловать* и др.), концепт «служители культа» (*отец благочинный* ('священник, выполняющий административные обязанности в православном управлении'), *головиц* 'регент на клиросе', *игуменша* ('игуменья') и др.), а также ассоциативно связанные лексемы *богоданный* ('законный, освещенный церковью'), *богодуховенный* ('богослужащий'), *вселетая* ('всеми прославляемая'), *блюсти* ('соблюдать, хранить обычаи, предписываемые старообрядческими законами; сохранять верность мужу (о жене)'), *говеть* 'поститься, постничать, ходить на исповедь'), *дать молебен* ('отслужить молебен'), *дотягивать* ('при чтении церковных книг четко произносить концы слов; полностью воспроизводить старинный напев со всеми присущими ему модуляциями голоса'), *на голос читать* ('читать нараспев') и др.

В данной группе можно выделить лексемы с эмоционально-оценочным компонентом значения. Так, в концепте «служители культа» встречаем слово *блинохват*, имеющее оценочное значение «отрицательное» ('о лицах духовного звания, бывших семинаристах', 'презрительное название представителей духовенства и учащихся духовных училищ').

Концепт «честность, целомудрие» представлен метафорой *аленький цветочек* ('невеста, сохранившая целомудренность;

в казачьем фольклоре вообще невеста'), *буянташечка*, а также выражениями *сорвать буянташечку* ('нарушить девичье целомудрие'), *бить стакан* ('разбить стакан (или рюмку) — символический прием, свидетельствующий о «честности» невесты').

Ассоциативно в эту группу можно отнести также периферийные концепты «святые места» (*Аристань*, *Иордань*, *Ярдань*, а также имя прилагательное *ярданский* ('взятый из Иордани') и др.) и «устройство храма» *царские двери* ('царские врата» в православной церкви').

Наиболее объемным является околядерный концепт «праздники, даты народного календаря», который объединяет лексемы, называющие народные, календарные, сельскохозяйственные даты, а также религиозные праздники. Наряду с фонетическими вариантами слов в словарь включены также грамматические варианты (имена прилагательные (относительные, притяжательные), образованные от имен существительных): *Алексеев день* (Алексей), *Арина*, *Благовещение*, *Борис и Глеб* (Борис), *Введенный* (Введение, Введенье), *Вербини* (Вербное Воскресенье, Вербна), *Встретенье* (Встречня), *Госпожинки* (госпожинский), *Грачевник* (Герасим-грачевник, грачиний, грачий, грачевый; грачиний праздник), *Грипина* (Агрипина), *Дарья*, *Евдокия*, *Егорий* (Егоров, Георгиев, егорьевский), *Жаворонок* (жавороночек), *Здвижение* (Воздвижение), *Ивана Купала*, *Иван постный*, *Илья* (ильинский), *Троица* (Венки) и др.

Концепт «старообрядчество», отражающий религиозные представления казаков, также входит в ядро концепта «вера» и включает лексемы, в числе которых названия старообрядческих сект и их членов: *австриец* (австрийский) (старообрядец австрийского толка, «австрийской веры», имеющий отношение к религиозной секте «австрийцев»), *белокриницкий* (старообрядческая секта), *беспоповец* (беспоповка, беспоповичинский) (член старообрядческой секты, не признающей священства), *бессвященский* (не признающий священства), *благословенец* (благословенский) (старообрядец, принадлежащий к секте благословенцев), *благословенный* (старик-старообрядец, получивший благословение совершать религиозные обряды), *дырник* (член религиозной секты, дыркиной веры) и др.; старообрядческие требы и обряды, пение: *благословение* (благословение, благословеньице, благословенный, благословенный, благословенский, благословенский, благословить), *богомолье*, *двуверстие* (двоелестие), *демество* (хоровое многоголосное религиозное пение) и др. Соответствие старообрядческим канонам передается лексемами *истованный*, *истово*, *истовый*, *истый* (истинный, настоящий, неподдельный), а также выражением *крест истовый* (в значении 'ей богу').

Несмотря на то, что слово «борода» характеризует «человека внешнего», его необходимо отнести и к ядру концепта «старообрядчество», так как уральские казаки бороду называли «отечество», право носить ее они отстаивали всеми способами, как истые староверы.

Таким образом, концептуальное поле «Вера» в целом является сложным образованием и репрезентирует важный фрагмент диалектной картины мира уральских казаков. Одни элементы данного концептуального поля ассоциативно связаны с ключевым концептом и влияют на его содержание, другие формируют содержание ключевого элемента поля и его языковых репрезентантов. Эти элементы составляют набор его наиболее важных концептуальных признаков. Концептуальное поле «Вера» репрезентируется в словах, свободных и устойчивых выражениях, разного рода синтаксических конструкциях, в ассоциациях и наивных толкованиях, спонтанно создаваемых носителями языка. Яркая особенность этого концепта — наличие слов с оценочным компонентом значения и метафор, являющихся средством выражения языковой картины мира носителя диалекта и отражающих особенности его мышления, специфику его речетворчества.

Библиографический список

1. Демидова, К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. — СПб., 2008.
2. Горовая, И.Г. Внутренний человек в диалектной картине мира уральских казаков // Materiały Międzynarodowej Naukowej-Praktycznej Konferencji Nauki. Teoria i praktyka. — Poznań, 2012.
3. Горовая, И.Г. Репрезентация концепта «характер» в диалектной картине мира уральских казаков // Филологические чтения. — Оренбург, 2012.
4. Малеча, Н. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. — Оренбург, 2002-2003.
5. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Томск, 2005.

6. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М., 1991-1994. – Т. IV.
7. Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. – М., 2001.
8. Якимов, П.А. Особенности диалектной картины мира (на материале говоров Оренбургской области) // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 5(36).

Bibliography

1. Demidova, K.I. Dialektnaya yazhkovaya kartina mira i osobennosti eyo reprezentacii v chastnykh dialektnykh sistemakh (na materiale russkikh govorov Urala) // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya. – SPb., 2008.
2. Gorovaya, I.G. Vnutrenniy chelovek v dialektnoy kartine mira ural'skikh kazakov // Materialy Miedzynarodowej Naukowej-Praktycznej Konferencji Nauki. Teoria i praktyka. – Poznan, 2012.
3. Gorovaya, I.G. Reprezentatsiya koncepta «kharakter» v dialektnoy kartine mira ural'skikh kazakov // Filologicheskie chteniya. – Orenburg, 2012.
4. Malecha, N. Slovar' govorov ural'skikh (yaickikh) kazakov: v 4 t. – Orenburg, 2002-2003.
5. Dobrovolskaya, E.V. Konceptualizatsiya semji v russkoy yazhkovoy kartine mira: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Tomsk, 2005.
6. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazhka: v 20 t. / gl. red. K.S. Gorbachevich. – M., 1991-1994. – Т. IV.
7. Novaya filosofskaya ehnciklopediya / pod red. V.S. Stepina. – M., 2001.
8. Yakimov, P.A. Osobennosti dialektnoy kartini mira (na materiale govorov Orenburgskoy oblasti) // Mir nauki, kul'turi i obrazovaniya. – 2012. – № 5(36).

Статья поступила в редакцию 20.01.14

УДК 81'25

Korzhneva E.A. THE PROBLEMS OF ADEQUATE TRANSLATION OF SHORT STORIES BY W. M. SHUKSHIN INTO GERMAN. While analyzing the original text «My son-in-law has stolen a car with firewood» by V.M. Shukshin and its translated variant, the author reveals the difference at the lexical level of texts' organization which leads to the loss of the author's individual connotations and formation of senseless gaps. The research is grounded on the theoretical postulates put forward in the works by the modern German linguists C. Nord, K. Reiss, A. Linke.

Key words: original text, translated text, a social and cultural component, information leaks, loss of meaning.

Е.А. Коржнева, канд. филол. наук, доц. каф. германских языков Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: korzhnewa@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В процессе анализа исходного и переводного текстов В.М. Шукшина «Мой зять украл машину дров» устанавливаются расхождения на лексическом уровне, которые ведут к утрате авторских коннотаций и смысловым «лакунам». К анализу привлекаются работы современных немецких лингвистов C. Nord, K. Reiss, A. Linke.

Ключевые слова: исходный текст, переводной текст, социокультурный компонент, утечка информации, потеря смысла.

Вопросам адекватного перевода текста, и художественного текста в частности, посвящены работы многих зарубежных и отечественных лингвистов (М.П. Брандес, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, И.И. Ревзин, А.Д. Швейцер, Н. Gerzymisch-Arbogast, A. Ludskanov, W. Koller, Ch. Nord, K. Reiss, R. Stolze, T. Nida, A. Neubert, W. Wills и др.).

Перевод художественных текстов имеет свою специфику. Как отмечает Ю.М. Лотман, «художественное произведение, являющееся определенной моделью мира, некоторым сообщением на языке <...> просто не существует вне этого языка» [1, с. 60].

В исходном тексте (далее – ИТ) имплицитно/эксплицитно представлена информация о создателе текста, социокультурном контексте, типе и сорте текста, коммуникативной интенции исходного текста, времени и месте, изображенных в тексте, языковых и стилистических особенностях текста [2; 3].

В процессе предпереводческого анализа лингвистических и экстралингвистических параметров ИТ (*textinterne Faktoren* и *textexterne Faktoren* по Ch. Nord) переводчик выполняет ряд функций: 1) анализирует язык ИТ; 2) устанавливает неизвестные денотаты и определяет степень их эквивалентности в ИТ и переводном тексте (далее – ПТ); 3) определяет тип и сорт ИТ, 4) выявляет коммуникативную функцию ИТ; 4) определяет социокультурный фон ИТ; 5) и по результатам предпереводческого анализа определяет стратегию перевода. Предпереводческий анализ помогает очертить круг проблем, которые могут возникнуть при переводе.

Во время анализа ИТ переводчик определяет условия коммуникативной ситуации, которая складывается из внетекстовых (прагматика, интенция, время и место, описываемые в тексте, коммуникативная функция) и внутритекстовых факторов (тематика, содержание, невербальные элементы, лексика, синтаксис).

Эти факторы устанавливаются при помощи известных в немецкой лингвистике «W-Fragen» [4].

В процессе перевода лингвист взаимодействует с языком текста как с целостным образованием и эффективность передачи информации, заключенной в ИТ, его эмоционального и психологического воздействия на читателя обусловлена всей системой способов выражения содержания/смысла произведения согласно языковым нормам. Трудность перевода состоит в передаче смысла во всем его объеме, «где смысл является строго организованной сущностью. И адекватность перевода связана с сохранением этой организованности» [5, с. 9].

Художественный текст – структура, представленная поверхностным и глубинным уровнями (*Textoberflächenstruktur/Texttieferstruktur* по A. Linke), взаимодействующими между собой за счет когерентности. На поверхностном уровне функционируют языковые единицы, связанные между собой посредством когезии, глубинная структура текста – это общие внеязыковые знания о мире, общие знания о тексте [6].

Переводной художественный текст – сложная по организации система: с одной стороны – это система определенного национального и авторского языка, с другой стороны – это собственная «кодовая система», которую переводчик должен правильно дешифровать, чтобы адекватно перевести текст. Пренебрежение в процессе перевода одним из параметров ИТ ведет к смысловой деформации ПТ.

После создания ПТ переводчик осуществляет его «послепереводческий» анализ, устанавливает меру соответствия лингвистических и экстралингвистических параметров ИТ и ПТ, адаптируя затем ПТ для читателя, находящегося в ином социокультурном контексте.

Каждому из перечисленных выше аспектов процесса перевода может быть посвящено отдельное исследование. В данной работе рассматривается лишь один из них – лексический, в котором как эксплицитно, так и имплицитно представлены все другие параметры текста. Материалом исследования послужили ИТ и ТП рассказа В.М. Шукшина «Мой зять украл машину дров» / «Mein Schwiegersohn hat eine Fuhre Holz geklaut» (перевод И. Шрёдер, 1984, Berlin). Этот выбор обусловлен тем, что произведения В.М. Шукшина используются изучающими русский язык иностранцами при знакомстве с русским языком и культурой, одновременно являясь сложными для понимания и перевода.

Шукшин создает образы персонажей при помощи уникального деревенского языка, который насыщен фонетическими, морфологическими и словообразовательными просторечиями. В качестве фонетических просторечий выступают нейтральные слова, воспроизводимые в отличии от литературного языка звучании: *им жиСТЬ надо сообЧА, друзую жиСь, я б ТАДА*. Словообразовательные просторечия представлены словами с суффиксами субъективной оценки: *мечТЯК коньяЧИШКО, кожАН*, морфологические – такими формами, как: *любЮТ* меня, много *всяких ездИЮТ*.

Суффиксы субъективной оценки применяются в художественном произведении для речевой характеристики персонажей, выражения авторского отношения к описываемой ситуации, для изображения внешнего или внутреннего облика персонажей. Например, суффиксы с уменьшительным значением, сопровождающимся ласкательной экспрессией (иногда имеющим оттенок пренебрежительности): «*Приехал я, мне, значит, коеЧКУ, чистЕНЬКО все, простыНКИ*» («Беседы при ясной луне»). «*Захарыч, тщедушЕНЬКИЙ старичОК с малЕНЬКОЙ сухой головой*» («Стенька Разин»).

С целью усиления «звучания» языка В.М. Шукшин использует в одном контексте слова одного словообразовательного типа; например, существительные с суффиксом *-ость* (зн. отвлеченного признака или состояния): «*...мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая ЦЕЛЬНОСТЬ, КРУПНОСТЬ, ЯСНОСТЬ – жизнь стала понятной*» («Алеша Бесконвойный»).

Другой особенностью языка В.М. Шукшина являются формы «нового звательного» падежа, то есть усеченные формы именительного падежа личных имен и названий рода, используемые в обращении. Например: «*ВАЛЕРК! – позвал он. – А кто на тройке-то едет?*» («Забуксовал»); «*- Да ты что, ЗОЙ!*» («Петька Краснов рассказывает...»); «*- СЕРГУНЬ! – ласково позвала Клава*» («Сапожки») [7, с. 182].

В шукшинских текстах усеченные формы именительного падежа функционируют как средство стилизации, характеризуют социальный статус коммуникантов и косвенно свидетельствуют о неофициальности, фамильярности или непринужденности отношений, установившихся между участниками диалога [7, с. 184].

Рассказы В.М. Шукшина изобилуют лексикой, характерной для сибирских говоров: *базланить, глянуться, даве, доходной, жалиться, заполошноичать, зауститься, кафыркать, изладить, ухайдакать, прясло; колки, лесина, листовуха, созра, ботало*. К сибирским особенностям речи относится также употребление слов «но» в значении «да» и «однако» в значении «наверное», а также ряд фонетических диалектизмов: *еслив (если), ишо (еще), пужать (пугать), ись (есть), ничо (ничего)*, отсутствие *Н* у местоимений 3 лица после предлогов: *у ей, про его, у их* [8, с. 159].

Одним из характерных признаков речи Шукшина является частотное употребление фразеологических единиц (далее – ФЕ) и их сибирских вариантов, например, «*реветь коровой*»: «*Нюра ЗАРЕВЕЛА КОРОВОЙ, бросилась обнимать Спирьку*» («Сураз»). Общеизвестен фразеологический оборот «*реветь белугой*» в значении «громко, безудержно плакать». В. М. Шукшин заменяет в ФЕ один компонент *белуга! корова*, это диктуется целесообразностью, «привязкой» данного фразеологического оборота к местным условиям. События в рассказе происходят в сибирской деревне, и замена слов понятна и мотивирована, так как отражает быт сибирского села.

В произведениях В.М. Шукшина встречаются и индивидуальные по своему происхождению, авторские фразеологические единицы, например, «*каленая боль*» (зн. очень сильная, нестерпимая боль). «*Гринька встал и тут же сел – в сердце воткнулась такая КАЛЕНАЯ БОЛЬ, что в глазах потемнело*» («Гринька Малюгин»).

Как видно, богатство языка Шукшина, создающее смысловую «многослойность» его произведений, не всегда позволяет найти адекватные средства в языке перевода. Арсенал языковых средств, на языки которых переводятся произведения В.М. Шукшина, как правило, не обладает эквивалентными свойствами. Перед переводчиком встает вопрос: Как сохранить при переводе все «многозвучие» шукшинской лексики?

Как показал сравнительный анализ ИТ и ТП рассказа «Мой зять украл машину дров» [9], в целом немецкий вариант оказался достаточно удачным. При этом, перевод по степени передачи адекватности значений можно разделить на три группы: 1) значение единицы русского и немецкого языков полностью совпадает на денотативном и коннотативном уровнях; 2) значение единиц русского и немецкого языков частично совпадают на денотативном, однако расходятся на коннотативном уровнях; 3) значения единиц частично совпадают на денотативном уровне либо не совпадают совсем.

Ниже представлены примеры, характеризующие первую группу [9, с. 231, 236]:

Пример 1. Чего лаешься то? Кто лается? / Was kläffst du denn? Wer kläfft hier?

Пример 2. Дармоеды! Schmarotzer!

Пример 3. Двух сожрала.... / Zwei hat sie schon fertiggemacht.

Вторая треть лексических единиц в процессе перевода сохранила лишь денотативное значение, утратив свои коннотации, то есть особенности, связанные, с культурно-исторической традицией, спецификой русского языка и особенностями контекста [9, с. 233, 236, 238]. Однако, как известно, коннотации – дополнительная фоновая информация слова. Язык – «национальное средство общения, и было бы странным, если бы в нем не отразились специфически национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое он обслуживает» [10, с. 38].

Пример 1. Ты всю получку домой отдал! / Hast du doch deinen ganzen Lohn zu Hause abgegeben! Здесь при сохранении компонента значения «*плата за выполненный труд*» была произведена нейтрализация значения: слово с разговорно-просторечной окраской стало нейтральным: *получка* → *заработная плата*.

Пример 2. А то они заклюют тебя! Sonst machen sie Hackefleisch aus dir. В этом примере выражение «*заклевать к-либо*» употребляется в переносном значении «*извести кого-либо придирками, нападениями*» [10]. При употреблении данной лексики возникают ассоциации с курами, которые могут заклевать наиболее слабого члена стаи. Герой рассказа постоянно называет свою тещу «*курвой*», этимология данного слова указывает, что первоначально слово имело значение «*курица*» (и лишь позднее – вульг. «*потаскуха*»). «*Клевать*» и «*курва*», находясь в рамках одного контекста усиливают, эмоциональный фон описываемой ситуации.

В русско-немецком словаре под ред. К. Лейна глагол «*клевать*» имеет значение *j-m mit (Schikanen, Angriffen) arg zusetzen* [11], что является его прямым эквивалентом. Однако глагол «*клевать*» был переведен словосочетанием *aus j-n Hackefleisch machen* (зн. сделать из кого-либо фарш). Как видно, денотативное значение единицы оригинала лишь частично совпадает с денотативным значением перевода.

*Пример 3. Сейчас она у меня будет пятый угол искать. В каракуле. Вы думали, я вам ишак бессловесный? Сколько я вам получек перетаскал, а хоть один костюмИШКО маломальский купили мне? / Die soll mich kennenlernen. In ihrem Persianer. ...Ihr dacht wohl, bin ich so "n Esel, der sich alles gefallen lässt. Wie viel Geld habe ich nach Hause geschleppt, und ich habe mir auch nur einen einzigen schäbigen Anzug gekauft? В результате весь фрагмент потерял свою экспрессивность: разговорные и просторечные слова переведены нейтральной лексикой: *будет пятый угол искать* → *die soll mich kennenlernen*; *ишак бессловесный* → *Esel, der sich alles gefallen lässt*; *получек перетаскал* → *Geldschleppen*; *костюмишко маломальский* купить → *einen einzigen schäbigen Anzug kaufen*.*

Следует обратить внимание и на употребление в данном контексте слова *костюмИШКО* с суффиксом субъективной оценки – *ИШК* (зн. пренебрежительности, уничижительности). В сочетании с прилагательным *маломальский* оно приобретает мощную силу, демонстрируя степень внутреннего напряжения «маленького человека, нервного, стремительного» и его незавидную долю: всю жизнь прожил в тяжком труде, при этом не нажив себе ничего, не заслужив ни любви, ни сочувствия.

Язык Шукшина отличается богатством словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской. Разнообразие используемых оценочных суффиксов придает речи экспрессию. К сожалению, словообразовательная система немецкого языка не позволяет передавать такие нюансы.

Примечательно представлена третья группа: в нее вошли переводы фразеологических единиц (ФЕ), слов-безэквивалентов, слов, принадлежащих к сибирским говорам, а также фонетических, словообразовательных и лексических просторечий.

Рассмотрим сначала примеры перевода устойчивых словосочетаний [9, с. 233, 238, 234]:

Пример 1. Да тебе двадцать восемь, а от тебя уж козлиным потом пахнет! Bist du achtundzwanzig, und blöckst wie ein alter Bock (досл. Блеешь, ревеешь как старый козел). Как видно из перевода, здесь передано содержание лишь незначительной части предложения.

Пример 2. Вот ведь и не скажешь, что жареный петух в зад не клевал. / Wenn es dem Esel zuwohl ist, geht er aufs Eis tanzen. В Большом словаре русских поговорок шутливое выражение «жареный петух в задницу клюнул» толкуется как «кому-л. срочно понадобилось что-л.» [13, с. 129]. В тексте Шукшина выражение имеет значение «и не скажешь, что судья не била».

Эквивалент, выбранный переводчиком «wenn es dem Esel zuwohl ist, geht er aufs Eis tanzen», определяется словарем как: «кому слишком хорошо живется, тот с жиру бесится» [11], носитель же немецкого языка дает такое объяснение этому фразеологизму: «wenn jemandem zu gut geht, beginnt er verrückte Sachen zu machen» (когда у человека все очень хорошо, он начинает совершать безумные поступки).

Как видно из анализа фразеологических единиц ИТ и ПТ, эквиваленты оригинала и перевода не совпадают, как по значению (описывают различные денотаты), так и по стилистической окрашенности: в русском языке они имеют ярко-выраженную просторечную, а в немецком – нейтральную окраску.

Пример 3. Копил, копил, елки-зеленые! .... После бани четвертинку жадничал выпить, а она взяла, шубу купила! / Verflixt und zugenäht! Man spart und spart, gönnt sich nicht nach dem Schwitzbad nicht mal ein Viertelliterchen, und sie geht hin und kauft sich den Pelz! Анализируемый контекст содержит лексический безэквивалент «елки-зеленые!». Эта единица используется в разговорной речи в качестве междометия в широком спектре ситуаций и выражает различные чувства, от крайней степени удивления до раздражения. В силу безэквивалентности данная лексема может быть переведена лишь приблизительно, то есть «Verflixt und zugenäht!». Это восклицание переводится как «Черт побери!» и употребляется в случаях выражения неудовольствия [14, с. 705].

В примерах 4, 5, 6 представлены сибирские диалектизмы: [9, с. 231, 232, 238].

Пример 4. Вена приезжает из рейса и обнаруживает, что деньги, которые копились ему на кожаное пальто, жена Соня ухайдакала себе на шубу из искусственного каракуля. / Wenja war mit seinem Lastwagen von einer Tour gekommen und hatte entdeckt, dass das ganze Geld, das er für eine lange Lederjoppe gespart hat, futsch war, seine Frau Sonja hatte sich da für einen Mantel aus Kunstpelz gekauft.

Употребление слова ухайдакать характерно для сибирских сельских районов. В словаре Т.Ф. Ефремовой лексема ухайдакать имеет значение «убить, замучить, извести» с пометой разг.-сниж. [15]. Переводчик перевел ее нейтральным глаголом kaufen, введя при этом в предложение конструкцию war futsch, уточняющую, что деньги, которые копил Вена, исчезли.

Пример 5. И вдобавок хромой: подростком был прицепщиком, задремал ночью на прицепе, свалился в борозду, и его шаркнуло плугом по норе. / Oben drin ein Hinfefuss; vor langen Jahren, als er als Beisitzer auf dem Pflug arbeitete, war er eines Nachts eingeschlafen, in die Furche gefallen, und der Pflug hatte sein Bein gestreift. Диалектизм шаркнуть толкуется как «ударять, бить чем-либо» [11]. Здесь, как и в предыдущем примере, передано лишь денотативное значение, с утратой местного колорита.

Пример 6. Над старухой так изаляться! / Eine alte Frau so zu verhöhnen! Глагол изаляться толкуется как «издеваться, насмехаться» [11]. Такой вариант и был подобран в переводе: диалектизму соответствует немецкий глагол verhöhnen. В немецком

ком разговорном языке имеется ряд выражений, имеющих более экспрессивную коннотацию, чем verhöhnen, например: j-m auf dem Kopf herumreiten, j-m auf dem Kopf tanzen, j-n auf den Besen laden, j-n spinnen. Однако переводчиком был выбран вариант, функционирующий в нейтральной сфере, и не имеющий стилистической окраски.

Особым предметом изучения в переводах В.М. Шукшина должны стать фонетические и словообразовательные просторечия, которые никак не проявляются в языке перевода [9, с. 238, 239, 240].

Пример 1. ЗаплоНБирована 25 июля 1969 г. Не кантАвать. / Verplombt am 25. Juli 1969. Vorsicht Glas! Nicht stürzen! Этот пример представляет надпись, сделанную Веней на туалете, после того как он заколотил там свою тещу. Слово заплоНБировано (вместо заплоМБировано) является примером фонетического (либо графического) просторечия, характерного для жителей многих сибирских деревень. В слове кантАвать (зд. переворачивать) главным героем допущена орфографическая ошибка. Это сделано не случайно. Шукшин подчеркивает таким образом неграмотность Вени, «университеты» которого пришлось на военные годы. Вместо школы – тяжелый труд. К сожалению, такие яркие черты главного героя не находят отражения в переводе.

Примеры 2, 3 характеризуют речь Михаила Кузнецова, «старого солдата, уважаемого человека», ставшего на защиту Вени во время показательного суда.

Пример 2. Какая твоя заслуга перед обществом! Was für große Verdienste hast du schon vor der Gesellschaft?

Пример 3. И тот солдатик испуЖался / Und der junge Soldat bekam Angst. Просторечия в речи Михаила характеризуют его как умудренного опытом человека, прошедшего несколько войн и повидавшего много на своем веку. В процессе перевода все эти языковые нюансы были утрачены, что конечно, привело к «утечке информации» на содержательно-смысловом уровне.

Употребления в речи персонажей эмоционально-экспрессивной лексики – средство создания их образов, такая лексика позволяет понимать эмоции героя и сопереживать ему, что возможно лишь с опорой на язык. «Неназванная эмоция <...> не существует, <...> чем меньше объем языкового представления эмоций, тем меньше и их осознание. Чтобы сообщить о чувствах, надо их назвать. Чем меньше объем языкового представления эмоций в дискурсе, тем больше смысловых утрат» [16, с. 25].

Как отмечалось выше, при переводе следует принимать во внимание как социокультурные особенности ИТ, так и социокультурный контекст ПТ. Пренебрежение социокультурными особенностями ИТ и ПТ ведут к прагматическим трудностям. Так, в процессе анкетирования немецкоязычных читателей, студентов Института Славистики университета имени Ф. Шиллера (г. Йена, Германия), было установлено, что при чтении В.М. Шукшина возникли проблемы понимания таких реалий как: колхозы (die Kolchose), контора (die Kontor), раскулачивать (entkulakisieren), кулак (der Kulak), кулачка (die Kulakin). Переводчик, однако, дал транслитерацию русских реалий, не объяснив при этом их значение.

Значение слова колхоз (der Kolchos) понимают только жители бывшей ГДР или стран, входящих ранее в соц. лагерь. В этих странах имелись подобные коллективные хозяйства – сельскохозяйственные производственные кооперативы (die LPG). Для жителей иных стран, в том числе и нынешней Германии, данное явление не известно.

Слово контора (die Kontor) употребляется в тексте в значении «административно-канцелярское учреждение». В современном немецком языке это слово понимается как «предприятие, которое представляет крупную фирму за рубежом» [19, с. 577].

Слова раскулачивать (entkulakisieren), кулак (der Kulak), кулачка (die Kulakin) не имеют соответствий в немецком языке, поскольку эти реалии отражают русскую и советскую историю. Слово «кулак» с 19 века использовалось для обозначения относительно зажиточных крестьян. В 20 веке после Октябрьской революции и во времена Сталина слово приобрело отрицательную коннотацию.

Ассоциации, которые возникают у носителей русского языка при слове баня, не совпадают с ассоциациями у носителей немецкого языка к слову Schwitzbad. Для сибиряков баня означала завершение трудовой недели. Сама подготовка бани (дрова, вода, растопка бани) доставляет огромное удовольствие и радость. Немецкое слово Schwitzbad (дословно: место (ванна, бассейн), где потеют) не вызывает таких ассоциаций. Подобные реакции были даны реципиентами во время анкетирования.

Подводя итогу сказанному, можно сделать следующие выводы:

1) Трудности перевода рассказов В.М. Шукшина на немецкий язык обусловлены богатством лексических средств, функционирующих в языке писателя: наличием разговорно-просторечной и диалектной лексики, сибирских вариантов фразеологизмов, разнообразных оценочных суффиксов:

– использование просторечной и диалектной лексики является маркером местной культуры. Подобная лексика – средство индивидуализации персонажей, выражение оттенков шутовства, непринужденности, пренебрежительности, ироничности, грубости. Диалектизмы придают контексту живость, особый местный колорит, художественную достоверность;

– употребление лексем с оценочными суффиксами придает ситуации большую экспрессию, а сибирские фразеологизмы – речи героев В.М. Шукшина образность.

2) Частичная эквивалентность значений слов при переводе приводит к потере коннотативной составляющей, что в свою

очередь является причиной «утечки информации», и соответственно, «сдвигов» в содержательно-смысловом плане переводного текста. Переводческие трудности, возникающие на этапе постижения оригинала, ведут к фактическим ошибкам в тексте перевода.

3) При переводе не учитывается социокультурный контекст немецкоязычного читателя, транслитерация реалий русской деревни 60-х годов, без дополнительных комментариев, является малопродуктивным способом перевода.

4) Перевод прозы Шукшина на немецкий язык предполагает длительный предпереводческий период, во время которого переводчик знакомится с реалиями русской деревни, особенностями русской просторечной и диалектной речи, творчеством автора. На этапе послепереводческого анализа переводного текста необходимо сравнение коммуникативной ситуации (вне-текстовые и внутритекстовые факторы), представленной в исходном тексте, с коммуникативной ситуацией, созданной переводчиком в переводном тексте.

Библиографический список

1. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999.
2. Gerzymisch-Arbogast, H. Übersetzungswissenschaftliches Propädeutikum. – Tübingen: Francke., 1994.
3. Reiss, K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. – Wien: Facultas Universitätsverlag, 1995.
4. Брандес, М.П. Предпереводческий анализ: учеб. пособие / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М., 2001.
5. Nord, C. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer Übersetzungsrelevanten Textanalyse. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1995.
6. Linke, A. Studienbuch Linguistik/ A. Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portman. – Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 2004.
7. Проничев, В.Н. «Новый звателный» в рассказах В.М. Шукшина // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. – Барнаул, 1992. – Вып. 2.
8. Байрамова, Т.Ф. Нелитературная эмоционально-оценочная лексика в рассказах В.М. Шукшина // В.М. Шукшин – жизнь и творчество. Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. – Барнаул, 1992. – Вып. 2.
9. Schröder, I. Mein Schwiegersohn hat eine Fuhre Holz geklaut. In: W. Schukschin. Erzählungen. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1984.
10. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М., 2001.
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2009.
12. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М., 2007.
13. Лейн, К. Большой русско-немецкий словарь / К. Лейн, Д.Г. Мальцева. – М., 2002.
14. Девкин, В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – М., 2002.
15. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000.
16. Gdovska, B. Jazykovye sredstva predstavlenija emocij v poézii: na materiale liriki A. S. Puškina i russkich poetov XX veka. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznani. – Poznan, 2006.
17. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin/München, 2002

Bibliography

1. Lotman, Yu.M. Vnutri mihslyathikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. – M., 1999.
2. Gerzymisch-Arbogast, H. Übersetzungswissenschaftliches Propädeutikum. – Tübingen: Francke., 1994.
3. Reiss, K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. – Wien: Facultas Universitätsverlag, 1995.
4. Brandes, M.P. Predperevodcheskiy analiz: ucheb. posobie / M.P. Brandes, V.I. Provotorov. – M., 2001.
5. Nord, C. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1995.
6. Linke, A. Studienbuch Linguistik/ A. Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portman. – Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 2004.
7. Pronichev, V.N. «Novihy zvatelnyhy» v rasskazakh V.M. Shukshina // V.M. Shukshin. Zhiznj i tvorchestvo. Trudih kraevogo muzeya istorii literaturih, iskusstva i kuljturh Altaya. – Barnaul, 1992. – Vihp. 2.
8. Bayjramova, T.F. Neliteraturnaya ehmocionaljno-ocenochnaya leksika v rasskazakh V.M. Shukshina // V.M. Shukshin – zhiznj i tvorchestvo. Trudih kraevogo muzeya istorii literaturih, iskusstva i kuljturh Altaya. – Barnaul, 1992. – Vihp. 2.
9. Schröder, I. Mein Schwiegersohn hat eine Fuhre Holz geklaut. In: W. Schukschin. Erzählungen. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1984.
10. Vinogradov, V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obthie i leksicheskie voprosih). – M., 2001.
11. Ozhegov, S.I. Tolkovihy slovarj russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 2009.
12. Mokienko, V.M. Boljshoy slovarj russkikh pogovorok / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. – M., 2007.
13. Leyjn, K. Boljshoy rusско-nemeckij slovarj / K. Leyjn, D.G. Maljceva. – M., 2002.
14. Devkin, V.D. Nemecko-russkiy slovarj razgovornoy leksiki. – M., 2002.
15. Efremova, T.F. Novihy slovarj russkogo yazihka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyhy. – M., 2000.
16. Gdovska, B. Jazykovye sredstva predstavlenija emocij v poézii: na materiale liriki A. S. Puškina i russkich poetov XX veka. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznani. – Poznan, 2006.
17. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin/München, 2002

Статья поступила в редакцию 18.01.14

УДК 81-26

Provatorova O.N. THE PROBLEM OF IMAGE AND SEMANTICS OF THE EARLIEST CHINESE HIEROGLYPHICS.

The article describes and analyzes the image and semantics of the earliest Chinese hieroglyphics. Determined that the earliest Chinese hieroglyphics of all detected are those which are recorded prophetic Scriptures on the bones of the times of the Shang dynasty (about 1500-1050 BC). It is proved that the important condition at all stages of analysis of the image and semantics of the earliest Chinese hieroglyphics is the consideration of the cultural and historical context in which there is composing his sign. It is proved that the graphical structure and values of some Shan Yin «hieroglyphics» are quite comparable with the signs of modern Chinese literature.

Key words: hieroglyphic writing, semantic letter, sign, image and semantics of the earliest Chinese hieroglyphics, the cultural and historical context.

О.Н. Проваторова, канд. филол. наук, ст. преп. каф. русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского гос. университета, г. Оренбург, E-mail: ryakimov@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА И СЕМАНТИКИ РАННИХ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

В статье рассмотрены и проанализированы образ и семантика ранних китайских иероглифов. Определено, что самыми ранними китайскими иероглифами из всех обнаруженных являются те, которыми записаны пророческие писания на костях времен династии Шан (около 1500-1050 г.г. до н.э.). Доказано, что важнейшим условием на всех этапах анализа образа и семантики ранних китайских иероглифов является рассмотрение культурно-исторического контекста, в котором существует составляющий его знак. Обосновывается, что графическая структура и значения некоторых шань-иньских «иероглифов» вполне сопоставимы со знаками современной китайской письменности.

Ключевые слова: иероглифическая письменность, смысловое письмо, знак, образ и семантика ранних китайских иероглифов, культурно-исторический контекст.

Письмо играет важную роль в развитии человеческого общества и относится к величайшим культурным ценностям человечества.

Китайская система письма является уникальной не только потому, что это одна из древнейших письменностей. Исследованию иероглифики посвящены работы О.И. Завьяловой, Т.П. Задоренко, В.С. Колоколова, А.Ф. Кондрашевского, В.М. Солнцева, М.В. Софронова и других исследователей. Первыми к этой проблеме обратились китайские ученые. Важнейшим трудом в этом плане стал словарь Сюй Шэня «Шовэнь Цзезы» – объяснение простых и толкование сложных иероглифов (первый век нашей эры). В своем словаре Сюй Шэнь дал определения шести категориям иероглифов, которые и являются способами их образования. В работах современных китайских исследователей письменности основным направлением является изучение происхождения и эволюции иероглифа, издан ряд монографий (Су Пэйчен. Основные положения современной китайской иероглифики. – Пекин, 2001; Ван Хуин. Введение в происхождение иероглифов. – Пекин, 1997 г. и другие). В России проблемы взаимодействия значимых единиц, лексических значений иероглифов нашли отражение в работах И.М. Ошанина, Н.Н. Короткова, В.М. Солнцева, А.Л. Семенас, А.Я. Шера и других. Исследованию китайской письменности и ее связи с этнокультурными особенностями посвящены работы Б. Карлгрена, Ю.В. Бунакова, С.Е. Яхонтова, А.М. Карапетянца, М.В. Софронова, Н.П. Мартыненко, А.А. Пруцких, А.Я. Шера и других исследователей.

Уникальность китайской письменности заключается и в том, что она отражает мировосприятие человека китайской культуры и его философию. Вне сомнения, китайская философия, будучи частью мировой философии, имеет в тоже время яркий национальный характер. Специфика заключается в том, что *китайская философская мысль выражена в иероглифических текстах*. Возможно, именно многовековая иероглифическая система письменности, древнейшая в мире, концептуально отличает китайскую письменную культуру от других. «Знаки иероглифической письменности вносят дополнительный элемент знаковой информации, так как иероглифы несут в себе дешифровку смысла понятия на образном уровне», – считают исследователи [1]. Несмотря на то, что исследованию китайской письменности и ее связи с этнокультурными особенностями посвящены работы Б. Карлгрена, Ю.В. Бунакова, С.Е. Яхонтова, А.М. Карапетянца, М.В. Софронова, Н.П. Мартыненко, А.А. Пруцких, А.Я. Шера и других исследователей, мы считаем, что исследований, рассматривающих образ и семантику китайских иероглифов, недостаточно. А проблема является неоднозначной, требующей привлечения лингвистического, исторического, этнокультурологического материала. Актуальность проблемы исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения свойств китайского иероглифического письма для понимания ментальности, мировосприятия китайцев. По мнению исследователя В.С. Колоколова, будущее письменности – за иероглифической формой письма. А также изучение этой уникальной письменной формы дает возможность понять мировосприятие народа, создавшего эту письменность [2, с. 222-229].

Научная новизна исследования определяется культурно-историческим и/или социальным подходом к изучению образа и семантики ранних китайских иероглифов, критериями, положенными в основу методики анализа образа и семантики ранних китайских иероглифов. Теоретическая и практическая значимость:

изучение образа и семантики ранних китайских иероглифов в аспекте исторических и культурных традиций китайской письменности позволит углубить и расширить современные представления о китайской иероглифике, уточнить ее специфику.

История формирования китайской письменности и ее дальнейшего развития говорит о том, что важнейшая семиотическая особенность древнекитайских текстов заключается в том, что знаки этой письменности в самом начале своего возникновения были рисунками. Рисунок – это вид запечатления, дающий другим увидеть то, что увидел его создатель. Указание на его значение закреплено его прямым изображением, которое транслирует содержание сознания без слов. Письменность и письменный текст в китайском языке именуют одно слово – «вэньцзы». Вэнь – изначально – простые пиктограммы, «цзы» – сложные составные идеограммы. Знатоков письменности и культуры называли знатоками «вэнь». К «вэнь» относятся истоки китайской письменности, а также культуры – «вэнь-хуа», что дословно переводится как «превращения вэнь».

Изучение культурно-исторического и языкового контекстов может содействовать воссозданию истории развития представлений, возникших в процессе осмысления семантики древних рисунков, которые использовались в китайской культуре на протяжении тысячелетий и наполнились немалым количеством смысловых связей. Можно сказать, что в глазах древних китайцев письменность не была отображением предметов, а была отражением их теней и следов, то есть, превращенных, измененных образов, в итоге – самого деяния преобразования бытия, которое раскрывает грань всех вещей.

Для китайского языка (и ряда других) наглядно воспринимаемой сущностью стал иероглиф как знак, фиксирующий и транслирующий информацию независимо от времени и пространства. Ранняя история китайской письменности начинается с насечек на керамических сосудах, обнаруженных при раскопках всех неолитических культур Китая. Насечки на керамике неолитических культур по форме представляют собой линии, пересекающиеся под разными углами. По технике исполнения это черты, нанесенные заостренным предметом на необожженные, иногда на обожженные керамические изделия.

Традицию нанесения знаков-насечек на сосудах можно рассматривать как объективацию развития системы китайской письменности. Свое дальнейшее развитие эта традиция получила в надписях на гадательных костях, а также на бронзовых изделиях, относящихся к периоду правления династии Шан. С этого периода возникает новый этап формирования письменности, в котором она явлена уже в своем развитом виде.

Надписи на гадательных костях представляют собой древнейшие китайские тексты, написанные иероглифами, отчетливо сохранившиеся черты пиктографии и рисуночного письма. Обладают они ритуальным предназначением, а также касаются самых разных сторон жизни и деятельности общества и в общем дают весьма ценную подборку материалов. Наряду с археологическими находками эти надписи стали основным историческим источником об обществе Шан-Инь. Эти «самые первые иероглифы», по сути, являются самыми обыкновенными простыми рисунчатými изображениями обычных предметов. Естественно, они по виду иногда слегка, иногда значительно отличаются от современных. Однако *графическую структуру и значения некоторых иньских «иероглифов» вполне можно сопоставить со знаками современной китайской письменности*. Как и древ-

ние наскальные рисунки в период своего зарождения пиктограммы гадательных надписей могли быть лишь истинным и детальным отражением реального мира. Поэтому верно понять и интерпретировать изображения можно лишь сравнивая их с реалистическими прообразами.

Мы считаем, что при анализе образа и семантики ранних китайских иероглифов следует выделить следующие этапы:

1. Исследование начертания иероглифов с целью восстановления и понимания того, что они изображают. Важно, на наш взгляд, воссоздать рисунок, лежащий в его основании.

2. Обнаружение смысла знака в определённом социальном контексте.

3. Изучение упорядоченности знаков в конкретном тексте для понимания присущего ему контекста и смысла.

Важнейшим условием на всех этапах анализа образа и семантики ранних китайских иероглифов является рассмотрение культурно-исторического контекста, в котором существует составляющий его знак.

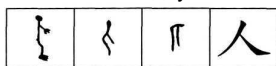
С помощью данной методики мы проанализируем образ и семантику иероглифов «небо» 天 и «человек» 人, которые считаем концептуально значимыми для китайской культуры. Для анализа нами были выбраны иероглифы, обнаруженные исследователями на гадательных костях периода Шань-Инь.

Например, иероглиф «небо» 天 tiān состоит из двух частей: человек (с расставленными в сторону руками и ногами), а над ним горизонтальная планка, что и означает превышающее человека и находящееся над ним «небо».

Образ неба является одной из важнейших составляющих культуры Китая, что определило и название страны – «Поднебесная». Для китайских правителей отождествление с Небом означало принятие на себя ответственности за весь мир, в который они включали собственно Китай и окружающую его варварскую периферию, явно тяготеющую, по их представлениям, к центру – к китайскому властителю Поднебесной, сыну Неба [1]. При таком представлении образа Неба усиливалась антропологическая линия: боги словно спускались на землю, а человек, осознавший свою мировую ответственность, свою нравственную природу, вознесся над миром духов. А.А. Маслов в своей работе «Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз» отмечает, что этот иероглиф изображался как человек с широко расставленными ногами, разведенными в сторону руками и большой головой.

Представляется, что в этом случае речь также идет о человеке в большой маске (ритуальной), а собственно само священное Небо здесь дано в виде его «земного представителя» – медиума.

Ученый говорит о том, что «В этой символическо-сакральной культуре лишь правитель-медиум рассматривался как человек воистину. Не случайно, как видно из гадательных надписей, правители говорили о себе: «я – единственный из людей» или «я – единственный человек» (у и жэнь), что указывает на то, что само понятие 人 «человек» (жэнь) по своему смыслу заметно отличалось от современного значения. «Человеком» считался тот, кто опосредует связь между Небом и землей, и таким образом перед нами в виде правителя выступает знакомый образ медиума. Не случайно во всех иероглифах, связанных с обозначениями магов, медиумов, Неба и правителя присутствует компонент «человек» [3, с. 117]. Попутно автор замечает, что на древних надписях люди как таковые, не изображались – достойными зарисовывания или записывания считались только духи и их земные представители. В древних письменных памятниках человека изображали как человека: 人

В принципе, иероглиф «человек» – один из тех иероглифов, который почти не изменился со времени шанских

пиктограмм, и мало отличается от современного. Посмотрим на современные значения слов «небо» и «человек» и сочетаний слов с ними, зная первоначальные сакральные значения иероглифов:

[tiān] (Большой китайско-русский словарь (по русской графической системе) / под ред. проф. И.М. Ошанина. – М., 1983- 1984).

抬頭望天 поднимать голову и смотреть на небо

天目 очи неба (обр. о солнце и луне); 天地 небо и земля

2) рел. небо (как местопребывание бога); бог, божество (первоначально: обожествлённый предок); божественный

天高皇帝遠 до неба — высоко, до царя — далеко; 天曉得! бог весты; 天照應! слава богу!

3) незыблемое начало; верховная власть; непререкаемый авторитет; твёрдая основа – 父者子之天也, 夫者妻之天也 отец – высший авторитет для сына, муж – для жены

4) день; сутки – 有一天 однажды и т.д.

[tiān] (А.В. Котов. Новый китайско-русский словарь. – М., 2009).

1) небо; небесный – 青天 qīngtiān – синее [голубое] небо

2) день; сутки – 兩天 liǎng tiān – два дня

3) время

4) сезон, пора – 冷天 lěngtiān – холодная пора

5) погода; климат – 天冷 tiān lěng – погода холодная и т.д.

[rén] (Большой китайско-русский словарь (по русской графической системе) / под ред. проф. И.М. Ошанина).

1) человек; род человеческий; человечество; человеческий 咱們都是人 все мы – люди

2) каждый человек; все (данные) люди (часто безлично) – 人齊了 все прибыли полностью

3) люди, другие (не я); некоторые; кто-то

人不犯我, 我不犯人 (если) другие меня не задевают – и я не задеваю никого

4) взрослый; солидный (достойный, способный) человек; персона, особа

他長成(zhǎngchéng)人了 он стал взрослым

5) человек, уроженец (данной местности) – 他是上海人 он уроженец Шанхая, он – шанхаец и т.д.

[rén] (А. В. Котов. Новый китайско-русский словарь).

1) человек; люди – 三个人 sān gè rén – три человека

2) словообразовательный элемент существительных, обозначающих национальность, профессию и т.п. – 北京人 běijīng rén – пекинец; 中國人 zhōngguó rén – китаец

5) черты характера; человеческие свойства – 他人很好 tā rén hěn hǎo – он очень хороший человек и т.д.

Таким образом, графический образ иероглифов «небо» и «человек» дошел до наших дней почти в неизменном виде, тем не менее, во многом первоначальный, сакральный смысл иероглифов во многом утрачен.

На основе рассмотрения выбранных нами для анализа иероглифов мы делаем вывод о том, что проанализированные нами иероглифы в известной степени сохранили свой образ и семантику в современной иероглифике. В то же время иероглифы 天 и 人 частично свой древний, первоначальный, сакральный смысл утратили. Чем древнее знаки китайской письменности, тем более они образительны, т.е. включают достаточно зримую информацию.

Китайская письменность продолжает оставаться смысловым письмом, письменностью идеографического типа. За длительную историю существования китайской письменности эволюция знаков имела графический характер, и они остались принципиально устойчивыми с точки зрения принципа передачи значений, частично утратив свой древний, первоначальный, сакральный смысл. Наиболее убедительным доводом в пользу этого положения является множественность систем иероглифической письменности в современном Китае.

Библиографический список

1. Мартыненко, Н.П. Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов: автореф. ... д-ра филос. наук. – М., 2007.
2. Колоколов, В.С. Некоторые соображения о китайской иероглифической письменности и языке // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. XI.
3. Маслов, А.А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. – М., 2006.

Bibliography

1. Martihnenko, N.P. Specifika semioticheskogo izucheniya drevnekitajjskikh tekstov: avtoref. ... d-ra filos. nauk. – M., 2007.
2. Kolokolov, B.C. Nekotorighe soobrazheniya o kitajjskoy ieroglificheskoy pismennosti i yazhke // Stranah i narodih Vostoka. – M., 1971. – Vihp. XI.
3. Maslov, A.A. Kitajj: ukrothenie drakonov. Dukhovnihe poiski i sakraljnihiy ehkstaz. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 20.01.14

УДК 821.161.1

Shunkov A.V. THE IMAGE OF DEATH IN THE EPISTOLARY TRADITION TRANSITION (BY THE EXAMPLE OF EPISTLES OF TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH). The article is devoted to considering of two variants of the image of the person's death in the literary tradition of ancient Russia by the example of the two Epistles of Tsar Alexey Mikhailovich. This images show two different types of Heroes: the righteous man and the sinner. It was described the productivity of traditional stylistic, linguistic techniques of heroes model's creation and their dynamics in the development's transition of Russian literature.

Key words: Russian literature of transition, the literary work of Tsar Alexei Mikhailovich, epistolary genre, literary tradition and innovation.

А.В. Шунков, канд. филол. наук, доц., проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

СМЕРТЬ «ЧИННАЯ» И «БЕСЧИННАЯ» В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛАНИЙ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА)

В статье на примере двух посланий царя Алексея Михайловича рассматриваются два варианта изображения смерти человека, существовавшие в литературной традиции Древней Руси и демонстрировавшие два разных типа героев: праведника и грешника. Отмечается как продуктивность традиционных стилистических языковых приемов создания моделей героев, так и их динамика в переходный период развития русской литературы.

Ключевые слова: русская литература переходного периода, литературное творчество царя Алексея Михайловича, эпистолярный жанр, литературная традиция и новаторство.

Вторая половина XVII века в истории русской культуры и литературы традиционно определяется как начало переходных процессов, приведших к серьезным сдвигам и изменениям в области словесного творчества. Масштабы этих процессов подробно представлены в солидном корпусе специальной исследовательской литературы как отечественных, так и европейских медиевистов. Признаки переходных процессов проявили себя в жанровой динамике, изменении законов создания книжного текста, раскрепощении авторского сознания и ряде других моментов, традиционно приводимых как показательные для литературного процесса второй половины XVII века. Нестабильность и подвижность границ переходной эпохи заметны в изменении понимания человеком вопросов бытия, взаимоотношения его с Богом, позволении себе индивидуального подхода в интерпретации традиционных, с точки зрения Средневековья, правил жизни. Также одним из признаков переходной эпохи можно назвать стремление книжника найти и зафиксировать в условиях века потрясений ту основу, которая предала бы миру в целом стабильность, прочность и позволила бы человеку жить и поступать по «чину» и «урядству». В сложившихся условиях описание жизни и смерти человека в книжных текстах переходного времени приобретало динамичный характер.

Сами исторические события «бунташного века» не могли не актуализировать апокалипсические настроения, связанные с ожиданием конца света, общей и личной ответственностью за свои земные поступки на Страшном Суде. Именно по этой причине тема смерти становится ведущей в творчестве книжников переходного времени, приобретая особое звучание в сочинениях как анонимных авторов, так и принадлежащих известным историческим государственным деятелям эпохи. Тема смерти найдет свое особое воплощение и в эпистолярном творчестве царя Алексея Михайловича.

Знание жанровых требований средневековой книжности, прекрасное владение литературной техникой составления «высокого» книжного текста позволяло Алексею Михайловичу как автору в полной мере применять их во всех сферах своего писательского творчества, в том числе и дружеском послании, беллетристическом по своей природе, ярко заявившем о себе

в литературном процессе переходного периода. Одним из примеров таких посланий, принадлежащих перу монарха является широко известный «Статейный список 1652 года» («Повесть о преставлении патриарха Иосифа»), ранее уже неоднократно становившийся предметом специального изучения. Сочинение, написанное по случаю смерти патриарха Иосифа, как уже установлено, по своим формальным признакам вписывается в традицию особой жанровой формы древнерусской литературы – «повести о преставлении» [1]. Данный жанр был близок к житию, с той только разницей, что в «повести о преставлении» изображалась кончина не святого, а иерарха церкви или князя, не отличившегося какими-либо великими подвигами во славу веры и Церкви. Однако это обстоятельство не означало, что автор был свободен в использовании приемов и средств, изображающих событие смерти героя. Положение и статус героя требовали соблюдения соответствующего этикета, выражавшегося в создании идеального портрета христианина. Таковыми, например, предстают Василий III в «Повести о смерти Василия III» [2], Скопин-Шуйский в «Повести о преставлении и погребении М.В. Скопина-Шуйского» [3].

«Повесть о преставлении патриарха Иосифа» демонстрирует новую модель построения текста, в сюжетной основе которого лежит событие, традиционное для духовной книжности Древней Руси и требовавшее соблюдения канонических правил его описания. Однако при воссоздании в послании Никону события кончины патриарха, «обязанного умирать по законам, предписанным ему канонам» [4, с. 17], Алексей Михайлович, имевший «достаточно ясное представление о том, как подобает писать о смерти иерарха» [4, с. 10], создает текст, не вписывающийся в средневековую книжную традицию. Каждое действие, совершаемое патриархом Иосифом как накануне кончины, так и в последние моменты жизни, изобличает его греховность, несоответствие титулу святейшего патриарха. Описываемая в «Повести...» ситуация болезни и смерти Иосифа диссонирует со временем Великой Седмицы (Страстной недели) и последующей Пасхи, тем самым исключая патриарха из времени и пространства и намекая на его тяготение больше к земному миру, нежели святости.

В качестве дополнения к тем наблюдениям, которые уже были высказаны в исследованиях, посвященных «Повести...» (Е.В. Душечкина, М.Г. Кротов, А.В. Шунков), приведем еще некоторые, ранее не отмеченные, но позволяющие рассматривать сочинение царя середины XVII века как образец текста переходной эпохи. Так, например, отдельные сюжетные эпизоды содержат элементы, привносящие в эпическое по своей природе произведение драматическое начало, проявляющееся в описании событий, протекающих с точностью по времени (дни и часы), как акты в пьесе. В результате сюжет повести обретает особую динамичность, убыстряющую развитие событий. Доказательством может служить фрагмент, изображающий сцену агонии патриарха Иосифа, сопровождающуюся описанием предсмертного видения умирающего. Приведем его полностью. «И как прочел Казанской и приложил его, так послѣ евангелія того почаль гораздо быстро смотрѣть на лѣвую сторону ко властямъ, гдѣ масло то освящают, да повель очми тѣми вверхъ да почаль съ краю того жаться къ стѣнѣ; и меня прости, владыко святой, кой часть почаль пристально и быстро смотрѣть, и я узналъ, что онъ видѣние видитъ; ... и молвилъ я отцу его духовному: "Видить отецъ нашъ нѣкакое видѣние". И онъ молвилъ: "Видить де нѣчто". А смотрель с четверть часа создомъ, а смотрит все въ потолокъ знатно то что видитъ, и почаль руками закрываться и жаться къ стѣнѣ то и въ уголь, как стѣну ту не выломить, и руки те вырываль у протопопа, да почаль закрываться, да закрываль великимъ гласомъ, а невѣдомо что, да почаль хорониться и жаться добрѣ въ уголь, походило добрѣ на то, какъ кто кого бьетъ, а кого бьютъ, так тотъ закрывается, так то над нимъ святителемъ было. Да затрясся весь въ ту пору и плакать почаль и кричать такъ же, а смотреть вверхъ. Да было того съ полчетверти часа» [5, с. 165–166].

Непродолжительная во времени сцена царем изображена как стремительно развивающееся событие человеческой драмы, передающее эмоциональное состояние главного героя. Царь, описывая последние минуты жизни патриарха, с помощью глагольной лексики показывает его душевные муки, выражаемые через яркую палитру жестов. Однако эмоциональное буйство героя, проявляемое им в состоянии агонии, дискредитирует его, демонстрирует «бесчинное» поведение, выходящее за рамки «урядства» и «строга», и тем самым подтверждает неблагоприятность земной жизни патриарха. Не осуждая напрямую патриарха за его грехи, подтверждаемые событиями, происходящими на смертном одре на глазах всех присутствующих, Алексей Михайлович тем не менее дает понять, что патриарх далек от идеала христианина. Приближающаяся смерть обнажает его душу, снимает с его лица маску и демонстрирует гримасы страха. Предсмертное видение патриарха Алексей Михайлович трактует в традиции библейской символики, которая и убеждает в обоснованности предположений о неугодности страдающего патриарха Иосифа Богу, по воле которого свершаются рождение и смерть. Ранее нами уже отмечалось [6, с. 57–59], что Алексей Михайлович прибегает здесь к использованию устойчивого христианского символа «мир как книга», которая содержит описание всех земных поступков человека, занесенных в нее невидимой рукою, и которая полностью раскрывается перед ним, страница за страницей, перед уходом в иной мир [7]. Благие поступки, совершенные человеком при жизни и зафиксированные в книге жизни, в предсмертный момент не могут вызывать страха и ужаса. Человек, готовый переступить черту жизни, прочитывая эти страницы, пребывает в состоянии покоя и умиротворения, на его лице запечатлена улыбка как символ праведной жизни. Дурные и неблагоприятные поступки порождают совершенно противоположные эмоции, заставляя человека на одре метаться, искать возможность избежать тех страшных мук, на которые он обрекается в будущем. Именно в этой плоскости и трактуется Алексеем Михайловичем состояние умирающего патриарха, прочитывающего свою «книгу жизни» как свидетельство его поступков. «Не упомню, гдѣ я читаль: передъ разлученіемъ души отъ тѣла видить человекъ вся своя добрые и злые дѣла» [5, с. 165].

Наиболее ярко приемы беллетризации повествования, использованные Алексеем Михайловичем и привносящие особый колорит, проявили себя в другом сюжетном эпизоде «Статейного списка» – описании собственного смятения и испуга священника, читавшего над усопшим патриархом Псалтирь, в момент свидетельства ими «античудес», творимых усопшим. Первое, на

что обращает внимание Алексей Михайлович в своем описании покойного патриарха, это его «псевдосвятость» – «лежить как есть живъ», «а он свѣтъ как есть живъ лежить, и вѣры неметается, что он государь отецъ нашъ преставился, таковъ хорошъ лежить во гробѣ, толко не говорить» [5, с. 168]. Подобный прием, как известно, является обязательным для агиографического жанра, подтверждающий и доказывающий святость усопшего. Однако далее привычное ожидание появления других доказательств святости умершего сменяется противоречащими идеалу святого поступками, развенчивающими представления о богоизбранности патриарха. Пребывание с телом усопшего наводит страх на священника, который он пытается заглушить в себе громким чтением молитв: «А над нимъ одинъ священникъ говорить псалтырь, и тотъ говорит во всю голову кричить, а двѣри всѣ отворилъ» [5, с. 169]. Объяснение своего поведения («не по подобію»), приводимое священником, заключается в увиденном им ужасном «преображении» патриарха: «Вдругъ взнесло животь у него государя и лицо въ тужъ пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ, я де чаль ожилъ, дла того де я и двѣри отворилъ, хотѣлъ бежать, ... страхъ такой нашель, едва съ ногъ не свалился» [5, с. 169–170]. Испытываемый страх священником передается и самому царю, который также через силу пытается побороть его: «А се и при мнѣ грыва то ходитъ прытко добръ въ животь, какъ есть у живого, да и мнѣ приде помышление такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоца удавить; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говорить» [5, с. 170].

Приведенные примеры в своей совокупности создают целостную картину «святости» патриарха. Алексей Михайлович как автор текста, рисуя подобные картины ужаса, не мог не знать, что они противоречат книжным канонам, нарушают жанровую традицию. Подобный ход совершен не по незнанию правил (в чем нельзя упрекнуть Алексея Михайловича, прекрасно знавшего церковные обряды), а оправдан самим авторским замыслом: проиллюстрировать неугодность патриарха, наказанного Богом, но сделать это не прямо, вынося ему приговор, а фигурально. Интересным может показаться и такой нюанс: описание самого погребения патриарха полностью нарушает установленный церемониал «чина погребения», что отмечает и сам автор. Проявляется это в той поспешности, с которой было предано земле тело усопшего по причине предстоящего великого праздника Пасхи. Смерть патриарха внесла диссонанс, сбей в совершение церковных обрядов Страстной недели. Она противоречит самой идеи возрождения и обновления жизни, ежегодно даруемой миру Пасхой. Интересным в этом плане может быть упоминание о том зловонии, которое источало тело усопшего патриарха, тем самым отвращая от себя паству в момент последнего прощания. Поэтому и погребение происходит опять не по «чину»: «...погребли безъ звону: всѣ позабыли въ страхъ; я вспамятоваль, как почали поклоны класть за него, так я вельшь звонить послѣ погребенія доколь мы всѣ поклоны клали, а в ту пору звонили, а прежнихъ патриарховъ съ звономъ погребали» [5, с. 173–174]. Алексей Михайлович, в деталях пересказывая произошедшие события в Москве, тем самым убеждает Никона в необходимости скорейшим образом принять волю Бога – стать патриархом. Никон этого заслуживает. Свидетельством являются как традиционные этикетные обращения, звучащие в адрес Никона в редакции официального послания, написанного на полтора месяца раньше «Статейного списка», так и во фрагментах основного текста «Повести...», где царь открыто говорит о своем желании видеть Никона патриархом: «Пишу сице свѣтлосіающему во архіереяхъ, аки солнцу свѣтающему по всей вселеннѣй, тако и тебѣ сіающе по всему нашему государству благими нравами и дѣлы добрыми» («Послание Никону») [5, с. 152]; «Яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, так-то мы нынѣ грѣшныя не вѣдаемъ, гдѣ главы приклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а нового не имѣемъ» («Статейный список») [5, с. 167].

В конечном итоге, использование Алексеем Михайловичем традиционных средневековых приемов построения сюжета приносит в текст «Повести...» очень много индивидуального, личного в оценке произошедшего события, свидетелем которого был автор. В этой ситуации показательно, как творчество царя Алексея Михайловича отражает в целом мировоззренческие процессы XVII века, свидетельствующие о динамике миропредставления. Оставаясь приверженцем средневековых норм и правил средневековой поэтики, Алексей Михайлович подробен в описании действий, нарушающих установленные «урядство»

и «чин». Таких отклонений он подмечает и описывает достаточное количество. В результате текст «Статейного списка 1652 года» («Повести о преставлении патриарха Иосифа») приобретает совершенно иное звучание: традиционный с точки зрения жанра, в содержательном плане (исповедальное начало, субъективный подход, элементы драматизации повествования) памятник намечает новые перспективы и тенденции развития русской прозы, открытие которых произойдет в переходный период. Поэтому согласимся с выводами Е.В. Душечкиной, не потерявшими своей актуальности: «Показанная нами особенность статейного списка, суть которого состоит в фиксации внимания автора на всевозможных отклонениях от нормы и нарушениях ее, прослеживается на протяжении всего текста. В результате такого творческого задания, которое было обусловлено исповедальным характером сочинения и отчетливостью его формы, Алексей Михайлович создает текст, ориентированный на нарушение норм, отчего он более походит на тексты новой литературы, чем на канонические тексты древней русской письменности» [4, с. 15]. Анализ «Повести...» также продемонстрировал определенный тип писательского мышления Алексея Михайловича, основу которого составляют традиционные средневековые представления о природе обрядовых действий, основанных на соблюдении канонических книжных приемов. В то же время они обладают уже двойственной природой: преследующие в некоторых случаях практические цели при этом не лишены беллетристического и драматического начал, что существенно усложняет их литературную природу и определяет их место в литературном процессе переходного периода.

В традиции жанра «повести о преставлении», а соответственно и в развитии темы смерти в творчестве монарха, находится и другой памятник, принадлежащий перу Алексея Михайловича, – это послание к князю Никите Ивановичу Одоевскому (1653 года), в котором царь подробно рассказывает об обстоятельствах смерти Федора Одоевского, сына князя. Памятник интересен и как образец жанра дружеского послания, занимавшего одно из центральных мест в творчестве царя, и как пример текста, продолжающего развитие интересующей нас темы. В этом случае послание может быть рассмотрено как противоположное по манере повествования «Статейному списку» 1652 года и позволяющее рассмотреть еще один вариант сюжета утраты/смерти в творчестве Алексея Михайловича как одного из ярких представителей литературной традиции переходной эпохи.

Послание царя Н.И. Одоевскому публиковалось неоднократно. Оно представлено в изданиях Петра Бартеенева 1856 года [5, с. 226–232], Владимира Ламанского 1861 года [8, с. 702–706]. Послание неоднократно попадало в поле внимания российских историков (С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев), для которых оно было свидетельством особой душевной организации монарха, способного на искреннее выражение своих чувств по отношению к близким и родным: «Всякое горе, всякая беда находили в его душе отклики и сочувствие. Он был способен и склонен к самым теплым и деликатным дружеским утешениям, лучше всего рисующим его глубокую душевную доброту» [9, с. 417]. Однако послание интересно не только с позиции общегуманных ценностей, отмеченных историками, но и историко-литературной.

Послание в сравнении со «Статейным списком» демонстрирует уже традиционный (по средневековым меркам) вариант текста, содержащий описание этикетного события. И это заметно при проведении сопоставительного анализа. При использовании общих этикетных стилистических приемов, внешне ни чем не отличающихся друг от друга, огромное различие в содержательном аспекте. В Послании князю Одоевскому изображена схожая со «Статейным списком 1652 года» ситуация – смерть князя Федора в результате болезни, наступившей также неожиданно и протекавшей стремительно, как и у патриарха Иосифа. Как и в предыдущем тексте царь определяет точные временные границы с начала болезни и кончины героя: «Его повелѣниемъ изволилъ Онъ, Свѣтъ, взять сына твоего ... въ небесныя абытели, ноября въ 19 день, въ пятокъ часу дни в полы. ... А лежалъ огневою три недѣли безъ дву день, а разболѣлся при мнѣ, ноября первое число, на память Козмы и Доміана, понедѣльникъ» [8, с. 703]. Однако восприятие и оценка автором послания слу-

чившегося события уже абсолютно иные. В выражении своих чувств, вызванных переживанием смерти сына князя Одоевского, Алексея Михайловича нельзя уже уличить в неискренности или двусмысленности. Наоборот, общая стилистика послания показывает, что царь – человек сострадательный, умеющий найти слова утешения для пребывающего в горе отца, потерявшего сына. Алексей Михайлович, демонстрируя свое расположение и дружеское отношение к князю Федору, его уход из жизни изображает согласно средневековой этикету как смерть истинного христианина: «...а после причастія отнюдь ничего не молвилъ, какъ естъ уснул: отнюдь ни рыданія не было, ни терзанія» [8, с. 704]. Нельзя не заметить, что описание смерти князя Федора Одоевского абсолютно противоположно варианту, представленному в «Повести о преставлении патриарха Иосифа». Вариативность сюжета здесь основывается на принципе полярности: «смерть праведника – смерть грешника». Федор Одоевский уходит из жизни тихо, благостно и «чинно», демонстрируя и подтверждая тем самым свою душевную чистоту.

Именно по этой причине Алексей Михайлович в последующем фрагменте своего послания просит адресата (Никиту Одоевского), оплакивая сына, поступать согласно христианскому этикету: соблюдать меру, излишне не проявлять своих эмоций и чувств, как ни тяжела утрата: «И тебѣ бы, боярину нашему и слугѣ, и дѣтемъ твоимъ черезъ **мѣру не скорбѣть**, а нельзя что **не скорбѣть** или **не прослезитца, и прослезитца** надобно, да въ мѣру, чтобы Бога наипаче не прогнѣвить» [8, с. 704]. Фразы, выделенные курсивом, в рукописи написаны вместо первоначального варианта: «**силу не плакать, а нельзя что не тужить или не плакать, надобно**». Как видно, замена лексических единиц, имеющих разговорную природу («плакать», «тужить»), на церковнославянский эквивалент «скорбеть», а также замена лексемы «плакать», передающей повышенную эмоциональность субъекта, на книжный аналог «прослезиться», приводит к появлению определенного семантического оттенка в тексте. В результате авторской правки устраняется неуместная в данном случае лексика, десакрализирующая событие, привносящая обыденность и повседневность. Приведенный пример показателен еще и с другой стороны. Он раскрывает образ царя как писателя, в начале находящегося во власти своих чувств, которые испытывает обычный человек, страдающий горю близкого и пытающийся утешить его по-дружески, но затем осознающего, что, с точки зрения книжных канонов, в данном случае выбранная стилистика не пригодна и поэтому должна быть заменена.

Алексей Михайлович как автор своего текста, демонстрирующего «правильную» благоверную смерть христианина, использует традиционный книжный прием – приводит в качестве доказательства своей правоты примеры, взятые из авторитетных источников. Таковыми в послании явились процитированные им фрагменты из книги Иова, сочинений Иоанна Златоуста, агиографических произведений (житие Варлаама Хутынского). Приводимые из них примеры смерти героев являются своего рода обрамлением изображения скорострительной кончины князя Федора Одоевского, доказывают правильность суждения царя о благочинной его смерти. Всевышний забрал Федора из милости к нему, даровав ему венец. Поэтому скорбь отца не должна выходить за границы, быть чрезмерно эмоциональной, так как подобное поведение противоречит пониманию смерти как спасения, открывающего для истинного христианина горний мир: «А таперѣ радуйся и веселися, что совсѣмъ Богъ совершилъ и изволилъ взять съ милостию Своею, и ты приймай съ радостію сію печаль, а не в кручину себѣ и не во оскорбленіе» [8, с. 705]. Таким образом, личное послание царя Алексея Михайловича, с одной стороны (с позиции жанра и используемых книжных приемов), демонстрирует традиционное христианское мышление автора, с другой (содержательной стороны) – являет собой пример текста, обладающего признаками художественной парадигмы нового времени. Это лиризм и личностное, субъективное отношение к изображаемым событиям. В конечном итоге можно сказать, что благодаря присутствию этих двух начал становится возможным наблюдать и переходность авторского мышления, стремящегося уже выйти за рамки средневековой модели мировосприятия.

Библиографический список

1. Кротов, М.Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа. (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы XVI – начала XVIII века. – М., 1989.

2. Повесть о болезни и смерти Василия III // Памятники литературы Древней Руси: середина XVI века / изд. текста, пер., ст. и коммент. Н.С. Демковой. – М., 1985.
3. Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII века / изд. текста, пер., ст. и коммент. Н.С. Демковой. – М., 1987.
4. Душечкина, Е.В. Статейный список 1652 года как литературный памятник // Уч. зап. Тартус. ун-та. – Тарту, 1975. – Вып. 369: Тр. по рус. и славян. филологии. Литературоведение.
5. Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.
6. Шунков, А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века. (На материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). – Кемерово, 2006.
7. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII веков / вступ. ст., подгот. текстов и прим. А.М. Панченко; общ. ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Л., 1970.
8. Записки отделения русской и славянской археологии. – СПб., 1861. – Т. 2.
9. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.

Bibliography

1. Krotov, M.G. Poslanie carya Alekseya Mikhaylovicha o smerti patriarkha Iosifa. (Ehtyud iz istoricheskoy psikhologii) // Germenevtika drevnerusskoy literatury XVI – nachala XVIII veka. – M., 1989.
2. Povestj o bolezni i smerti Vasiliya III // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: seredina XVI veka / izd. teksta, per., st. i komment. N.S. Demkovoyj. – M., 1985.
3. Pisanie o prestavlenii i pogrebenii knyazya Skopina-Shuyjskogo // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Konec XVI – nachalo XVII veka / izd. teksta, per., st. i komment. N.S. Demkovoyj. – M., 1987.
4. Dushchikina, E.V. Stateyniy spisok 1652 goda kak literaturniy pamyatnik // Uch. zap. Tartus. un-ta. – Tartu, 1975. – Vihp. 369: Tr. po rus. i slavyan. filologii. Literaturovedenie.
5. Sobranie pisem carya Alekseya Mikhaylovicha. – M., 1856.
6. Shunkov, A.V. Zhanr poslaniya v russkoy literature XVII veka. (Na materiale ehpistoynarnogo naslediya carya Alekseya Mikhaylovicha). – Kemerovo, 2006.
7. Russkaya sillabicheskaya poehziya XVII–XVIII vekov / vstup. st., podgot. tekstov i prim. A.M. Panchenko; obth. red. V.P. Adrianovoyj-Peretc. – L., 1970.
8. Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii. – SPb., 1861. – T. 2.
9. Platonov, S.F. Lekcii po russkoy istorii. – M., 1993.

Статья поступила в редакцию 25.12.13

УДК 81'373

Yakimov P.A., Kirina M.M. THE CONCEPT OF «CHILD» IN ORENBURG DIALECT PICTURE OF THE WORLD

The article attempts to analyze the features of a lexical representation of the concept «Child» in Orenburg dialect picture of the world, which is regarded as a piece of Russian language picture of the world. Particular attention is paid mikrokontseptam «Child's Play», «Children's character», «Childhood diseases», «Age», make up the structure of the concept «Child».

Key words: a dialect picture of the world, a dialect, a lexeme, kontsept «Child», an explication of kontsept.

П.А. Якимов, канд. пед. наук, доц. ОГУ, г. Оренбург;

М.М. Кирина, студентка 3 курса факультета филологии ОГУ, г. Оренбург, E-mail: pyakimov@mail.ru

КОНЦЕПТ «РЕБЕНОК» В ОРЕНБУРГСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье предпринята попытка проанализировать особенности лексического представления концепта «Ребенок» в оренбургской диалектной картине мира, которая рассматривается как фрагмент русской языковой картины мира. Особое внимание уделяется микроконцептам «Детская игра», «Детский характер», «Детские болезни», «Возраст», составляющим структуру концепта «Ребенок».

Ключевые слова: диалектная картина мира, диалект, лексема, концепт «Ребенок», вербализация концепта.

Ставшее весьма актуальным в последние годы понятие «картина мира» в науке трактуется с позиций различных гуманитарных наук весьма многообразно. Обобщая многочисленные определения понятия «картина мира», можно выделить несколько уровней его представления: картина мира как продукт человеческого сознания; как идеальное представление всей взаимосвязи объективных предметов и процессов в исторической перспективе (Г.В. Колшанский); картина мира как совокупность всех знаний (или знаний в конкретной области) о мире, выработанная на данном этапе развития человеческого общества (О.А. Корнилов); картина мира как одна из форм конкретизации общей картины мира; картина мира как «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека» и «возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» (В.А. Маслова).

Можно выделить, описать и реконструировать картину мира у любой «социопсихологической единицы – от нации до отдельной личности» [1, с. 175]. Видение мира каждой из «социопсихологических единиц» (будь то этническая группа, или социальная группа, или отдельная личность) обусловлено ее культурой: одни и те же явления реальности по-разному воспринима-

ются и интерпретируются разными группами людей (и/или отдельными личностями). Важно при этом определить, как язык, используемый данной группой людей (или отдельной личностью), отражает ее представление о мире (В.А. Маслова).

Целью нашего исследования было определение особенностей объективации одного из малоисследованных фрагментов картины мира – концепта «Ребенок» – в языке народной культуры (на материале говоров Оренбургской области). При этом картину мира, воплощающую народную культуру, мы обозначили диалектной вслед за Н.И. Толстым, который, рассматривая все многообразие русской культуры в 4 срезах – элитарном, деревенском, городском и профессиональном, соотносит народную культуру именно с говорами и диалектами [2]. В основу исследования легли данные Оренбургского областного словаря, а также материалы, собранные в ходе экспедиций по разным районам Оренбургской области, являющейся в диалектном отношении «уникальным заповедником разнообразнейших говоров» [3] – здесь представлены особенности, характерные говорам северного и южного наречий, а также среднерусским говорам.

Под диалектной картиной мира мы понимаем систему традиционно-народных представлений о мире, имеющую нечеткий,

во многом эклектический характер и отраженную в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств. Главными функциями такой картины мира следует считать мировоззренческую, транслирующую, коммуникативную, аксиологическую и регулятивную [4].

Для картины мира, воплощающей народную культуру, важнейшим являются представления о семье. Доказательством тому служит огромное количество пословиц о семейном укладе жизни. Наиболее ярко в этой парадигме представлены пословицы о ребенке, отношении к ребенку. В работе А.В. Ледневой дается анализ прототипических ситуаций, закрепленных в пословичном фонде, которые описывают положение ребенка в семье: отношение родителей к ребенку, отношение матери к ребенку, отношение родителей к дочери, отношение отца к сыну, методы воспитания [5].

В оренбургских говорах концепт «Ребенок» представлен разнообразно. Если исходить из положения об иерархичности концепта, то внутри концепта «Ребенок» условно можно выделить 4 микроконцепта – «Детская игра», «Детский характер», «Детские болезни», «Возраст».

Игры и забавы многократно запечатлевались народной мудростью в пословицах, поговорках, считалках, потешках, пестушках, прибаутках, страшилках, дразнилках и т.п. В оренбургской диалектной картине мира микроконцепт «Детские игры» является самым многочисленным по количеству его вербализаторов, что подтверждает значимость пословицы «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Разнообразны сами названия детских игр: *долевая* (игра в мяч, в лапту), *застукалки* (игра в прятки), *клёк* (игра в городки), *кльзи* (игра, при которой стараются попасть одной палкой в другую, положенную на землю на некотором расстоянии), *козаналяжка* (игра, где одного играющего привязывают веревкой за кол, около которого остальные участники кладут свои вещи; водящий должен поймать кого-нибудь), *крогод*, *корогод* (хоровод), *косая корова* (игра, напоминающая горелки), *кулики* (игра в чижа), *кулюкушки* (игра в прятки), *кума-закупка*, *погулюк* (игра в прятки), *штандар*, *штундор* (игра в мяч).

Как мы видим, одни и те же игры в разных населенных пунктах называются по-разному, например, игра в прятки – *застукалки*, *погулюк*, *кулюкушки* и т.п.

Следует отметить, что среди наименований игр в оренбургских говорах всего 2 собственно-лексических диалектизма – *клёк* и *кльзи*. Предположительно лексема *клёк* является бессуффиксным образованием от глагола *клёкать*; путем переосмысления значения слова образовано наименование *долевая* (напрямую связано с направлением броска мяча); название *погулюк* сочетает словообразовательный способ (прибавляется приставка *по-* к бессуффиксному образованию *гулюк*, *кулюк* от глагола *кулюкать*) и фонетические изменения (озвончение *кулюк* до *гулюк*).

Не менее интересны наименования предметов, предназначенных для игр: *баль*, *бурулька*, *закупорка*, *кубан*, *кубарь*, *лапта*, *опука*, *шабалка*. Здесь мы опять наблюдаем наличие разных лексем для наименования одних и тех же предметов, например: *опука*, *баль*, *закупорка* – «мяч»; *шабалка*, *лапта* – «палка для битья по мячу».

В данную тематическую группу входят собственно лексические (*баль*, *бурулька*, *кубан*) и лексико-семантические (*закупорка*, *кубарь*) диалектизмы. Значение «палка для битья по мячу» для лексемы *лапта* – результат метонимического переноса с названия игры на предмет, используемый в ней.

Интересны глаголы, которые обозначают действия во время игры, которые по большей части относятся к собственно-лексическим диалектизмам. Например, *поймать горку* (поймать мяч во время игры), *зачкать* (ударить кого-нибудь мячом во время игры), *клёкать* (быть водящим во время игры в клёк), *кондылять* (кидать палку во время игры в клёк), *шукаться* (договариваться перед игрой), *щедровать* (шутливое поздравление с праздником с целью получения вознаграждения).

В игре дети часто используют слова, похожие больше на набор звуков: *алабуга*, *албак*, *дегеляй*, *дик*, которые часто используются для называния водящего во время игры.

Другой микроконцепт, входящий в иерархию концепта «Ребенок», – микроконцепт «Детский характер». Характер – это совокупность духовных, психических свойств человека, обнаруживающихся в поведении. Некоторые аспекты характера человека, представленные в говорах уральских казаков, описаны в работе И.Г. Горовой [6]. В оренбургских говорах широко представлены отрицательные черты характера ребенка: *армай* (шалун, озорник), *армайка* (шалунья, озорница), *галда* (крикун, болтун), *задирун* (задира, драчун), *отрошник* (избалованный мальчик), *отрошница* (избалованная девочка), *урлапанчик* (крикун, болтун).

В лексеме *армай* (и соответственно, в ее грамматическом варианте – *армайка*) мы наблюдаем расширение значения: сема «разбойник, грабитель» (В.И. Даль) расширяется до «шалун, озорника» (оренб. говоры); при этом наблюдается утрата коннотации. Лексемы *галда* и *задирун* – результат деривации, соответственно, от *галдеть* (много говорить) и *задира* (зачинщик драк).

Следует отметить, что нами не выявлены в анализируемых текстах и в словаре говоров примеры, дающие положительную оценку характера ребенка.

Третий микроконцепт «Детские болезни» представлен не так многообразно. Большинство наименований болезней детей связано в младенческом возрасте: *гуньба* или *молочница* (болезнь грудных детей; мелкая сыпь в ротовой полости), *кочерга* (болезнь, при которой ребенок корчится), *молоденская* (болезнь грудных детей), *полуношница* (бессонница у ребенка от болезни), *щекотуха* (детская болезнь). Болезнь ребенка может быть названа не только существительным, но глаголом, например, *кавкать* (издавать слабые звуки, плакать), *кукаться* (плакать, хныкать перед сном).

Интересен четвертый микроконцепт «Возраст». Большая часть вербализаторов данного микроконцепта называет детский возраст, безотносительно возрастных периодов: *бишара*, *гаврошек*, *малай*, *малайка*, *малец*. Данные лексемы употребительны не только в оренбургских говорах, о чем свидетельствует наличие их в диалектном «Словаре Новгородской области» и «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Микроконцепт «Возраст» в основном представлен нейтральными с точки зрения оценки лексемами. Только 3 лексемы оценивают определенный возрастной период ребенка: *бельмешок* (грудной ребенок), *лежень* (грудной ребенок, который еще не научился сидеть), *полползень* (ребенок-ползунок, ближе к лежню). Лексема *бельмешок* образована от слова *бельмей* (ничего не понимаю); лексема *лежень* – от глагола *лежать*; лексема *ползунок* – от глагола *ползти*.

Очень яркая оценка содержится при наименовании маленьких детей по их внешнему виду. Так, ребенка голого, без штанов называют *бештаным* или *голоштаным* (очень часто данные лексемы используются в дразнилках – «*Голоштаный рак покотился в овраг...*»), бесстыдного ребенка, переростка называют *бугаем* или *бугаихой* (например, «*Такая бугаиха выросла, а все на горшок ходит, отца не стесняется...*»), пухлого, толстого ребенка называют *пухляк*.

За пределами анализируемых микроконцептов находятся лексемы, используемые, например для того, чтобы напугать ребенка – *каган*, для называния предметов, необходимых для взращивания ребенка – *качка*, для называния родственников связей – *примуш*, *примушка*, для восклицания во время игры – *матана*.

Подводя итог, отметим, что лексическое представление концепта «Ребенок» в оренбургской диалектной картине мира близко тому, как оно представлено в других диалектных картинах мира, однако далеко от общезыкового представления, поскольку большая часть лексем, используемых для вербализации микроконцептов «Детская игра», «Детский характер», «Детские болезни», «Возраст», отсутствует в толковых словарях русского языка. Рассмотренный материал позволяет значительно обогатить представление о русской национальной языковой картине мира в целом, и об отдельном ее фрагменте – диалектной картине мира.

Библиографический список

1. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. – М., 1999.
2. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
3. Якимов, П.А. Хрестоматия говоров Оренбуржья. – Оренбург, 2012.

4. Ефремов, В.А. Теория концепта и концептуальное пространство / В.А. Ефремов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 104.
5. Леднева, А.В. Концепт «ребенок» в пословичном фонде (на материале русских и немецких пословиц и поговорок) // Вестник Адыгейского университета. – 2001. – № 4.
6. Горовая, И.Г. Внутренний человек в диалектной картине мира уральских казаков // Nauki. Teoria i praktyka. – Poznan, 2012.

Bibliography

1. Rudnev, V.P. Slovarj kul'turh XX veka. – M., 1999.
2. Tolstoy, N.I. Yazhik i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike. – M., 1995.
3. Yakimov, P.A. Khrestomatiya govorov Orenburzhija. – Orenburg, 2012.
4. Efremov, V.A. Teoriya koncepta i konceptual'noye prostranstvo / V.A. Efremov // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2009. – № 104.
5. Ledneva, A.V. Koncept «rebenok» v poslovichnom fonde (na materiale russkikh i nemeckikh poslovic i pogovorok) // Vestnik Adihgeyskogo universiteta. – 2001. – № 4.
6. Gorovaya, I.G. Vnutrenniy chelovek v dialektnoy kartine mira ural'skikh kazakov // Nauki. Teoria i praktyka. – Poznan, 2012.

Статья поступила в редакцию 20.01.14

УДК 811. 512.1

Sereedar N.Ch. STRUCTURAL SEMANTIC TYPES OF MODELS OF EXISTENTIAL SENTENCES IN THE TURKIC LANGUAGE OF SOUTH SIBERIA. The paper presents the analysis of the structure and semantics of simple existential sentences in the Tuvian language. Versions of these models are found. The existential sentences in the Tuvian language are compared with the ones in other Turkic languages of South Siberia. Similar and different peculiarities of the existential sentences models in the Tuvian and other Turkic languages are found.

Key words: elementary simple sentences, model, structural scheme, plane of expression, plane of content, existential sentences, predicates, subject, object.

Н.Ч. Серээдар, канд. филол. наук, в.н.с. Туvinского института гуманитарных исследований, зав. сектором языка, г. Кызыл, E-mail: sereedar.62@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ МОДЕЛЕЙ БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье анализируются структура и семантика простых бытийных предложений в тувинском языке. Выявляются варианты данных моделей. Сравнивают бытийные предложения тувинского языка с другими тюркскими языками Южной Сибири. Обнаруживают сходные и отличительные черты моделей бытийных предложений тувинского языка от других тюркских языков.

Ключевые слова: элементарные простые предложения, модель, структурная схема, план выражения, план содержания, бытийные предложения, предикаты, субъект, объект.

Задачей статьи является выявление и описание бытийных предложений в тувинском языке, понимаемых как единицы языка, а не как речевые построения. Мы исходим из того, что говорящие строят свои предложения в соответствии с некоторыми образцами, которые закладываются в их сознание в процессе овладения языком, в раннем детстве.

Разные исследователи по-разному представляют и по-разному описывают эту сущность. Этому посвящено немало работ. Так, Т.П. Ломтев представлял языковые сущности, «образцы», в виде искусственных фраз, в которых устранялось все лишнее и оставались только структурно необходимые компоненты. Например, Иван бьет Петра, Иван дает Петру книгу, Иван режет мясо ножом [1]. Подобные предложения, с одной стороны, обнажают грамматическое устройство образца, наглядно демонстрируя то, что позже будет названо *структурной схемой*, с другой стороны, так же непосредственно выражают определенный синтаксический смысл, то есть намечают некоторый класс ситуаций, которые можно описать таким же способом. Такой способ представления соблазняет своей конкретностью, но он не позволяет детализировать этого представления, не описывает семантических возможностей данного образца.

Н.Ю. Шведова требует от предложения формальной законченности, наличия предиката и предикандума, но остается безразличной к структурно-смысловой, коммуникативной недостаточности: Иван купил – но что? у кого? – это остается за рамками описания, представленного в Грамматике -70 и Грамматике – 80 [2].

В.А. Белошапкова сделала следующий очень важный шаг, потребовав от представления о предложении коммуникативной достаточности [3]. Структурно-семантические модели простого предложения описываются и на материале тувинского [4], карачаево-балкарского [5; 6; 7; 8], алтайского [9; 10; 11], шорского [12; 13] и других тюркских языков.

Настоящая работа пользуется положениями и терминологией Новосибирской синтаксической школы, основанной М.И. Черемисиной, подход которой в основных чертах перекликается с изложенными выше. По М.И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступна прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов». План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Планом содержания ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [14].

Модели бытийных предложений описывают ситуации наличия, присутствия некоторого объекта (объектов) в некотором пространстве. Объект может быть единичным или множественным, и в этом случае к значению наличия может добавляться обобщенная количественная оценка наличествующих объектов, выражаемая специальными предикатами. Предложениям наличия противопостоят антонимичные предложения, обозначающие отсутствие объекта, отрицающие его наличие. Но антонимичность всегда предполагает существенную общность признака, по которому антонимы противопостоят друг другу. Поэтому все эти группы предложений – собственно наличия, наличия + количественной характеристики и отсутствия наличия объекта объединяются в общей «модели наличия» в широком понимании термина.

Чтобы охарактеризовать эти модели, нужно показать, во-первых, что представляют собой те объекты, о локализации которых в предложении сообщается, во-вторых, каковы бывают те пространства, в которых они локализируются, в-третьих – что

представляя собой предикаты этих предложений, какими словами и выражениями описывается наличие и отсутствие и дается количественная характеристика наличных объектов, и в четвертых – как выражаются важнейшие грамматические значения в этих моделях: лицо, наклонение-время, отрицание, модальность, экспрессия.

Во многих языках мира предложения этой семантики строятся по разным специальным структурным схемам. Так обстоит дело и в тюркских языках Южной Сибири. Например, в тувинском: Тожу=да (N_{Loc}) Азас деп хөл (N_{Nom}) бар – В Тодже есть озеро по имени Азас; в алтайском: Бис эку=де аттар бар (АА, JTJ, 104) – У нас двоих есть кони; в хакасском: Мын=да тохлах пастыг тигей пар (ФБ, ТО, 115) – Здесь есть голая вершина.

Всмагиваясь в то, как устроены эти предложения, можно увидеть, что все они построены по нескольким структурным схемам, с каждой из которых связан свой обобщенный синтаксический (пропозитивный) смысл. Основную структурную схему можно представить формулой $\{N_{Loc} + N_{Nom} + бар / хөй / чок + (сор) чве/чер\}$. В этой формуле символ N_{Loc} подразумевает позицию локализатора: где находится что-то; в тюркских языках это синтаксическое значение выражается местным падежом; но в синтаксической формуле символ N_{Loc} существенна именно функция локализатора. Символ N_{Nom} представляет объект. Это – подлежащее конструкции, форма «прямого» (неопределенного) падежа.

Предикаты *бар/хөй/чок* – ‘есть/много/нет’ – это тоже символы; эти тувинские слова представляют не только самих себя, но и другие слова, того же и других языков, с тем же типовым смыслом. Например, предикат *хөй* представляет и слова с семантикой мало, и с семантикой ‘очень много, прорва, полно’.

За символом *чок* (алт. *жок*) также стоит целый ряд конкретных предикатов отсутствия: тув.: *чог=ул*, *чог=ул=у*, *чог=ул=ду* ‘не обнаружение, оказывается, чего-то нет’; алт.: *жог=ыл=а* ‘оказывается, чего-то нет’; основной предикат отсутствия в хакасском языке *чог=ыл* ‘нет’; слово *чох* в значении ‘нет’ употребляется редко, его основное значение ‘не’ (частица отрицания); отсутствие выражается также предикатом *чог=ыл=ох* ‘тоже нету’, *чог=ыл=лар*, *чог=ыл=лар=ох* ‘тоже нету’.

Рассмотренным структурным схемам соответствуют пропозиции: [где-то что-то есть (в некотором количестве)] или *чего-то нет, что-то отсутствует*.

В конкретных предложениях, конечно, всегда реализуется какая-то одна из этих возможностей, например, алтайская структурная схема $\{N_{Loc} N_{Nom} жок (сор)\}$ – где-то чего-то нет; хакасская структурная схема $\{N_{Loc} N_{Nom} чогыл (сор)\}$ – где-то чего-то нет; тувинская структурная схема $\{N_{Loc} N_{Nom} эвээш (сор)\}$ – ‘где-то чего-то мало’. Конкретный состав предикатов с количественно-оценочной семантикой в разных языках существенно различается, их еще предстоит выявлять.

Символ (*сор*) подразумевает связку. Связка в тюркских предложениях этого типа, как и в русском, может быть нулевой, если предложение строится в настоящем времени индикатива. В остальных случаях (за одним исключением, о чем будет сказано ниже) связка обязательна, и в этой роли может появляться целый ряд глаголов; в разных тюркских языках, в том числе и южно-сибирских, состав этих глаголов не совсем одинаков.

В тувинском это глаголы *бол=* ‘быть’, *тур=* ‘быть’ (первичн. ‘стоять’), *чор=* ‘быть’ (ходить); связки используются несколько по-разному. В алтайском используется преимущественно связка *бол=* ‘быть’ и, реже, *э=ди* ‘был’ (только в этой форме). В хакасском функционирует только связка *пол=* ‘быть’.

В специальной литературе на материале разных языков, русского, тюркских и других, в рамках названной микросистемы выделялись разные взаимно противопоставленные модели и высказывались разные точки зрения на границы их формального и содержательного варьирования. Коротко представим существующие точки зрения.

Библиографический список

1. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958.
2. Шведова, Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание (седьмой международный съезд славистов). – М., 1973.
3. Белошапкова, В.А. Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 5.
4. Серээдар, Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1995.
5. Ахматов, И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 1983.

Разработка в этом ключе предложений наличия начинается в середине 70-х гг. В 1961 г. П.А. Лекант еще рассматривал предложения типа «У ворот скамья» как «развернутые бытийные односоставные предложения» [15]. Н.Д. Арутюнова уже обратила внимание на различие между «локативными» и «бытийными» предложениями: «Предложения типа “В двери ключ”, “В деревне сестра” выражают экзистенциальные отношения, сообщая о том, что в данной сфере бытия имеются объекты некоторого типа. Предложение “Сестра в деревне” сообщает о местонахождении» [16; с. 260]. Тем самым она поставила вопрос о системных отношениях в сфере предложений рассматриваемого нами типа.

В другой системе понятий, но, в сущности, о том же говорит Г.А. Золотова [17]. «Формально носитель признака (в терминологии Ю.С. Степанова “именно сенсициальное подлежащее”) получает выражение соответственно своему значению, в формах локативных: *На дворе мороз (морозно, морозит)* – характеристика состояния среды; *В комнате стол и стул; В комнате двое; Кругом цветы* – пространственная среда предикативно характеризуется наличием названных предметов». По мнению Ю.С. Степанова, «...перемещение предметного имени из позиции “классического” субъекта (*Гости в саду*) в позицию предиката (*В саду – гости*) обращает его в имя события или состояния, даже при его исходной индивидуности: предложение “В саду – мать” заставляет оценить “мать, находящуюся в саду” как обозначение ситуации, того, что происходит в саду» [18; с. 125].

О том же писали М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский: «В плане смысловой, логической организации предложения “На столе книга” и “Книга на столе” относятся к двум различным типам. Один тип – это так называемые экзистенциальные, или бытийные, предложения, в которых утверждается (отрицается) идея существования (наличия, бытования) предмета или класса предметов в данном пространстве, ср.: *В этом лесу есть волки, В этом лесу змей нет*. Ко второму типу относятся предложения, которые “выражают предикацию локального отношения”: *Петя на службе, Волки в этом лесу*. Эти же авторы замечают, что глаголы – показатели бытия – в неактуализованной позиции могут быть опущены, ср.: *В этом городе есть университет – В Москве два университета*» [19, с. 113].

К.Г. Чинчлей сближает предложения $\{N_{Loc} N_{Nom} (сор)\}$ “В лесу озеро” и предложения $\{N_{Loc} N_{Nom} есть (сор)\}$ “В лесу есть озеро”, сообщаящие о наличии некоторого предмета в определенном пространстве, но противопоставляет их предложениям со схемой $\{N_{Nom} N_{Loc} (сор)\}$ “Озеро в лесу”, сообщаящим о местонахождении объекта, но не несущим новой информации о пространстве. Первые ориентированы на пространство (что есть в данном пространстве), вторые – на субъект, который находится где-то [20, с. 16].

Проблема, активно обсуждаемая названными авторами на русском языковом материале, является вовсе не только русской. Те же вопросы возникают и при анализе тюркского материала. Каждый язык, конечно, своеобразен и предполагает какие-то свои решения общей проблемы. М.Б. Кетенчиев, рассматривая именные модели карачаево-балкарского языка, пишет, что при актуализации семантического конкретизатора бытийные предложения начинают передавать локальное значение [6]. По его мнению, актуальное членение представляет собой один из важных аспектов простого предложения.

Все предложения, построенные по этим структурным схемам, в общей системе форм тюркского предложения составляют одну микросистему. Но как организована эта микроструктура в каждом из языков, то есть какими именно отдельными образцами она представлена в каждом данном языке, как варьируют эти образцы, каковы те рамки их формальных и содержательных модификаций, которые позволяют оценить их как варианты одной модели и когда следует уже говорить о разных моделях – подобные вопросы пока еще окончательно не решены и заслуживают внимательного изучения и обсуждения.

6. Кетенчиев, М.Б. Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. – М., 2010.
7. Додуева, А.Т. Формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1997.
8. Хуболов, С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 1997.
9. Тыбыкова, А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. – Новосибирск, 1991.
10. Байжанова, Н.Р. Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N_1 V_f$ в алтайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1999.
11. Черемисина, М.И. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / М.И. Черемисина, А.А. Ознова, А.Р. Тазранова. – Новосибирск, 2008.
12. Телякова, В.М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1994.
13. Невская, И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1997.
14. Черемисина, М.И. Элементарное простое предложение в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4.
15. Лекант, П.А. Продуктивные типы безглагольных односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1961.
16. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
17. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса. – М., 1973.
18. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981.
19. Всеволодова, М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимировский. – М., 1982.
20. Чинчлей, К.Г. Типология категории посессивности. – Кишинев, 1990.

Bibliography

1. Lomtev, T.P. Osnovih sintaksisa sovremennogo russkogo yazihka. – M., 1958.
2. Shvedova, N.Yu. O sootnoshenii grammaticheskoy i semanticheskoy strukturih predlozheniya // Slavyanskoe yazihkoznanie (sedjmoj mezhdunarodnijh sijezd slavistov). – M., 1973.
3. Beloshapkova, V.A. Rasshirenniye strukturih skhemih russkogo predlozheniya // Russkiy yazihk za rubezhom. – 1979. – № 5.
4. Sereheddar, N.Ch. Osnovniye tipih predlozhenij s imennim skazuemim v tuvinskom yazihke: dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1995.
5. Akhmatov, I.Kh. Strukturno-semanticheskie modeli prostogo predlozheniya v sovremennom karachaevo-balkarskom yazihke. – Nalchik, 1983.
6. Ketenchiev, M.B. Strukturno-semanticheskaya organizaciya prostogo predlozheniya v karachaevo-balkarskom yazihke. – M., 2010.
7. Dodueva, A.T. Formaljno-semanticheskie modeli prostih predlozhenij s predikatami dvizheniya v karachaevo-balkarskom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Makhachkala, 1997.
8. Khubolov, S.M. Formaljno-semanticheskie modeli odnomestnihkh frazeologizirovannihkh predlozhenij v karachaevo-balkarskom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Nalchik, 1997.
9. Tihbikhova, A.T. Issledovaniya po sintaksisu altajskogo yazihka. Prostoe predlozhenie. – Novosibirsk, 1991.
10. Bayzhanova, N.R. Bazovaya strukturalnaya skhema ehlementarnogo prostogo predlozheniya $N_1 V_f$ v altajskom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1999.
11. Cheremisina, M.I. Ehlementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nim skazuemim v tyurkskih yazihkakh Yuzhnoj Sibiri / M.I. Cheremisina, A.A. Ozonova, A.R. Tazranova. – Novosibirsk, 2008.
12. Telyakova, V.M. Prostoe predlozhenie v shorskoy yazihke (v sopostavlenii s russkim): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1994.
13. Nevskaya, I.A. Tipologiya lokativnihkh konstrukcij v tyurkskih yazihkakh Yuzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo yazihka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Novosibirsk, 1997.
14. Cheremisina, M.I. Ehlementarnoe prostoe predlozhenie v yazihkakh Sibiri // Gumanitarniye nauki v Sibiri. – 1995. – № 4.
15. Lekant, P.A. Produktivniye tipih bezglagol'nihkh odnosostavnihkh i dvusostavnihkh predlozhenij v sovremennom russkom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1961.
16. Arutyunova, N.D. Predlozhenie i ego smysl. – M., 1976.
17. Zolotova, G.A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa. – M., 1973.
18. Stepanov, Yu.S. Imena. Predikatih. Predlozheniya. – M., 1981.
19. Vsevolodova, M.V. Sposobih vihrazheniya prostranstvennihkh otnoshenij v sovremennom russkom yazihke / M.V. Vsevolodova, E.Yu. Vladimirovskiy. – M., 1982.
20. Chinchley, K.G. Tipologiya kategorii posessivnosti. – Kishinev, 1990.

Статья поступила в редакцию 20.01.14

УДК 82-1

Smolina N.Y. FONOMOTIV «CALL» IN THE STRUCTURE OF THE ARTISTIC WORLD OF THE «SPACE IN THE PATH» IN THE LYRICS A.A. BLOCK. The article considers the embodiment of the concept of «world of Sound» in the model of the lyrical world of A. Block, the role of sound leitmotifs in the organization its structure and formation of the «space journey».

Key words: Text, the motive, the art world, «the myth of the Road», «the myth of the world».

Н.Ю. Смолина, канд. филол. наук, доц., каф. литературы Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: 68nus@mail.ru

ФОНОМОТИВ «ЗВ» В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА И «ПРОСТРАНСТВА ПУТИ» В ЛИРИКЕ А.А. БЛОКА

В статье рассматривается воплощение концепции «мира-звука» в модели художественного мира А. Блока, роль звуковых лейтмотивов в организации ее структуры и формировании «пространства пути».

Ключевые слова: текст, мотив, художественный мир, «миф о пути», «миф о мире».

Рубеж XIX-XX веков породил совершенно уникальное по своей культурной значимости явление – Серебряный век. В конце 1880-90-х годов складываются основы нового художественного мышления, особая система миропонимания, определившая

развитие философии и эстетики нового искусства, «культурного ренессанса» [1], которое в то же время «стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство» [2, с. 112]. Подспудное стремление к устойчивому миропорядку требует найти новые связи между элементами мира взамен разрушающихся. В этом стремлении происходит возвращение к хорошо известной с античных времен теории синтеза искусств, на основе которой строятся «фундаменты» новых художественно-мифологических систем, понимаемых чаще как способ «переживания мира». В центре этих поисков оказывается личность в ее порыве за пределы существующего мира, поисках точки соприкосновения с устойчивым «иным», первоначальным хаосом и гармонией. Идея универсальности гармонического синтеза в эстетике романтизма и модернизма уподобляет искусство религии, а личность художника, который в своем творчестве призван продолжить миротворение, теургу. В.Г. Вакенродер писал, что «общий Отец наш, что держит землю», ощущает «аромат» искусства, и в каждом его создании «замечает следы той небесной искры, которую сам вложил в человеческое сердце» [3, с. 71-72]. Подобные представления породили концепцию поэта-творца и понимание искусства как духовного прозрения сущности мира. «Художник – это тот, для кого мир прозрачен, кто видит не один только первый план мира, но и то, что скрыто за ним», – писал А. Блок [4, т. 5, с. 418].

Общей характеристикой сознания художника рубежа XIX–XX веков стало «видение мира в духе музыки» [5]. Став важнейшей категорией поэтического сознания Серебряного века, музыка получила разные формы воплощения в теории и практике символистской поэзии, в том числе, и в концепции «мира-звука» Блока, который осознанно акцентирует мировую антиномичность, трагическое осознание «неслиянности» всего, порождая особый «миф о мире» (З.Г. Минц) [6], мифологизированный художественный мир, противоречивый и одновременно цельный, и особый «миф о пути» (Д.Е. Максимов) [7].

В структуре блоковского художественного мира проявляется многообразие символических смыслов пути, выступающих как семиотический код в реализации ряда оппозиций, формирующих ментальную и вербальную картины мира. Одним из кодов является звучание. Утверждая идею синтеза, «универсального изоморфизма» «мифа о мире», символисты стремятся к созданию «универсального Текста» как «высшего», идеального мира [6, т. 3, с. 97-102], имеющего чувственно воспринимаемую природу, для Блока, в первую очередь, в звучании. Установление системы антитез и сближений противоположностей мира образует, в том числе, и особое «пространство пути» к «универсальному миру». Конкретно-образная природа этого пространства определяется основными символами-мифами, «поэтическими интеграторами»: «Прекрасная Дамы», «ветер», «поле/луг», «город», «страшный мир» и т.д. [8], а звуковые лейтмотивы определяют направление пути. Вектор движения в блоковском художественном мире направлен от мира «зримого» «рукотворного» (цивилизации, получившей символическое воплощение в образе города) через мир «зримый» природный (символически представленный в образе поля/луга/степи) к миру «незримому», «невыразимому» (В.А. Жуковский). При этом движение совершается и во внешнем «объективно-символическом» пространстве и во внутреннем эмоционально-духовном пространстве лирического героя. Вектор движения проходит через систему хронологических «точек»-образов, маркирующих уровни художественного мира, своеобразных «ступеней» восхождения: «город» – «природа» – «творчество» – «дом/храм» – «невыразимое» как аналог Дома-рая. Каждый из них имеет звуковой коррелят, формируя еще один вектор пути и проекцию художественного мира в «мире-звуке», в котором «рукотворный» «зримый» мир воплощается в какофонии отдельных дисгармоничных звуков «лязга» [здесь и далее цит. по: 4], «гула», «грохота», «скрежета», «стоны», «плача», «воя»; мир «зримой» природы – в гармоничном звучании отдельных звуков «шелеста», «пения», «журчания», «клика»; а мир «невыразимый» – в звучании «тишины». И путь в этом «звуковом» художественном мире направлен от дисгармонии мира цивилизации к абсолютной гармонии «тишины» мира «небесно-божественного», изначального Дома-рая. Представления о поисках рая непосредственно связаны с мотивом пути-возвращения. В памятниках древнерусской литературы выявляются основные вехи этого движения: опасность; проводник; изобилие; небесный свет; река; сад [9,

с. 71-120]. Душа блоковского лирического героя на этом пути не одинока, она имеет своеобразного «проводника» в мир «невыразимого», который существует в его творчестве только в звуковом воплощении как «зов».

Мир «невыразимого», куда стремится лирический герой, воспринимается как абсолютная гармония – «*тишина*», звучащая в душе лирического героя как собственно «зов», «голос», «шепот», «песня», «молитва», «звон».

Зов «иног» чаще всего носит «иллюзорно-конкретный» характер, который не столько слышится, сколько «*чуется*» духовно: «*Внемля зову жизни смутной / Тайно плещущей во мне*» («Внемля зову жизни смутной...», 1901), «*Кто-то зовет серебряной трубой*» («Плачет ребенок. Под лунным серпом...», 1903), «*И какие-то над морем / Голоса*» («Крылья», 1907), «*Багряный свет / Зовет, зовет к неслыханному раю*» («Сквозь серый дым от края и до края...», 1912). При этом поэт акцентирует не сам призыв, несмотря на символистское понимание слова как сакрального действия, а способность слышать малейшее звучание «*тишины*» как свидетельство «живой» души. Нередко поэтому голос «невыразимого» звучит как шепот: «*Кто-то шепчет, поет и любит*» («Не легли еще тени вечерние...», 1899), «*Но тишина мне шепчет снова*» («Я тишиною очарован...», 1902), «*Шепчет про душу мою*» («В городе колокол бился...», 1902), «*Он поет и шепчет – ближе, ближе*» («Благовещение», 1909). Этот «зов» и «шепот» становятся источником вдохновения: «*Муза в уборе весны постучалась к поэту, / Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи*» («Муза в уборе весны...», 1898), «*Я шепчу и слагою созвучья*» («Еще бледные зори на небе...», 1902). Стихотворение «На темном пороге тайком...» (1902) словно «нанизано» на мотив молитвы-шепота, на уровне структуры текста повторяя лейтмотив вечности молитвы-«зова», заявленный во многих стихах: «*Я по-прежнему стану молиться*» («Как мучительно думать о счастье былом...», 1898), «*Никогда не устану молиться*» («На обряд я спешил погребальный...», 1902). В стихотворении четыре катрена, в первом лирический герой «*На темном пороге тайком*» шепчет «*святые*» имена, повторяя их в пространстве храма третьего катрена: «*И снова шепчу имена / Безумно забытых святых*», и последнего: «*Дрожу, и молюсь, и шепчу*». Акцентуация мотива молитвенного служения во многих стихотворениях: «*склонив колени*», «*взором кроток*», «*сердцем тих*», подчеркивая особое внутреннее состояние героя, в котором только и можно различить «*тени*» «*Голосов миров иных*» («Внемля зову...», 1901).

В поэтическом сознании Блока за каждым явлением действительности видится «*тень*»: «*Я зову родную тень. / Приходи, не жди рассвета*» («На весенний праздник света...», 1902). Такое отражение «зова» «иног» поэт слышит и в голосе героини, постепенно приобретающей черты Прекрасной Дамы как одного из вариантов объективации мира «невыразимого». Ее голос становится неотъемлемой частью хронотопа «незримого», на звуковом уровне маркируя пространственно-временные координаты – вертикаль, «*даль*», вечность: «*Ты ли зовешь вдалеке?*» («Сумерки, сумерки вешние...», 1901), «*Так пел ее голос, летящий в купол*» («Девушка пела в церковном хоре...», 1905), «*Ты поймешь растущий издали / Зов*» («Последний путь», 1907), и эмоциональную составляющую «небесно-божественного» – «*тишина*», призыв, непознаваемость, умиротворение: «*Слышал твой голос таинственный*» («В полночь глухую рожденная...», 1900), «*Тайна ль моя совершается, / Ты ли зовешь вдалеке?*» («Сумерки, сумерки вешние...», 1901), «*Этот голос – он твой, и его непонятному звуку / Жизнь и горе отдам*» («Приближается звук...», 1912). Особенно яркое такое молитвенный и одический одновременно призыв в стихотворении «Тебе, Чей Сумрак был так ярок...» (1904) из цикла «Молитвы»: «*Ты, Воскрешающая Тень! / Зову Тебя!*».

Звучание «зова» «миров иных» в «зримом» мире объективируется и в звуках сакрального пространства, в первую очередь, в звоне церковного колокола. Как вестник небес он традиционен для лирики В.А. Жуковского: «*Колокол поздний*» («Сельское кладбище», 1802) [10], М.Ю. Лермонтова: «*Унылый колокол звон / В вечерний час мой слух неволью потрясает*» («Унылый колокол звон...», 1830-1831), «*колокол на башне вечевой*» («Поэт», 1838) [11], А.А. Фета: «*И в дальном колокольном звоне / Как будто слезы неба есть*» («Дождливое лето», 1850-е гг.) [12] и других. В поэзии Блока эта традиция продолжена, звон колокола становится одним из ведущих миромоделирующих образов, он маркирует пространство дома-храма как грани-

цу между мирами «зримым» и «незримым», где яснее всего звучит «тишина» «невыразимого»: «Высок и внятен колокольный зов» («Бегут неверные дневные тени...», 1902), «Несутся звуки с колоколен, / Крылатых слышу голоса» («Мой вечер близок и безволен...», 1902), «берегитесь, в даль стремясь, / Чтоб голос меди колокольной / Не опрокинулся на вас!» («Вот – в изнурительной работе...», 1904), «Колокола – / О чем гласят с несбыточной верой?» («Сквозь серый дым от края и до края...», 1912).

От сакрального пространства неотделима молитва как «нить», связующая «земное» с «невыразимым». «Мир существует только для души человеческой. Бог и душа – вот два существа; все прочее – печатное объявление, прилепленное на минуту», – писал В.А. Жуковский [13]. В звуковой семиотике Блока молитва выступает не только как код, знак «музыки сфер», «зова», но и как знак «живой души», жаждущей возвращения в изначальный дом. При этом поэт чаще говорит просто «молиться», делая акцент на эмоциональном проживании молитвенного состояния: «С молитвенной и полною душою» («В Северном море», 1907), «молитва моя горяча» («Вербы – это весенняя таль...», 1914). В стихотворении «Люблю высокие соборы...» (1902) лирический герой говорит о чувстве смирения и единения, которое охватывает его во время богослужения, он любит «В толпе поющих исчезать», молитва дает ему успокоение, желанную «тишину»: «В своей молитве суеверной / Ищу защиты у Христа».

С молитвой лирический герой обращается не только к небесам, но и к *Ней*. Представление о Прекрасной Даме как явлении мира «невыразимого» позволяет поэту обращаться к ней «Дева», соотнося образ с Пречистой Девой, Богородицей, и рыцарское служение дополняется молитвенным поклонением. В дневниковых записках за 1901-1902 годы Блок пишет о том, что пытается рассмотреть свое поэтическое «я» как мужской коррелят Вечной Женственности [4, т. 7]. В 1904 году он создает цикл из пяти стихотворений «Молитвы», в которых молитвенное состояние последовательно разворачивается от тишины, почти шепота, до крика «измученной» души в четвертой части «Ночная», где герой зовет Ее: «Явись!», «Зову Тебя! Склонись над нами! / Нас ризой тихости одень» (в ожидании явления «Девы» звучат мотивы Второго Пришествия), и снова в пятой части «Ночная» возвращается к тишине, но уже иной – умиротворенной: «Спи. Да будет твой сон спокоен. / Я молюсь. Я дышанью внимаю». Лирический герой находит успокоение и умиротворение, принимает быстротекущее человеческое время и бренность всего земного и свою участь поэта-пророка: «Я безумец! Мне в сердце вонзили / Красноватый уголь пророка!». Цитируя пушкинского «Пророка», Блок меняет тональность и стиль: высокое «уголь» превращается, казалось бы, в обыденное «уголь», а пылающий огонь притихает до тления, но, тем не менее, не ставя себя на одну ступень с «гласом Бога», он все равно – пророк, потому что способен слышать «зов» и проживать молитву, что повторит еще не раз: «Да, был я пророком, пока это сердце молилось» («Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...», 1914).

Для блоковского художественного мира характерно особое «расширение/сжатие» хронотопа. Объективный локальный хронотоп города, нередко максимально сжатый до уровня квартиры, улицы, огороженный со всех сторон стенами, заборами, туманный в «неясном» свете одинокого фонаря, забывший о прошлом и будущем, в действительности является максимально расширенным до масштаба всей цивилизации, что отчетливо прочитывается, например, в поэме «Возмездие». Столь же максимально Блок раздвигает и рамки сакрального пространства, опираясь не на пространственные категории, а на духовную составляющую, он включает в границы храмового хронотопа дом, природу, творчество, память и мечту о «возвращении». В стихотворении 1902 года «Я отрок, зажигаю свечи...» (1902) целый ряд деталей рисует сакральное пространство: «отрок», «свечи», «огонь кадильный», «моленье / У белой церкви над рекой». То, что служение совершается не в стенах церкви, расширяет границы сакрального до всей природы, которая тоже способна проживать молитву: «Теплый ветер пройдет по листьям / Задорожат от молитвы стволы» («Я и молод, и свеж, и влюблен...», 1902), «За вечерней молитвою – маленький / Попик болотный виднеется» («Болотный попик», 1905). Потому «зов» «невыразимого» способен проявляться и через звуки природы. Они «отражают» и молитву, и колокольный звон: «И в вешних даях им

качала / Колокола» («Бежим, бежим, дитя природы...», 1900), и таинственный голос из «дали»: «Замер, кажется, в зените / Грустный голос, долгий звук» («Золотистой долиной...», 1902), и песню.

Звучание песни в блоковской лирике универсально, оно объединяет в себе семантику творчества, жизни души, страдания, счастья, молитвы, плача, жизни, смерти и т.д. Становится песня и вариантом «зова» «небесно-божественного», ее источник все блоковское сакральное пространство от небес: «Чьи песни? И звуки?» («О, что мне закаты румянец...», 1907), «Вокруг шумят бесчисленные крылья, / И песня тайная звенит» («В часы вечернего тумана...», 1900), «Там бьются лазурные крылья, / Трепещет знакомая песня» («Я жалок в глубоком бессильи...», 1902), до поэтически тождественных им природы и храма: «В песнях дальних колоколен» («Поединок», 1904), «Тонкие поют колокола» («Благовещение», 1909). В земном мире песня часто также «иллюзорно-субъективна», как и призыв небес, поет «кто-то», «где-то», и почти всегда она «слышится» из дали: «А там, далеко, из-за чащи лесной / Какую-то песню поют» («Лениво и тяжело плывут облака...», 1900), «Звучала песня издалика» («Последний пурпур догорал...», 1900), «Все поют и поют вдалеке» («Видно, дни золотые пришли...», 1901). И сам поэт, обращаясь к небесам, «поет»: «Этой повестью долгих, блаженных исканий / Полна моядушная, песенная грудь. / Из этих песен создал я зданье» («Ей было пятнадцать лет...», 1903), «Та же дума – и песня одна» («Протекли за годами года...», 1915), отождествляя звуки песни со словами молитвы-призыва.

Но лирический герой Блока не только слышит «зов» «невыразимого», он жаждет отклика на свою молитвенную песнь, потому пристально вслушивается в «безмолвие», в приближающиеся «шаги», «шорохи», «стуки». Так мотив возвращения переплетается в блоковской лирике с мотивом «ожидания/прихода». Приближение «невыразимого» в большей степени проявляется на звуковом уровне, в контексте «зова» и мотива пути наиболее семантически насыщенными стали звуковые мотивы «молчания», «стука», «скрипа», «шороха».

Соприкосновение миров, свершившаяся встреча обычно «звучит» как «молчание». В концепции пути оно свидетельствует о достижении цели, когда душа сливается с универсумом, слышимым как «тишина». Погружение в «безмолвие» в момент любовного или молитвенного переживания вырывает героев из хаоса мира «земного», приближая к гармонии: «Вышина. Глубина. Снеговая тишь. / И ты молчишь» («Снежная вязь», 1907), «Молчат церковные ступени» («Под звоном флорентийской лени...», 1909). В молчание погружается и душа, ощутившая «музыку сфер»: «Душа молчит» («Душа молчит...», 1901), «И вдохновительно молчанье» («Там, в полусумраке собора...», 1902), «И никто не узнает, о чем молчанье» («Не строй жилищ у речных излучин...», 1905).

В такой тишине особо звучен «стук», свидетельствующий о просьбе или приходе. Его проявления разнообразны: стук в окно, в дверь дома, ворота храма, калитку, стук сердца, стук копыт, каблучков. Во всех случаях он реализует мотив ожидания/прихода, даже если звучит только в земном мире: «Стучал и дождался у двери человек» («Из газет», 1903), «прислушиваясь к стуку / Стеклопленной двери вдалеке» («И я провел безумный год...», 1907), «На крыльце вертящая, / Фартучек с кружевцом, / Каблучки постукивают» («На Пасхе», 1910-1914).

Гораздо чаще стук в окно, дверь, калитку сопряжен с мотивами странничества, поиска, ожидания. Один из самых распространенных вариантов – стук лирического героя, путника, влюбленного как просьба о прибежище, просьба впустить в духовный дом, как вариант обращения – молитвы. В цикле «Ante lucem» представлена сцена «Валькирия» (1900), навеянная скандинавским эпосом, где израненный и усталый Зигмунд стучится в хижину: «Я стучусь рукой усталой – / Двери хижины открой». Герой изнемог в бою, он бросил щит и меч, теперь его единственное прибежище – Зигелинда. Весь сюжет стихотворения может быть рассмотрен как вариант молитвы-стука самого лирического героя. То же и в первой строфе «Вступления», открывающем «Стихи о Прекрасной Даме», где появляются взаимосвязанные мотивы дороги, дома, стука: «Отдых напрасен. Дорога крута. / Вечер прекрасен. Стучу в ворота». Путь поэта, намеченный в «Ante lucem», ведет его к Дому (храму) как символу небесно-божественного прадомы. При этом дорога, ведущая в гору, тождественную вершине Вл. Соловьева («В тумане ут-

реннем...», 1884), башне К. Бальмонта («Я мечтою ловил уходящие тени...», 1895) и другим подобным образом, символизирующим восхождение Поэта, «крута». Стук в двери храма, куда герой, что «опален земным огнем», прибегает с «жаждой искупленья» и спасения («Измучен бурей вдохновенья...», 1900), в контексте «зова» тождественен молитве. И в другом стихотворении «Я вырезал посох из дуба...» (1903) странник ищет свой путь: «Но найду, и нищий, дорогу», «Вечеру постучусь в оконце», и тогда «Молодая, с золотой косою», где «Месяц и звезды», откроет «потайную дверь», приглашая: «Входи, мой царевич приветный». В произведениях прочитывается аллюзия и библейской притчи о блудном сыне, и фольклорного сюжета возвращения к невесте (в том числе стилистически: «царевич приветный» и образно: «месяц и звезды в косах» героини, что характерно для образа сказочной царевны). Этот образ поэта-странника, ищущей души повторяется на протяжении всего творчества Блока, особенно в стихотворениях 10-х годов «В густой траве пропадешь с головой...» (1907): «В тихий дом войдешь, не стучась... / Обнимет рукой, оплетет косой / И, статная, скажет: «Здравствуй, князь»; «Ты так светла, как снег невинный...» (1909), в котором «путник запоздалый» го-

тов постучать в «тихий терем», где его встретит Она: «Неверного сама простишь, / Изменнику протянешь руки, / Весной далекой наградишь».

Столь же часто в «стук» облекается «зов» «иног». Он может звучать по-разному, от стука капли до голоса самой жизни, времени, но всегда содержит призыв: «Вечный стук в ворота: выходи!» («Май жестокий с белыми ночами...», 1908). В этом контексте он может быть порожден и миром «невыразимого», и близкой ему природой. Тогда поэт обращается к традиционным образам ветра, дождя: «Дождик стучался в окошко» («Вспомнил я старую сказку...», 1913), «рассвело / Сырое утро застучалось / В ее забытое окно» («Я шел во тьме дождливой ночи...», 1900).

Блок создает собственный «миф о Человеке», который, когда-то «зная небо», пал в «страшный мир» и, пройдя весь земной путь, у края гибели должен стать активным деятелем истории, мифа [14, с. 513]. Душа его сохранила память о «музыке сфер», еще способна слышать ее «зов», который указывает направление земного пути через сакральное пространства дома, храма, творчества, природы, где уставший путник может отдохнуть, пережив мгновения сопричастности с «невыразимым».

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Русская идея. – СПб., 2008.
2. Бердяев, Н.А. Смысл истории. – М., 1990.
3. Вакенродер, В.Г. Фантазии об искусстве. – М., 1977.
4. Блок, А.А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л., 1960-1963.
5. Асафьев, Б.В. Видение мира в духе музыки // Блок и музыка: сб. статей. – Л., 1972.
6. Минц, З.Г. Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн. – СПб., 2004.
7. Максимов, Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Блоковский сборник. – Тарту, 1972. – Т. 2.
8. Максимов, Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. – Л., 1981.
9. Рождественская, М.В. Святая Земля и Иерусалим как воплощение рая // Антропология религиозности. (Альманах «Канун»). – СПб., 1998. – Вып. 4.
10. Жуковский, В.А. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1959. – Т. 1.
11. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. – Л., 1979-1981. – Т. 1.
12. Фет, А.А. Собрание сочинений: в 2 т. – М., 1982. – Т. 1.
13. Жуковский, В.А. – критик / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Прозорова. – М., 1985 [Э/Р]. – Р/д: <http://old.kpfu.ru/fil/kn6/index.php?sod=16>
14. Минц, З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб., 2000.

Bibliography

1. Berdyayev, N.A. Russkaya ideya. – SPb., 2008.
2. Berdyayev, N.A. Smysl istorii. – M., 1990.
3. Vakenroder, V.G. Fantazii ob iskusstve. – M., 1977.
4. Blok, A.A. Sbranie sochineniy: v 8 t. – M.; L., 1960-1963.
5. Asafjev, B.V. Videnie mira v dukhe muziki // Blok i muzika: sb. statey. – L., 1972.
6. Minc, Z.G. Blok i russkiy simvolizm: izbranniye trudi: v 3 kn. – SPb., 2004.
7. Maksimov, D.E. Ideya puti v poeticheskom soznanii Al. Bloka // Blokovskiy sbornik. – Tartu, 1972. – T. 2.
8. Maksimov, D.E. Poezhiya i proza Aleksandra Bloka. – L., 1981.
9. Rozhdestvenskaya, M.V. Svyataya Zemlya i Ierusalim kak voploshenie raya // Antropologiya religioznosti. (Aljmanakh «Kanun»). – SPb., 1998. – Vihp. 4.
10. Zhukovskiy, V.A. Sbranie sochineniy: v 4 t. – M., 1959. – T. 1.
11. Lermontov, M.Yu. Sbranie sochineniy: v 4 t. – L., 1979-1981. – T. 1.
12. Fet, A.A. Sbranie sochineniy: v 2 t. – M., 1982. – T. 1.
13. Zhukovskiy, V.A. – kritik / sost., vstup. st. i komment. Yu.M. Prozorova. – M., 1985 [Eh/R]. – R/d: <http://old.kpfu.ru/fil/kn6/index.php?sod=16>
14. Minc, Z.G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. – SPb., 2000.

Статья поступила в редакцию 22.01.14

УДК 811.112.2

Arzhannikov M.Yu. **STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF THE TEXT OF MEDIEVAL GERMAN INVOCATIONS.**

In the work medieval German invocations, their differences from earlier texts, a role of words in magic formulas, models of invocations, their peculiarities are described, points of view of Russian and German scientists are considered and summarized, the most general model of medieval German invocations' structure is deduced.

Key words: spell, invocation, characteristics of invocations' structure, peculiarities of invocations' contents, narration, description, appeal.

М.Ю. Аржанников, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: arzhannikov-miha@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА СРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕМЕЦКИХ ЗАКЛИНАНИЙ

В работе описаны средне немецкие заклинания, их отличие от более ранних текстов, роль слова в заговорных формулах, модели заклинаний и их особенности, рассмотрены и обобщены точки зрения российских и немецких ученых на структуру текстов и, на основе полученных данных, выведена наиболее общая модель структуры средне немецких заклинаний.

Ключевые слова: заговор, заклинание, особенности структуры заклинаний, особенности содержания заклинаний, повествование, описание, призыв.

Заговор представляет собой неотъемлемый элемент фольклора. В заговорных текстах нашли свое отражение особенности жизни, уклада, языка, культуры и менталитета народа. Т.В. Топорова относит заговоры к «малым жанрам» [1, с. 4]. Это объясняется тем, что изначально заговоры, имея небольшой объем, бытовали в устной форме и лишь позже были зафиксированы на письме.

Заговоры определяются как «особые тексты формульного характера, которым приписывалась магическая сила, способная вызвать желаемое состояние» [2, с. 450].

«Закливание — в магии: воздействие на кого-л., что-л. силой магических словесных формул» [3, с. 618]. «Заговор — магические слова, обладающие колдовской или целебной силой» [4, с. 201].

Вышеупомянутые определения указывают на предполагаемую связь заговорных текстов с магией, которая использовалась для достижения требуемого результата. Помимо этого авторы энциклопедии «Мифы народов мира» в своем определении указывают на наличие формулы, то есть определенной фиксированной структуры текстов заговоров.

По своей сути каждый заговор направлен на избавление от недуга или защиту посредством сверхъестественной или божественной силы. В немецкоязычной научной литературе для обозначения заговоров используются термины «der Zauberspruch», «der Segen», «der Segenspruch», «die Beschwörung», при этом данные понятия разграничиваются. Так заговор «Zauberspruch» воспринимается как магическая вербальная формула, отражающая дохристианское мировоззрение и включающая имена языческих богов. Если же магический текст несет в себе черты христианской картины мира и называет божественные или святые имена христианства, в таком случае можно говорить о благословениях «Segensprüche», которые составляют большую часть средневековых заговоров. Благословение понимается как «произнесенное или записанное высказывание, имеющее сверхъестественную силу» [5, с. 29]. «Благословением называют молитву, которой человек благословляет себя или все, что ему дорого и надеется, взывая к Богу, Святой Троице, Иисусу Христу, Деве Марии, всем святым или некоторым, или к кому-то отдельно, на защиту от страдания и недуга, болезни и смерти» [6, с. 751]. В отличие от церковного благословения, в котором присутствует прямое обращение к богу, вид суеверного благословения направлен скорее на пострадавшего или на перенесенное / возможное зло [7]. В свою очередь, отличие заклинания «Beschwörung» от благословения заключается в объекте, на который направлено действие текста. Объектом благословения является человек, а объектом заклинания — «высшие силы, способные помочь пострадавшему» [8, с. 137]. Г. Эрисман, противопоставляя понятия «благословение» и «закливание», отмечает, что «благословение имеет своей целью уберечь от будущего недуга, болезни, заклинание же избавляет от уже имеющегося недуга» [9, с. 53].

Заговорные тексты были распространены во многих культурах на ранних этапах их развития, их особенностью является то, что они сохранились и до настоящего времени [10]. Изначально авторы для составления текстов обращались к богам, духам или демонам, используя при этом их имена. Позже заговоры могли содержать приказы, обращенные к окружающей среде, осуществление которых должно было происходить без вызывания к демонам, богам и духам. С принятием христианства сюжеты заговоров изменились — языческим божествам и историям о них пришли на смену истории из библейских писаний и жизни святых.

Властью в заговорном тексте обладало само слово, которому придавалось особое, а иногда и божественное, значение. Исследователи этого типа текста указывают на то, что «наиболее релевантными признаками заговора являются их прагматическая направленность, ориентация на немедленное достижение результата, тождественность слова и дела, ... установка на изменение или сохранение исходной ситуации при помощи сверхъестественных сил» [1, с. 4], заговоры — «это речевые действия, способ преобразовывать вещи при помощи слова» [11, с. 168].

В.Н. Топоров, русский филолог, лауреат Государственной премии за участие в работе над энциклопедией «Мифы народов мира», указывает на то, что индивидуальный характер заклинания является его главной особенностью, что позволяет выделять его среди прочих видов фольклора. Весь ритуал представляет собой конкретную ситуацию, является для конкретно-

го заказчика определенным и создается соответствующим образом — на основе заранее подготовленной модели, которую использует молящийся. Прагматическая целенаправленность заговора определяет его связь с указаниями по применению или рецептами [12].

Прежде, чем обратиться к структурным особенностям заговорных текстов, следует рассмотреть общие особенности их содержания. «С точки зрения материала, обработанного в текстах заговоров, различают заговоры христианского и нехристианского содержания, а христианские заговоры делятся на ветхозаветные и новозаветные» [5, с. 52].

Разница между ними в том, что в христианском заклинании имеется упоминание о Боге, Иисусе Христе, Деве Марии и святых, приводятся для сравнения прецедентные тексты, истории из священных писаний, «паремии» [13, с. 8].

«Паремия — греч. *paroimia* — изречение, притча» [3, с. 1296]. В.И. Харитонова использует этот термин для обозначения заклинательного изречения [13].

По цели высказывания тексты могут быть направлены на избавление от болезни, ранений человека или животного, влияние на отношения с окружающими, животными, растениями, стихиями [5].

Для того, чтобы рассмотреть структурные особенности заклинаний, обратимся к моделям, которые предлагают Т.В. Топорова, И. Шредер и В. Хольцманн.

При анализе формы древнегерманских заговоров Т.В. Топорова выделяет в тексте три блока: экспликацию, ядро и заключение [1].

Под экспликацией понимается паремия, служащая прецедентом для ситуации (болезнь, потребность в защите и т.д.), которая имеется на момент составления заклинания. Так как речь идет о древнегерманских заговорах, т.е. нехристианских, прецедентом в них являются события из мифологии. Действующими лицами, соответственно, выступают преимущественно скандинавские боги и божества. В ядре основным элементом служат глагольные формы в императиве, выражающие просьбу или желание, с которыми адресант обращается к высшим силам. Значение императива может также передавать индикатив, если он сопровождается обращением и употребляется во втором лице единственного или множественного числа. Еще одним вариантом ядра служат «предложения с местоимением первого лица и глаголом 1 л. ед.ч. в заговорах, где совпадают исполнитель и заказчик» [1, с. 17]. Таким образом, глаголу в индикативе или императиве в ядре заговорного текста принадлежит основная, центральная роль. Императивными конструкциями вводятся и последний блок — заключение. Исходя из приведенных Т.В. Топоровой примеров в ее монографии «Язык и стиль древнегерманских заговоров», можно сделать вывод о том, что последние два блока схожи. Автор подчеркивает, что «за ядром древнегерманского заговора в отдельных случаях следует желание излечиться или молитвенное заключение, как правило, репрезентированные императивными конструкциями» [1, с. 19]. Следует заметить, что как таковое желание излечиться (семантическая составляющая) с использованием тех же синтаксических конструкций может включаться и в «ядро» заговора.

Другую модель предлагает И. Шредер. Она выделяет три типа речевых действий: 1) повествовательный тип; 2) описательный тип, если описываются сопровождающие действия или явления; 3) призывательный тип, если какое-либо существо через приказ или просьбу призывается к определенному действию [14].

В повествовательном типе речевых действий И. Шредер, как и Т.В. Топорова, указывает на наличие некой истории, связанной с ситуацией, для воздействия на которую и создается заклинание. Эта история «служит примером, образцом и гарантией восстановления гармонии» [13, с. 170]. Действующими лицами в ней выступают также сверхъестественные силы.

Описательный же тип представляет собой описание ритуала или действий, которые должны сопровождать прочтение заговора.

Наименование «призывательный тип» говорит само за себя. В эту часть заговорного текста включена просьба о помощи, обращение к высшим силам, приказ, направленный на персонафицированные болезнь, недуг, которые выражены глаголом в повелительном или изъявительном наклонениях.

К особенностям такой классификации текстов можно отнести то, что описание в них часто отсутствует. Что касается повествования, то в некоторых типах молитв «повествовательная

часть развита слабо. Они содержат только развернутую форму сравнения, к которому присоединяется призыв как речевой акт» [13, с. 170]. Кроме того, представленный порядок, в котором следуют типы речевых действий, очень часто меняется. Так, например, в начале заговорного текста может даваться описание ритуала, затем призыв, а уже в конце – история в виде сравнения.

Анализируя тексты заговоров, В. Хольцманн различает их по формальным критериям, выделяет четыре формы заговорных текстов: повеление (закливание); повествование (эпическая форма); сравнение; просьба [5].

Основой **повелительной формы** выступает приказ, исходящий от заклинателя и направленный на болезнь или вредителя. В данной форме отсутствует какое-либо повествование, предполагается, что результат достигается только посредством воли заклинающего. Для усиления приказа используется повтор, который проявляется в двух видах: повтор обращения и повтор приказа.

Внутри повеления В. Хольцманн выделяет еще четыре подтипа:

- 1) чистый приказ, в котором основную роль играет глагол в повелительном наклонении;
- 2) личный приказ, где личное местоимение «Я» занимает центральное место;
- 3) обращение к божественной силе (Богу, ангелам, пророкам, апостолам, святым и т.д.), заклинание при помощи высшей силы;
- 4) смешанные формы [5].

Повествовательная форма строится на притче, библейском тексте, схожем с настоящей ситуацией. Действующими лицами выступают Бог, Иисус Христос, ангелы, святые, которые являются «противниками демонических сил» [5, с. 79]. Суть использования таких текстов, в содержании которых отражаются события и деяния из жизни святых, заключаются в вере в то, что чудо, сотворенное однажды, поможет и в настоящей ситуации.

Такая форма имеет трехступенчатую структуру. Во введении представляется ситуация и действующие лица. Затем описывается действие. В заключении возможен, но не обязателен, перенос события из притчи на настоящий случай.

Как и в повелительной форме, в повествовании автор выделяет несколько подтипов в зависимости от содержания текстов, например, христианское повествование с аналогией, «тип встречи» и др. [5].

Сравнительная форма включает в себя две истории. Одна история повествует о давних событиях и является отрывком из священных писаний, другая отражает реальную ситуацию (болезнь, несчастье), на исправление которой направлено заклинание. Если в повествовательной форме основное значение имеет пересказываемая притча, то в сравнительной решающая роль отводится проводимой параллели между настоящим случаем и прецедентом, взятым из Библии и полностью соответствующим реальности. Обе истории соединяются при помощи конструкций «sowie ..., also...», «also ..., so ...» и т.д.

К **просьбе** автор относит молитвы, основой которых является обращение к высшим силам, призывающее удовлетворить нужды или желания молящегося. Данная форма текста может

включать в себя, помимо просьбы, элементы повелительной и сравнительной форм.

В. Хольцманн подчеркивает тот факт, что подобное строгое разделение на вышеупомянутые формы не всегда возможно, так как довольно часто в текстах проявляются черты других групп. В таком случае форма текста определяется по преобладающим чертам.

Как мы отметили выше, модель В. Хольцманн является наиболее развернутой из всех нами проанализированных. Однако стоит подчеркнуть, что выведенная классификация по большей части основана на содержательном аспекте заговорных и заклинательных текстов.

Обобщая анализ вышеприведенных классификаций текста заклинания, следует отметить, что все три автора выделяют блоки «повествование (экспликация)» и «призыв», «повеление» или «ядро» как основу заклинания. В качестве дополнительного блока Т. В. Топорова рассматривает блок «заключение», а И. Шредер блок «описание». Представляется возможным рассмотреть наиболее общую модель, которая отражает структуру средневековых немецких текстов. На основе 188 заклинательных текстов периода XI – XVI веков, проанализированных нами в ходе исследования, можно выделить полную модель, содержащую следующие структурные блоки текста заклинаний:

- 1) паремия;
- 2) описание;
- 3) призыв.

В данную модель включены наиболее распространенные блоки, имеющие место в средневековых заклинательных текстах. Каждый блок может иметь несколько вариантов. При этом следует учитывать, что полная модель заклинания не всегда реализуется: заклинания могут содержать все три блока, только часть из них или состоять из одного основного блока.

Рассмотрим данную модель на конкретном примере.

«Bamberger Blutsegen (Wundsegen), 13. Jh.:

*Christ wart hie erden wnt,
daz wart da ze himele chunt,
iz neblitete, noch nesvar,
noch nechein eiter nebar,
taz was ein file gote stunte,
heil sis tu wnte!
In nomine Ihesu Christi, daz dir ze bvze.
Pater noster. ter. Et addens hoc item ter.
Ich besuere dich bi den heiligen funf wnten, heil sis tu wunte,
et per patrem, et filium, et spiritum sanctum. fiat. fiat. amen»*

[5, с. 185].

В тексте представлены все три блока: повествование, где рассказывается о Христе и его ране; призыв, выраженный повелительным наклонением и личным местоимением (прямой призыв); описание сопутствующего ритуала, куда включено название дополнительной молитвы и указание количества раз ее прочтения.

Итак, исходя из проанализированных данных, мы можем сделать вывод, что наиболее общая модель, по которой представляется возможным анализировать средневековые немецкие тексты заклинаний, состоит из трех блоков: паремии, описания, призыва.

Библиографический список

1. Топорова, Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. – М., 1996.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. – М., 2003.
3. Первый толковый БЭС. – СПб.: М., 2006.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1997.
5. Holzmann, V. «Ich beswer dich wurm und wyrmin ...»: Formt und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. – Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien, 2001.
6. Hoffmann, H. Segenssprüche und Beschwörungsformeln // Monatsschrift vor und für Schlesien / Hrsg. v. H. Hoffman. – Breslau, 1829. – Bd. 2.
7. Москалюк, Г.С. Структурно-прагматическая вариативность древнемецких заговоров // Материалы XLI Международной филологической конференции. История языка (Романо-германский цикл). – СПб., 2012.
8. Hampp, I. Beschwörung, Segen, Gebet. – Stuttgart, 1961.
9. Ehrismann, G. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters. – München, 1932.
10. Москалюк, Л.И. Сохранение родного языка российских немцев и его роль в этнической самоидентификации // Условия и факторы развития национально-этнического самосознания российских немцев: материалы межрегиональной научно-практич. конф. – Новосибирск, 2010.
11. Naiditsch, L.E. Zur Sprach- und Erzählstruktur der deutschen Zaubersprüche // Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis. – 2003. – № 2.
12. Топоров, В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: заговор. – М., 1993.
13. Харитонова, В.И. Жанровая дифференциация заговорно-заклинательной поэзии // Филологические науки / гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1988. – № 4.

14. Schröder, I. Niederdeutsche Zaubersprüche. Konstanz und Variation // Sprachformen. Deutsch und Niederdeutsch in Europäischen Bezügen. Festschrift für Dieter Stellmacher zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Peter Wagener. – Stuttgart, 1999.

Bibliography

1. Toporova, T.V. Yazhik i stilj drevnegermanskikh zagovorov. – M., 1996.
2. Mifih narodov mira. Ehnciklopediya: v 2 t. / pod red. S.A. Tokareva. – M., 2003.
3. Pervihyj tolkovihyj BEhS. – SPb.; M., 2006.
4. Ozhegov, S.I. Tolkovihyj slovarj russkogo yazhka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vihraszeniy / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1997.
5. Holzmänn, V. «Ich beswer dich wurm und wyrmin ...»: Formtn und Typen altdentscher Zaubersprüche und Segen. – Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien, 2001.
6. Hoffmann, H. Segenssprüche und Beschwörungsformeln // Monatsschrift vor und für Schlesien / Hrsg. v. H. Hoffman. – Breslau, 1829. – Bd. 2.
7. Moskaljuk, G.S. Strukturno-pragmaticheskaya variativnostj drevnenemeckikh zagovorov // Materialih XLI Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii. Istoriya yazhka (Romano-germanskiy cikl). – SPb., 2012.
8. Hampp, I. Beschwörung, Segen, Gebet. – Stuttgart, 1961.
9. Ehrismann, G. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters. – München, 1932.
10. Moskaljuk, L.I. Sokhranenie rodnogo yazhka rossijskikh nemcev i ego rolj v ehnticheskoy samoidentifikacii // Usloviya i faktori razvitiya nacionaljno-ehnticheskogo samosoznaniya rossijskikh nemcev: materialih mezhregionalnoj nauchno-praktich. konf. – Novosibirsk, 2010.
11. Naiditsch, L.E. Zur Sprach- und Erzählstruktur der deutschen Zaubersprüche // Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis. – 2003. – № 2.
12. Toporov, V.N. Ob indoevropeskoj zagovornoj tradicii // Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoj kul'turi: zagovor. – M., 1993.
13. Kharitonova, V.I. Zhanrovaya differenciaciya zagovorno-zaklinatelnoj poezii // Filologicheskie nauki / gl. red. P.A. Nikolaev. – M., 1988. – № 4.
14. Schröder, I. Niederdeutsche Zaubersprüche. Konstanz und Variation // Sprachformen. Deutsch und Niederdeutsch in Europäischen Bezügen. Festschrift für Dieter Stellmacher zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Peter Wagener. – Stuttgart, 1999.

Статья поступила в редакцию 09.01.14

УДК 802.0+808.1

Kravtsova T.A. METALINGUISTIC COMMENTARY AS AN ELEMENT OF THE AUTHOR'S IDIOSTYLE: COMMENTING IN STEPHEN KING'S LITERARY WORKS). The article deals with functional, pragmatic, and content peculiarities of metalinguistic commentaries in S. King's literary works. Metalinguistic commentary, being a marker of the writer's specific metalinguistic consciousness, is explored as an element of the author's idiosyncrasy and important means of the text esthetic organization.

Key words: metalinguistic consciousness, metalinguistic reflection, metalinguistic commentary, interpretation, idiosyncrasy.

T.A. Кравцова, доц. каф. психологии, педагогики и лингвистики Рубцовского филиала
Университета Российской академии образования, г. Рубцовск, E-mail: t.kravtsova@hotmail.ru

МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СТИВЕНА КИНГА)

В статье анализируются функционально-прагматические и содержательные особенности метаязыковых комментариев в произведениях Стивена Кинга. Метаязыковой комментарий, выступающий маркером особого метаязыкового сознания писателя, рассматривается в качестве элемента авторского идиостиля и важного средства эстетической организации текста.

Ключевые слова: метаязыковое сознание, метаязыковая рефлексия, метаязыковой комментарий, интерпретация, идиостиль.

Предрасположенность человека к рациональной метаязыковой рефлексии – сознательной интерпретации (толкованию, описанию или оценке) языковых и речевых фактов, присутствующей в речи в виде метаязыковых суждений, – является универсальной, поскольку, как отмечал Р.О. Якобсон, «способность говорить на каком-то языке подразумевает также способность говорить об этом языке» [1, с. 316]. То, насколько широко будут развернуты и вербализованы механизмы метаязыковой рефлексии, зависит от типа мышления, жизненного опыта говорящего [2, с. 199]. Не в последнюю очередь склонность к вербальной экспликации метаязыковой рефлексии определяется уровнем образования и грамотности, родом профессиональной деятельности индивида. В связи с этим интересным объектом для исследований выступает вербализованная метаязыковая рефлексия в художественном тексте, в котором находят отражение метаязыковые знания его создателя – носителя языка, «живущего» в речевой сфере, воспринимающего язык не только как средство, но и как объект [3, с. 29], часто обладающего развитым языковым вкусом, повышенной чувствительностью к речевому материалу.

Вербальным продуктом метаязыковой рефлексии автора художественного текста, открывающим доступ к индивидуальному метаязыковому сознанию и ментальным процессам говорящего, выступает внутритекстовый метаязыковой комментарий,

принимаящий форму слов автора, речи персонажей или несобственно-прямой речи (представленной с позиций автора, но обозначающей яркие лексические, синтаксические и стилистические особенности, присущие прямой речи). Посредством такого комментария писателем может осуществляться межязыковой или внутриязыковой перевод, толкование значений слов и словосочетаний, описание их этимологии (реальной или поэтической), экспликация метаязыкового поиска, пояснение речевого выбора, разнообразные индивидуальные оценки средств языка и т.д. При этом, метаязыковые представления автора могут объективироваться как в виде проявлений обыденной рефлексии над языком, обусловленной наличием ситуаций когнитивно-коммуникативного напряжения, так и в форме сложных, эстетически организованных метаязыковых комментариев, выступающих в качестве элементов, несущих стилистическую нагрузку и способствующих реализации творческого замысла писателя.

И тот, и другой тип метаязыкового комментирования, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве составляющей авторского идиостиля (от греч. *idios* – «своеобразный» и лат. *stilus* – «манера письма») – индивидуального стиля речи писателя [4], предполагающего сознательный, намеренный отбор лингвистических средств, способствующих достижению желаемого художественного эффекта.

Одним из авторов, для которых характерна как имплицитная репрезентация деятельности метаязыкового сознания, так и ее сознательная, креативная экспликация в виде разнообразных по форме и содержанию метаязыковых комментариев, является известный американский писатель Стивен Кинг, работающий в таких жанрах, как фантастика, фэнтези, триллер, мистика, драма и др. Произведения Кинга, творчески и нестандартно подходящего к содержанию своих романов, содержат уникальный языковой материал, свидетельствующий о доминирующей роли метаязыковых комментариев в его идиостиле.

Имеющийся в нашем распоряжении эмпирический материал свидетельствует о том, что в романах Ст. Кинга слово и комментарий к нему выполняют одну из важнейших функций по созданию особой эмоциональной атмосферы. Писатель «играет» с содержанием метаязыковых комментариев, используя для этого конвергенцию экспрессивных средств и приёмов разных уровней, в том числе и графического (кавычки, заглавные буквы, обратное написание). Такой прием позволяет автору зрительно акцентировать слово, привлечь внимание к запущенной рефлексивной деятельности, подталкивая реконструкции читателем, а метаязыковой комментарий при этом задает вектор интерпретации текстового фрагмента и исполняет роль своеобразной инструкции для развёртывания ментальной деятельности читателя при его восприятии.

Проиллюстрируем данный тезис отрывком из романа «Сияние», где объектом рефлексии персонажа-ребенка выступает слово *divorce*. Специфическое графическое оформление данной лексической единицы позволяет автору привлечь к ней внимание читателя, показать насколько пугающим может быть слово для ребенка, не в полной мере осознающего его значение.

*The greatest terror of Danny's life was **DIVORCE**, a word that always appeared in his mind as a sign painted in red letters which were covered with hissing, poisonous snakes. In **DIVORCE**, your parents no longer lived together. They had a tug of war over you in a court (tennis court? badminton court? Danny wasn't sure which or if it was some other, but Mommy and Daddy had played both tennis and badminton at Stovington, so he assumed it could be either) and you had to go with one of them and you practically never saw the other one, and the one you were with could marry somebody you didn't even know if the urge came on them. The most terrifying thing about **DIVORCE** was that he had sensed the word – or concept, or whatever it was that came to him in his understandings – floating around in his own parents' heads, sometimes diffuse and relatively distant, sometimes as thick and obscuring and frightening as thunderheads.* (King S. *The Shining*)

В приведенном фрагменте метаязыковая информация представлена дисперсно по всему отрывку. Границы метаязыкового комментария, в его привычном понимании, размыты, и он «пронизывает» текстовое пространство на достаточно протяженном его участке. Читатель сталкивается здесь с разнообразными фактами эксплицитной метаязыковой рефлексии, начиная с оценочной интерпретации слова *divorce* (*greatest terror of Danny's life*), его образного описания (*floating around, diffuse and relatively distant, as thick and obscuring and frightening as thunderheads*), насыщенной экспрессией аудио-визуальных ассоциаций, связанных в сознании героя с данным языковым знаком (*a sign painted in red letters which were covered with hissing, poisonous snakes*), заканчивая его толкованием, включающим экспликацию сем, характерных для индивидуального языкового сознания (*no longer lived together, a tug of war over you in a court, had to go with one of them, practically never saw the other one, could marry somebody you didn't even know*) и вербализацией индивидуальных ассоциативных связей лексемы *court* (*tennis court? badminton court?*).

Из данного отрывка видно, что ребенок не понимает юридического термина *divorce*. Это «взрослое» слово, не будучи интериоризованным, «присвоенным», его сознанием воспринимается через призму собственного ограниченного опыта. По этой же причине семантически согласованная со словом *divorce* полисемическая лексема *court* (*суд, корм*) ассоциируется мальчиком не с судебным процессом, а с более знакомым и понятным явлением – спортивной площадкой, которую посещают его родители. Индивидуальные эмоционально-оценочные суждения, сопровождающие употребление обеих единиц, ослабляют, перемещают на задний план фактуальное содержание высказывания, выводя на передний план доминантные смыслы и эмоционально-подтекстовые обертоны, репрезентирующие эти

смыслы в текстовом фрагменте: страх, неуверенность, любовь к родителям, нежелание принять возможные изменения и их нависающая неизбежность. Коммуникация между автором и читателем приобретает агональный характер [5] – в ней присутствуют черты непрямого убеждения, склонения к определенной линии поведения и интерпретации.

Особое место в прозе Кинга занимают метаязыковые комментарии, целью которых является экспликация лексического значения слов. При этом нельзя не отметить, что данная типологическая разновидность метаязыкового комментария, характерная для многих авторов и распространенная во многих типах дискурса, в произведениях С. Кинга приобретает совершенно особый «размах»: метаязыковые контексты, в которых осуществляется толкование различных аспектов лексического значения языковых единиц, могут подчас быть сопоставимы с фрагментами лексикографических источников. Так, в следующем отрывке видим, что в попытке описать происходящие в городе мистические события персонаж рефлексировал над семантикой лексемы *haunt* и ее дериватов, стремясь к наиболее полному освоению их значения. Метаязыковая рефлексия героя вербализуется в форме достаточно протяженного метатекста, пространство которого включает в себя данные нескольких лексикографических источников, цитируемых персонажем в попытке всестороннего семантического анализа слова. Как результат, одна из трактовок слова подталкивает его к пониманию причин сложившейся ситуации.

Can an entire city be haunted? Haunted as some houses are supposed to be haunted? ... Can that be? Listen:

Haunted: 'Often visited by ghosts or spirits.' Funk and Wagnalls.

Haunting: 'Persistently recurring to the mind; difficult to forget.' Ditto Funk and Friend.

To haunt: 'To appear or recur often, especially as a ghost.' But – and listen! – 'A place often visited: resort, den, hangout ... ' Italics are of course mine.

And one more. This one, like the last, is a definition of haunt as a noun, and it's the one that really scares me: 'A feeding place for animals.' Like the animals that beat up Adrian Mellon and then threw him over the bridge? Like the animal that was waiting underneath the bridge? A feeding place for animals. What's feeding in Derry? What's feeding on Derry? (King S. It)

Описанный художественный прием расширения содержания пространства метаязыкового комментария, на наш взгляд, обусловлен не только потребностью автора пояснить элементы сюжета, но и его стремлением более тонко и точно описать внутреннее состояние героя, контрастно представить его попытку, с одной стороны, мыслить рационально, а с другой, – придать иррациональный, паранормальный оттенок явлениям, свидетелем которых он оказался. Вопрос, заданный персонажем в начале данного текстового фрагмента (*Can an entire city be haunted? Haunted as some houses are supposed to be haunted?*) призван инициировать активную речемыслительную и интерпретационную деятельность читателя и направить ее по пути производимости, предполагающей деавтоматизацию процесса интерпретации, вариативность и субъективность суждений, активацию деятельности метаязыкового сознания [6].

Экспликация метаязыковой рефлексии над семантической стороной слова в романах Ст. Кинга важна не только с точки зрения описания психологического состояния действующих лиц и обстоятельств, в которых они оказываются, но и ввиду той роли, которую она играет, будучи решающим фактором, детерминирующим восприятие и понимание всего произведения, проникновение в замысел автора. Мы разделяем точку зрения исследователей, которые считают, что в художественном тексте образы «субъективной реальности» (термин Г.И. Богина) могут актуализироваться, выходить на первый план, потенциально способствуя таким образом изменению смыслового пространства произведения. Метаязыковой комментарий в подобных ситуациях служит для читателей опорой, ориентиром в процессе смысловосприятия текста [7].

Данное положение может быть проиллюстрировано двумя взаимосвязанными текстовыми фрагментами романа «Лангольеры», в первом из которых персонажем осуществляется толкование денотативного значения глаголов *run* (бегать) и *scamper* (носиться), а во втором с помощью противопоставления этих лексем, дается описание текущих событий. Многократные лексические повторы и графические средства выдвигания подчеркивают значимость семантических различий данных глаголов, и читатель, следуя творческой воле автора, неизменно воспри-

нимает эти языковые единицы в свете ранее эксплицированной метаязыковой рефлексии.

(1) *My father never saw a child run in his entire life. They always scampered. I think he liked that word because it implies senseless, directionless, non-productive motion. But the langoliers ... they run. They have purpose.* (King S. *Four Past Midnight: The Langoliers*)

(2) *Somewhere beyond these phantom voices he could hear the whine of the engines ... and that other sound. The sound of the langoliers on the march. On the run. < > Run to them, Craig! Run around the plane! Run away from the plane! Run to them now! Craig began to run – a shambling stride that quickly became a crippled sprint. As he ran his head nodded up and down like a sunflower on a broken stalk. < > No, Craig, his father said. You may THINK you're running, but you're not. You know what you're really doing – you're SCAMPERING. You're fast, but not fast enough. Craig Toomy was crazy, and he moved with the speed of a langolier himself. He approached Dinah at a dead-out run. No scampering for him.* (King S. *Four Past Midnight: The Langoliers*)

Приведенные примеры показывают, как при помощи метаязыкового комментария формальные текстовые средства становятся актуализированными в противовес автоматизированному, «затерянному» для восприятия средствам. Настойчивое повторение определенных лексических элементов «не позволяет реципиенту «оторваться» от смыслов, определенных в этих формах» [8, с. 65], образуя некую «двуслонность» содержания речевого сообщения, его метасмысл.

Таким образом, анализ практического материала подтверждает тот факт, что произведения Стивена Кинга представляют собой тексты с эксплицитным, в высшей степени развернутым метатекстовым потенциалом, указывающим на склонность данного автора к метаязыковой рефлексии и ее вербализации средствами языка, а также на возможность рассмотрения этих вербальных проявлений метаязыкового сознания в качестве неотъемлемого элемента авторского идиостиля, отражающего

творческую индивидуальность писателя и несущего в себе черты его мироощущения.

Метаязыковые комментарии в романах Кинга демонстрируют свободную форму речевой организации и разнообразие в плане содержания. Памятуя о том, что рациональное отношение носителей к своему языку отнюдь не находится на периферии речемыслительной деятельности [3, с. 29], Кинг не только проявляет интерес к слову сам, но и максимально наделяет своих героев способностью и склонностью к метаязыковой рефлексии. Их метаязыковые суждения подвергаются развернутой экспликации, посредством которой осуществляется интерпретация значения ключевых для понимания произведения слов, выражается их субъективная оценка и возможность эстетического описания при помощи образных средств языка. Слово при этом оказывается в позиции выдвижения и становится стимулом, дающим читателю дополнительные возможности для смыслопорождения, настраивающим его на более глубокий семиозис.

Разделяя точку зрения М.Р. Шумариной, утверждающей, что «в эстетически организованных текстах не может быть «обычных» рефлексивов, которые «просто» указывают на выбор выражения или «просто» объясняют значение непонятого слова» [9, с. 200], мы можем заключить, что метаязыковой комментарий в произведениях С. Кинга это не только особый способ прояснить позицию автора, выразить его специфическое отношение к языку и отраженной в нем экстралингвистической реальности, но и свойственная творческой манере данного писателя яркая художественная деталь, прием «наращивания и растягивания» смыслов [8, с. 65], способствующий воплощению авторского замысла и ведущий читателя к глубокому и многогранному пониманию произведения.

* Работа проведена в рамках задания №2014 / 418 на выполнение гос работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части задания Минобрнауки России

Библиографический список

1. Якобсон, Р.О. Избранные работы. – М., 1985.
2. Ростова, А.Н. Обыденная семантизация слов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово: Барнаул, 2009. – Ч. 1.
3. Голев, Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») / Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово, 2009. – Ч. 1.
4. Минералов, Ю.И. Теория художественной словесности. – М., 1999.
5. Силантьев, И.В. Наука и обыденный дискурс // Под знаком «Мета»: материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкознания РАН. – М.; Калуга, 2011.
6. Ким, Л.Г. Роль метаязыкового сознания в интерпретации текста // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово, 2009. – Ч. 1.
7. Пшенкина, Т.Г. Метаязыковой комментарий и его функционирование в различных типах дискурса // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. – Барнаул, 2012.
8. Богин, Г.И. Типология понимания текста // Психоллингвистика: хрестоматия / сост. В.А. Пищальникова [и др.]. – М., Барнаул, 2002.
9. Шумарина, М.Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). – М., 2011.

Bibliography

1. Jakobson, R.O. Izbranniye raboty. – M., 1985.
2. Rostova, A.N. Obihdennaya semantizatsiya slov // Obihdennoe metayazhkovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspektih. – Kemerovo; Barnaul, 2009. – Ch. 1.
3. Golev, N.D. Obihdennoe metayazhkovoe soznanie kak ontologicheskij i gnoseologicheskij fenomen (k poiskam «lingvognoseologem») // Obihdennoe metayazhkovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspektih. – Kemerovo, 2009. – Ch. 1.
4. Mineralov, Yu.I. Teoriya khudozhestvennoj slovesnosti. – M., 1999.
5. Silantjev, I.V. Nauka i obihdennihy diskurs // Pod znakom «Meta»: materialih konf. «Yazihki i metayazihki v prostranstve kuljturih» v Institute yazihkoznaniya RAN. – M.; Kaluga, 2011.
6. Kim, L.G. Rolj metayazhkovogo soznaniya v interpretacii teksta // Obihdennoe metayazhkovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspektih. – Kemerovo, 2009. – Ch. 1.
7. Pshenkina, T.G. Metayazhkovoyj kommentarij i ego funkcionirovanie v razlichnihkh tipakh diskursa // Kommunikativistika v sovremennom mire: ehffektivnostj i optimizatsiya rechevogo vzaimodejstviya v sociume. – Barnaul, 2012.
8. Bogin, G.I. Tipologiya ponimaniya teksta // Psikholingvistika: khrestomatiya / sost. V.A. Pithaljnikova [i dr.]. – M., Barnaul, 2002.
9. Shumarina, M.R. Yazihk v zerkale khudozhestvennogo teksta (Metayazhkovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoj prozih). – M., 2011.

Статья поступила в редакцию 13.01.14

УДК 81.711

Kubarich A.M. EMOTIONAL COMPONENT OF CHINESE'S TONES: EXPERIMENTAL STUDY. The article describes the results of experimental studies of the emotional component in supersegmental units of Chinese (based on tones). Experiments were carried out in the classroom carriers of different systems languages (Chinese and Russian) to identify universal relationship between the direction of the voice movement (tone) and emotions that arise in the minds of respondents.

Key words: supersegmental units, sistemocentric approach, anthropocentric approach, tone, emotional component, the semantics of a lexical unit.

А.М. Кубарич, аспирант ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Буйск, E-mail: wei.laoshi@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТОНОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья посвящена описанию результатов экспериментального исследования эмоциональной составляющей в суперсегментных единицах китайского языка (на материале тонов). Эксперименты проводились в аудиториях носителей разнотипных языков (китайского и русского) для выявления универсальных характеристик восприятия направления движения голоса (тон) и эмоции, возникающей в сознании респондентов.

Ключевые слова: суперсегментные единицы, системоцентрический подход, антропоцентрический подход, тон, эмоциональная составляющая, семантика лексической единицы.

В рамках исследования проблемы наличия универсалий в типологически разных языках мира на сегодняшний день выполнено и выполняется множество работ. Такие исследования проводятся на разных уровнях языка, в том числе и фонетическом. М.К. Румянцев, рассуждая о проблеме эмоциональных интонаций, пишет «В эмоциональных интонациях даже типологически разных языков много общего, универсального. И объясняется это общей психофизической основой человеческих эмоций» [1, с. 289-291].

Исследуя суперсегментные единицы китайского языка, мы задались вопросом, насколько универсальны эмоции, вызываемые разными типами изменения голоса у носителей типологически разных языков – русского и китайского. В связи с тем, что китайский язык относится к числу тональных, было принято решение исследовать интересующий нас феномен на уровне такой суперсегментной единицы, как тон.

Напомним, в литературном китайском языке Путунхуа (северный диалект) принято выделять четыре тона: первый – высокий ровный, второй – восходящий, третий – нисходяще-восходящий, четвертый – нисходящий. Каждый из них произносится с разной длительностью и интенсивностью, которая по-разному распределяется на протяжении всего движения голоса.

При анализе любого языкового явления существует два противоположных подхода к методологии исследования – системоцентрический и антропоцентрический. Введение этих терминов в лингвистический оборот и само противопоставление этих подходов принадлежит В.М. Алпатову. В статье «Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку» он отмечает, что именно антропоцентрический подход исторически первичен и заключается в том, что исследователь изучает язык как его носитель и опирается при этом на «осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией» [2, с. 15]. Согласно системоцентрическому подходу язык рассматривается как некая система, функционирующая независимо от человека, что позволяет изучать ее методами естественных наук. В.М. Алпатов утверждает, что «любое исследование языка глубоко антропоцентрично..., надо только отдавать себе отчет, на каких этапах анализа мы основываемся на интуиции, а на каких мы используем строгие методы, поддающиеся проверке» [2, с. 21]. При этом автор статьи отмечает, что «два подхода не отрицают, а дополняют друг друга, используя для разных целей» [2, с. 25].

Представленное здесь исследование состоит из трех этапов: первый этап опирается на системоцентрический подход, второй – на антропоцентрический, третий – является сопоставительным.

На первом этапе была проведена целенаправленная выборка односложных лексических единиц из словаря. Источником лексических единиц стал Большой китайско-русский словарь под редакцией Ся Чжунъи, словарь включает в себя 50 тысяч словарных статей. Мы старались фиксировать только те слова, которые обладают ярко выраженным положительным или отрицательным значением. Целью данного этапа стало выяснение факта существования какой-либо закономерности в соотношении тона и значения лексической единицы (системоцентрический подход).

Стоит отметить, что изолированные лексические единицы, которые использовались в качестве материала для определе-

ния семантики тона, не дают возможности отнести их к той или иной части речи. Вопрос о частях речи вообще и о принадлежности конкретной единицы к той или иной из них в китайском языкознании в большинстве случаев до сих пор остается нерешенным. Тем не менее, при переводе выбранных единиц мы были вынуждены указать часть речи русского языка, соответствующую китайской словарной единице.

В качестве материала исследования отобрано 200 односложных лексических единиц: 100 единиц с положительным значением и 100 единиц с отрицательным значением.

В каждой группе словарных единиц было подсчитано количество слов, имеющих первый, второй, третий, четвертый этимологические тоны.

В результате получены следующие данные:

положительное значение	отрицательное значение
1 тон – 19	1 тон – 12
2 тон – 26	2 тон – 10
3 тон – 20	3 тон – 7
4 тон – 35	4 тон – 71

Анализируя группу слов с положительным значением, нельзя не отметить, невыраженность показателей преобладания того или иного тона. Тем не менее, слоги второго тона в определенной степени преобладают в этой группе. Что касается группы слов с отрицательным значением, то здесь явное лидерство принадлежит слогам, акцентированным четвертым тоном. Большая часть китайских односложных слов с явно отрицательной семантикой имеет четвертый этимологический тон. Однако это утверждение не может быть прочитано в обратном порядке, поскольку на основе полученных данных мы не можем утверждать, что большинство односложных слов китайского языка, имеющих четвертый этимологический тон имеют отрицательную семантику.

«-»	«+»
碍 ai4 – мешать, препятствовать	脾 – bi (4) – защищать
败 bai4 – проиграть	博 – bo (2) – богатый
吵 chao3 – шуметь	彩 – cai (3) – цветной
慊 chu4 – трусить	岑 – cen (2) – тихий
哀 – ai (1) – горестно	成 – cheng (2) – удалиться
暗 – an (4) – темный, тусклый	诚 – cheng (2) – искренний, честный
笨 – ben (4) – тупой	澄 – cheng (2) – чистый, прозрачный

Подводя итог первому этапу исследования, нельзя отметить более или менее четкой зависимости между положительной семантикой односложных единиц китайского языка и одним из четырех тонов. Однако для лексем с отрицательной семантикой такая зависимость очевидна.

Второй этап нашего исследования был связан с антропоцентрическим подходом к лингвистическим исследованиям. В современной лингвистике существует множество работ, посвященных исследованию звукоимовизма. Доказано, что имеется прямая зависимость между звуками речи и эмоциональными реакциями людей. В связи с этим перед нами встала еще одна проблема. Необходимо было подобрать для эксперимента такие лексические единицы, которые своей звуковой оболочкой создавали бы минимальный «шум» для респондентов. Под «шумом» мы понимаем те помехи, которые могут повлиять на восприятие изменения голоса как такового. Решая данную проблему, мы предложили респондентам слоги китайского языка, со-

стоящие из одного гласного звука. Поскольку тон как суперсегментная единица китайского языка реализуется на гласном звуке слога, то этот выбор никак не повлиял на основные характеристики интересующей нас суперсегментной единицы.

Цель психолингвистического эксперимента заключалась в определении эмоций, возникающих у носителей русского языка при восприятии того или иного тона китайского языка. В качестве экспериментального материала использовалась аудиозапись голоса носителя китайского языка. Каждый из шести гласных звуков воспроизводился всеми четырьмя тонами дважды. Указанная запись была представлена 100 носителям русского языка, не изучающим китайский язык. Критерий «невладения» китайским языком был для нас принципиальным, поскольку в вводно-фонетическом курсе китайского языка университетской программы подробно изучаются тоны, а студенты для облегчения запоминания их звучания проводят аналогию с русской интонацией, например, второй тон часто сравнивается с интонацией вопроса, удивления, четвертый – с интонацией категорического утверждения.

Аудиозапись воспроизводилась в группах от семи до двенадцати человек. В начале эксперимента респондентам предлагалась следующая инструкция: «Прослушайте аудиозапись звуков, произнесенных разными тонами. Зафиксируйте названия эмоций, возникающих у Вас при прослушивании каждого варианта».

В результате эксперимента мы получили следующие данные:

- первый тон у большинства респондентов ассоциируется со спокойствием, равномерностью, уравновешенностью, легкостью, невесомостью;
- второй тон воспринимается как напряженный, неуверенный, двусмысленный, неопределенный;

– третий тон был охарактеризован как устойчивый, тяжелый, громоздкий, уверенный, решительный, ясный, безкомпромиссный;

– четвертый тон вызвал чувства удаленности, отрешения, отказа, отрицания, неприятия, усталости.

Таким образом, положительные эмоции у носителей русского языка вызвали первый и третий тоны, в то время как второй и четвертый тоны в сознании носителей русского языка связаны с отрицательными эмоциями.

В связи с тем, что нам необходимо было добиться максимальной объективности результатов исследования, на первом этапе мы действовали в рамках системоцентрического подхода. На втором этапе был использован метод антропоцентрического подхода – психолингвистический эксперимент, так как для сознания носителя русского языка само понятие «слоговой тон» является чуждым, что и позволило рассчитывать на «спонтанную» реакцию респондентов.

После сравнения результатов первого и второго этапов исследования становится очевидна универсальность связи отрицательных эмоций со слоговым четвертым тоном китайского языка.

К сожалению, не было получено столь же однозначных результатов относительно возможной корреляции между положительными эмоциями и каким-либо другим из слоговых тонов китайского языка. Для системы китайского языка условным лидером здесь можно назвать второй тон (с опорой на словарную выборку), в восприятии носителей русского языка с положительными эмоциями больше соотносится первый и третий тоны.

Опираясь на вышеизложенные экспериментальные данные, можем говорить, что связь четвертого (падающего) тона китайского языка и отрицательной эмоции в сознании носителей разнотипных языков (русского и китайского) очевидна.

Библиографический список

1. Румянцев, М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка. – М., 2007.
2. Алпатов, В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3.
3. Сравнительно-историческое языкознание: учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. – М., 2005.

Bibliography

1. Rumyantsev, M.K. Fonetika i fonologiya sovremennogo kitayskogo yazhka. – M., 2007.
2. Alpatov, V.M. Ob antropocentricheskom i sistemocentricheskom podkhodakh k yazhku // Voprosy yazhkoznaniya. – 1993. – № 3.
3. Cravnitel'no-istoricheskoe yazhkoznanie: uchebnik dlya stud. viyss. ucheb. zavedeniy / S.A. Burlak, S.A. Starostin. – M., 2005.

Статья поступила в редакцию 10.01.14

УДК 811.512.141 + 398(470.57)

Hisamutdinova R.M. PEARL OF THE BASHKIR NATIONAL CREATIVITY. The integral part of the Bashkir traditional spiritual culture is made by the national song which is still insufficiently studied. Studying of national creativity in its historical development – one of the most important problems of musicology and фольклористики. The richest and original musical folklore the Bashkir has syncretic character of an existing. It is various on genre structure, subject and melodic style. The Bashkir national songs – as a whole the phenomenon difficult, multidimensional, reflecting mythological views of the people, and concrete historic facts, personal experiences, philosophical reflections.

Key words: Bashkir folklore, national songs, stylistic features of poetic songs, genres, epic songs.

Р.М. Хисамутдинова, аспирантка БашГУ, преп. башкирского языка и литературы, русского языка и литературы Уфимского колледжа статистики, информатики и вычислительной техники, г. Уфа, E-mail: x_rezida80@mail.ru

ЖЕМЧУЖИНА БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Неотъемлемую часть башкирской традиционной духовной культуры составляет народная песня, которая еще недостаточно исследована. Изучение народного творчества в его историческом развитии – одна из важнейших задач музыковедения и фольклористики. Богатейший и самобытный музыкальный фольклор башкир носит синкретический характер бытования. Он разнообразен по жанровому составу, тематике и мелодическому стилю. Башкирские народные песни – в целом явление сложное, многоаспектное, отражающее мифологические воззрения народа, и конкретные исторические факты, личные переживания, философские размышления.

Ключевые слова: башкирский фольклор, народные песни, стилистические особенности поэтических песен, жанры, эпические песни.

Народное музыкально-поэтическое творчество – основа музыкальной культуры каждого народа. Оно – неиссякаемый источник

мудрости, образец художественного совершенства, животворный родник, питающий профессиональное композиторское творчество.

Изучение башкирского фольклора имеет большое теоретическое и практическое значение. Актуальность башкирских народных песен обусловлена, во-первых, углубляющимися разрывом научно-теоретических и практико-исполнительских оснований, приводящему к утрате их достоверности; во-вторых, возросшими требованиями обновляющегося общества к профессиональному исполнению башкирских народных песен; в-третьих, потребностью современной национальной культуры в сохранении особенностей традиционного народно-певческого искусства и адекватности его развития в академической системе вокального исполнительства и педагогики.

В музыкальном плане народные песни разделяются на долгую протяжную песню (узун-кый), умеренно-протяжную (халмак-кый) и короткую песню (кыска-кый). Как правило, историческим песням сопутствует протяжная мелодия. Значительное место в песенном творчестве башкирского народа занимают также эпические песни. До настоящего времени дошло немного песен, имеющих в своей мелодической структуре черты древних эпических жанров. Среди них – «Кара юрга» («Вороной иноходец») [1].

Впервые эта песня была опубликована в книге С.Г. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта».

В напеве песни «Кара юрга» ярко проявляется композиционный принцип повторности мелодических структур, характерный для скорой песни.

Быстрый темп, четкая периодичность и повторность структуры свидетельствуют о танцевальном происхождении напева. Это подтверждает и свидетельство ученого И. Лепехина [2], слушавшего песню и наблюдавшего связанный с ней сюжетный танец во время пребывания в Башкирии во второй половине 18 века.

Близка своим содержанием к эпическим сказаниям о животных лирико-бытовая песня «Кынгур-буга» («Буренушка») [1]. Эта песня примечательна тем, что в ней объединены два контрастных напева: спокойный, неторопливый, лирический в первой части и скорый, танцевального склада – во второй, которая выполняет функцию припева. Перевод поэтического текста:

В горах Урала узкою тропой

Ушла моя буренка далеко...

(Перевод А. Ситковского [3].)

Напев песни «Кунгур-буга» строг, лаконичен. Он отличается тем, что в формировании его мелодии преобладающим является принцип повторности мелодических структур, их строгая соразмерность.

Запев и припев песни «Буренушка» контрастны, они принадлежат к различным жанровым разновидностям. Однако их объединяет общность интонационного строя, лада.

Эпические песни башкирского народа, известные в настоящее время, сохранившие связь с древним эпосом, еще не позволяют составить сколько-нибудь полного, исчерпывающего представления о древнейшем жанре народного песенного творчества. Однако можно предположить, что среди записей, выполненных в разное время различными фольклорными экспедициями, имеются и песни, широко представляющие этот жанр. Но эти записи до сих пор мало изучены. Поэтому чрезвычайно важно продолжить работу по собиранию, нотации, систематизации и изучению образцов древнейшего песенного жанра, особенно потому, что песни, судя по приведенным выше образцам, сохранили свою художественную ценность, донесли до нас национальную традицию и черты национально своеобразия. Они и сейчас находят эмоциональный отклик у современного исполнителя и слушателя. Их композиционные, стилистические признаки, принципы развития и организации музыкального и поэтического материала можно обнаружить в живых, развивающихся в настоящее время жанрах народного песенного творчества.

Прием усиления образа путем вопроса и последующего на него ответа очень распространен в башкирской народной песне. Можно встретить, например, в песне «Ак-Идель» («Река Белая»):

Где течет река Белая? Ай, среди лугов!

Часто встречается в лирических узункый также прямая и простая ассоциация, как это имеет место в песне «Соловей и ласточка»:

Соловей бывает желтый, Ты – соловей, я – ласточка;

Ласточка бывает с черной шейкой; Попоём, когда станем парой.

Не только прирожденные поэты, но и тонкие художники, башкиры воспевают в песне красоту пейзажа, особенно ярко данного в песне «Круглое озеро»:

Сверкает озеро, как светлый круг,

Оно прекрасно ночью, при луне! [3].

Формирование музыкальной культуры башкирского народа происходило на протяжении многих столетий. Башкирские народные песни – это те музыкально-поэтические произведения, которые сам народ называет песней в полном ее смысле. Произведения отличаются прочной, устойчивой музыкально-стилевой конструкцией. Здесь музыку от словесного содержания или, наоборот, слова от музыки отделить трудно – они так взаимосвязаны и прочно скреплены. Органически дополняя друг друга, они образуют целостное высокохудожественное произведение. Народ относится к ним более серьезно и бережно, чем к другим разновидностям песенного фольклора. Возможно, потому они меньше всего подвержены различного рода изменениям, вариациям.

Национальные черты музыки выражаются, прежде всего, в ее интонационном строе в форме и характере воплощения художественного образа. Все черты национального своеобразия могут рассматриваться только в неразрывном единстве.

Процесс формирования современных башкирских песен сложен и длителен. История песни – это история самого народа, создавшего ее. Каждый из этапов этой истории знаменовал изменения не только в содержании, но и в форме песни. В первые годы после революции особенно часто происходила трансформация старых песен в новые. В 20-30-е годы появилось много массовых песен на слова современных поэтов и народных переделок песен литературного происхождения. В 50-е годы в развитии народного башкирского песнетворчества стала значительная роль художественных коллективов. В иных случаях народом воспринимается и потребляется как «свое» наиболее любившиеся песни профессиональных авторов.

Из разнообразного в жанровом отношении и пестрого по своим идейно-художественным особенностям состава авторских песен народ долго и неосознанно отбирает самые лучшие. При этом он совершенно не думает о сохранении имен авторов популярных песен. Об этом обычно заботятся составители песенников. А народу нужна песня, ему безразлично кто ее сочинил. Таким образом, лучшие авторские песни, созданные в фольклорных традициях, живут рядом с подлинно народными.

У каждого народа есть своя неповторимая душа – это его вера, язык, традиции и, конечно же, песни. Все, что волнует, окружает нас, как в зеркале отражается в народном творчестве. Из далекого прошлого и ближайших времен несут нам народные песни удивительную свежесть и целомудренность, скромность и нежность, сердечную простоту и задушевность.

Библиографический список

1. Башкирские народные песни. – Уфа, 1954.
2. Лепехин, И. Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб., 1822. – Т. 4.
3. Сулейманов, Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. – Уфа, 1995.

Bibliography

1. Bashkirskie narodnihe pesni. – Ufa, 1954.
2. Lepekhin, I. Polnoe sobranie uchenikhk puteshestviy po Rossii. – SPb., 1822. – T. 4.
3. Suleymanov, R.C. Zhemchuzhin narodnogo tvorchestva Urals. – Ufa, 1995.

Статья поступила в редакцию 22.01.14

УДК 81'373

Yakimov P.A. HISTORY OF SOME LEXEMES WITH A RELIGIOUS COMPONENT OF VALUE IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD. In the article attempt of the analysis of several lexemes embodying a religious picture of the world, from the point of view of their history is made. An author calls to lexicographic description of these lexemes; to the analysis of contexts with them from Decrepit and New Precepts, and also from the National corps of Russian.

Key words: lexemes, religious component of value, etymon.

П.А. Якимов, канд. пед. наук, доц. ОГУ, г. Оренбург, E-mail: pyakimov@mail.ru

ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМ С РЕЛИГИОЗНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье предпринимается попытка анализа нескольких лексем, воплощающих религиозную картину мира, с точки зрения их истории. Автор обращается к лексикографическому описанию данных лексем; анализу контекстов с ними из Ветхого и Нового Заветов, а также из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: лексемы, религиозный компонент значения, этимон.

Поскольку картина мира человека воплощается в двух тесно связанных, но неидентичных плоскостях: концептуальной и языковой, то совокупность религиозных представлений необходимо рассматривать как фрагмент концептуальной и фрагмент языковой картин мира. Отражая знания, мнения, ценности, религиозные представления получают то или иное выражение в языковых единицах, совокупность которых является фрагментом языковой картины мира.

При анализе лексем, воплощающих религиозную картину мира, необходимо выделение специфического семантического компонента, присутствующего в единицах лексики, относящихся к семантическому полю «религия», например, сема 'верховное существо, управляющее миром' в составе семантической структуры лексемы *Бог*. Такую сему следует определить как «религиозный компонент значения» [1; 2].

Религиозный компонент значения в различных словах имеет идентичное значение – 'связанный с верой в Бога' [2, с. 15]. Однако религиозный компонент значения может входить не только в семантическую структуру слова, относящегося к семантическому полю «религия» (в виде архисемы или денотативной семы), но и в структуру других слов (в виде контекстуальной или коннотативной семы).

Цель данной статьи – показать некоторые исторические изменения семантической структуры лексем, воплощающих религиозные представления в русской языковой картине мира. Проследить полную историю лексем очень сложно, поэтому мы ограничились сопоставлением современной семантической структуры нескольких лексем с их этимонами.

С позиций соотношения современной семантической структуры лексем с их этимонами можно выделить следующие группы:

1) лексемы, этимон которых уже содержал в своей структуре религиозный компонент значения. При этом данный компонент мог представлять собой архисему или входить в состав дифференцирующей семы;

2) лексемы, в семантической структуре которых появляется религиозный компонент значения, отсутствовавший в значении этимона;

3) лексемы, в семантической структуре которых религиозный компонент значения отсутствует (отсутствовал он и в составе этимона), однако он появляется в качестве контекстуальной семы.

Ограничимся представлением каждой группы одной или двумя лексемами.

К первой группе отнесем лексему *ад*, которая в толковых словарях имеет прямое значение – «место, где души умерших "грешников" подвергаются вечным мукам» [3, I, с. 25]. Слово *ад* восходит к греческому теониму и локусу *Αιδ*, соответственно, к имени бога преисподней и наименованию «царства мертвых» (в дохристианском воззрении, в аду находились души всех умерших – как грешников, так и праведников). В христианской традиции *ад* – «геенна огненная, место вечного мучения», «находящееся во власти дьявола» [4, с. 20]. В числе мучений главную роль играет огонь, вследствие чего *ад* представляли себе обитель огня. Отсюда и вхождение данной лексемы в древнерус-

ский язык в XI в. связано с обозначением 'пекла', в котором будут гореть грешники [5, I, с. 28]. Современное представление об *аде* сохраняет связь данной лексемы с этимоном.

Употребляясь в переносном значении, данная лексема так же сохраняет связь с этимоном и семой 'огонь, пекло', хотя бы метафорически: «После смерти мы не будем в огненном аду, / После смерти мы очнемся в сказочном саду, / Потому что муки *ада* – только на земле, / На земле, где мы в кипящем вертимся котле» (С. Липкин); «А уж небесный вертоград / Сужден лишь тем, чья плоть, сквозь *ад* / Пройдя, окрепла» (Д. Самойлов); «Ночь, как Сахара, как *ад*, горяча. / Дымный - рассвет» (Г.В. Иванов).

Интересно обстоит дело с антонимом к данной лексеме – лексемой *рай*. Этимология данной лексемы не вполне ясна. Согласно данным этимологических словарей, этимон данной лексемы не связан напрямую с религиозной картиной мира: *указывается связь с авестийским gau-, «богатство, счастье» и древнеиндийским gau-, «дар, владение»; греческим paradeisos «сад, парк» (от древнеиранского pairi-daeza – «отовсюду огороженное место»)*. Исследователи предполагают, что в состав лексических воплощений религиозной картины мира лексема *рай* входит только в старославянском языке.

Безусловно, отрицать соотношенность этимона с семантической структурой лексемы нельзя, поскольку он наличествует в структуре слова в качестве дифференцирующей семы или архисемы (хотя здесь уже утрачивается религиозный компонент значения). По Ветхозаветным представлениям, *рай* – место счастья, куда Бог поселил первых людей Адама и Еву, налицо связь с греческим *paradeisos «сад, парк» (от древнеиранского pairi-daeza – «отовсюду огороженное место»)*: «И насадил Господь Бог *рай* в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди *рая*, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:8-9) и откуда они были изгнаны после грехопадения: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт 3:24). По Новозаветным представлениям, *рай* – место счастья, уготованное душам праведников, где они пребывают в вечном блаженстве и близости к Богу (здесь видна связь и с *авестийским gau-, «богатство, счастье» и с греческим paradeisos «сад, парк»*): «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю <...> Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух. Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и сказал: истинно человек этот был праведник» (Лк. 23:43-47).

В переносном значении, теряя религиозный компонент значения в своей семантической структуре, лексема *рай* сохраняет непосредственную связь с этимоном – 'счастье': «И утром, этот *рай* / Навеки покидая, / Услышать, как ему / Хозяйка молодая / Прошепчет, провожая: / – Солдат, не умирай!» (Д. Самойлов); «И это / Был островок в пожаре лета, / И это было сущий *рай*» (А. Тарковский).

Таким образом, лексема *рай* занимает пограничное положение между первой и второй группой: все зависит от того, какой точки зрения придерживаться при рассмотрении этимологии данной лексемы.

Ко второй группе отнесем лексему *грех*. П.Я Черных отмечает, что в старославянском языке данная лексема употреблялась с религиозным значением [5; 216]. Это же подтверждают и «Полный церковно-славянский словарь» (сост. Г. Дьяченко), и «Словарь церковнославянского и русского языка... 1847 года» [6, с. 133-134; 7, с. 299]. А вот в древнерусском языке лексема *грехъ* с религиозным компонентом значения начинает функционировать, согласно данным словаря П.Я Черных, с XI века [5, с. 216]. Эта дата связана не столько с началом функционирования лексемы в составе лексических воплощений религиозной картины мира, сколько с тем, что она впервые фиксируется с данным значением в одном из письменных памятников.

В общеславянском языке лексема *грех* также не имела религиозного компонента в своей семной структуре: по разным источникам, она связана с лексемой *греть* с первоначальным значением «жжение (совести)» [8, с. 456] или с лексемой *сърѣза* – «ошибка» (от *срѣза* – «грязь»). Лексема *грех*, имевшая в общеславянском языке значение «заблуждение», «путаница», «ошибка», не связанное с религиозной картиной мира, приобретает религиозный компонент значения после принятия христианства [9, с. 114-116]; при этом данный процесс происходит в разных славянских языках в разное время, вероятнее всего, через посредство старославянского языка (болг. *грѣх*, макед. *грев*, сербохорв. *грѣх*, словен. *gréh*, чеш. *hřích*, польск. *grzech* и т.д.).

Второе значение лексемы *грех* – «предосудительный поступок, ошибка, недостаток» – не имея религиозного компонента, сохраняет свою связь с этимологией: «Для такого в жизнь мою пальцем не шелохну! / С таким императором связываться *грех*!» (О. Мандельштам); «Храпел и шерсть ерошил снег, / Я вместе с далью падал на пол / И с нею ввязывался в *грех*» (Б. Пастернак).

К третьей группе отнесем лексемы *гончар* и *глина*, обладающие семантической связью: первая является дифференцирующей семой второй и наоборот.

Определяя происхождение лексемы *гончар*, авторы исторических и этимологических словарей указывают на ее общеславянскую основу **гътъсагъ*, производную от общеславянского корня **гътъсь* – «горшок» [5, с. 203]. Согласно данным О.Н. Трубачева, слово *гончар* образовано с помощью суффикса *-(я)гъ*, обозначающего производителя действия [9, с. 212], т.е. *гончар* – буквально *горшечник*.

Существует еще одна интересная, но маловероятная версия этимологизации данной лексемы. Автор книги «Загадки

Русского Междуречья» указывает, что продуктивный для русского языка и других индоевропейских языков суффикс *-ар*, участвующий в образовании слова *гончар* (а также слов: *амбар*, *вар*, *кашевар*, *загар*, *дар*, *жар*, *базар*, *комар*, *кенарь*, *гусар*, *нектар*, *сахар*, *овчар*, *гончар*, *бочар* и др.), сопряжен в далеком историческом прошлом с понятием «арии» – самоназванием исторических народов Древнего Ирана и Древней Индии (II-I тыс. до н. э.), говоривших на арийских языках индоевропейской семьи языков [10].

Согласно данным И.И. Срезневского, лексема *глина* в русском языке употребляется не позднее чем, с XII века, о чем свидетельствует цитата из рукописи «*Иполита епископа съказанія о Христѣ и о антихристѣ*»: «*Часть Едина желѣзо, а дрѣга глина*» [11, с. 519]. Общеславянская форма **glina* восходит к прандоевропейскому корню **glei-*, нашедшему отражение (правда, с некоторыми фонетическими изменениями) во многих современных индоевропейских словах с близким значением: лит. *glėti* – «замазывать», «залеплять», польск. *glina*, англ. *clay* – «глина», «типа» и т.д. [9, с. 190-191; 8, с. 412].

Как видим из представленного материала, этимология слов «гончар» и «глина» довольно проста: ничего общего этимоны данных лексем не имеют с религиозной картиной мира [12]. Несмотря на то, что этимоны данных лексем не имеют связи с религиозными представлениями, в современном русском языке они могут получать религиозный компонент значения в виде контекстуальной семы.

Лексема *гончар*, сохраняя архисему «создатель, мастер», контекстуально приобретает дифференцирующие семы, связанные с объектом действий мастера – «вселенная», «женщина», «боги»: «Утверждал, что нет небесных чар / В четверице изначальных сил, / Что, смеясь, вселенную *гончар* / Из непрочной *глины* сотворил»; «Из глины создал женщину *гончар*. / Все части оказались соразмерны. / Глядела глина карим взглядом серны, / Но этот взгляд умелца огорчил...»; «Когда еще не знал я слова / С его отрадой и тоской, / Богов из вещества земного / Изготавливал я в мастерской. / Порой, доверившись кувшину, / Я пил с собой наедине, / Свою замесивая *глину* / Не на воде, а на вине» (С. Липкин). Как видим из контекстов, лексема *глина*, сохраняющая архисему «материал для создания», в контексте обретает дифференцирующую сему «объект»: «вселенная», «женщина», «боги».

Таким образом, лексические воплощения религиозной картины мира имеют сложную и интересную историю: сохраняя или утрачивая свою связь с этимологией, лексемы сохраняют, приобретают или, наоборот, теряют религиозный компонент значения (в прямом или переносном значении). В заявленном аспекте считаем важным исследовать представленные исторические группы в аспекте репрезентации их тем или иным тематическим наполнением.

Библиографический список

1. Якимов, П.А. О сущности понятия *религиозная лексика* в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 11.
2. Сергеева, Е.В. Религиозно-философский дискурс В. Соловьева: лексический аспект. – СПб., 2001.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – М., 1999.
4. Складаревская, Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М., 2007.
5. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М., 1999.
6. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 1993.
7. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб., 1847.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М., 1987.
9. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1980. – Вып. 7.
10. Никифор, архимандрит Библиейский словарь [Э/п]. – Р/д: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikifor/encyclopedia/contents.html>.
11. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб., 1893.
12. Якимов, П.А. Лексемы *гончар* и *глина* в системе лексического воплощения религиозных представлений // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 1(32).

Bibliography

1. Yakimov, P.A. O suthnosti ponyatiya religioznaya leksika v sovremennoy lingvistike // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 11.
2. Sergeeva, E.V. Religiozno-filosofskiy diskurs V. Solovjeva: leksicheskiy aspekt. – SPb., 2001.
3. Slovarj russkogo yazihka: v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. Issledovaniy. – M., 1999.
4. Sklyarevskaya, G.N. Slovarj pravoslavnoy cerkovnoy kul'tur. – M., 2007.
5. Chernikh, P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovarj sovremennogo russkogo yazihka: v 2 t. – M., 1999.
6. Djyachenko, G. Polniy cerkovno-slavyanskiy slovarj. – M., 1993.
7. Slovarj cerkovno-slavyanskago i russkago yazihka: v 4 t. – SPb., 1847.
8. Fasmer, M. Etimologicheskij slovarj russkogo yazihka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – M., 1987.
9. Etimologicheskij slovarj slavyanskikh yazihkov: praslavyanskiy leksicheskiy fond / pod red. O.N. Trubacheva. – M., 1980. – V/yp. 7.
10. Nikifor, arhimandrit Bibleyskiy slovarj [Eh/r]. – R/d: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikifor/encyclopedia/contents.html>.

11. Sreznevskiy, I.I. Materiali dlya slovary drevne-russkogo yazhka po pisjmenimyh pamyatnikam: v 3 t. – SPb., 1893.
12. Yakimov, P.A. Leksemih gonchar i glina v sisteme leksicheskogo voplosheniya religioznych predstavleniy // Mir nauki, kul'turi i obrazovaniya. – 2012. – № 1(32).

Статья поступила в редакцию 20.01.14

УДК 801.73

Gorn E.A. COLOR TERMS AND FICTION. PECULIARITIES OF TRANSLATION. The article is devoted to the study of various ways of translating colour terms used in fiction texts depending on their textual function.

Key words: colour terms, English literature, function, translation.

Е.А. Горн, аспирант Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: e.gorn@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу различных способов перевода цветообозначений, используемых в художественных текстах, названы функции использования цветообозначений в художественном тексте.

Ключевые слова: цветообозначения, английская литература, функция, перевод.

Значительное место в языке занимают слова, используемые для передачи чувственной информации, в первую очередь, зрительной. Цветообозначения в этой категории, безусловно, занимают главенствующее место. Наверное, поэтому интерес к ним не иссякает. Неоспорима «эстетическая роль цвета в национальной фольклорной и поэтической традиции» [1, с. 3], равно как и связанность цвета с национальной картиной мира (цвета герба, флага). Все это позволяет говорить о цвете не только как о факте реальной действительности, о части зрительных ощущений, но и как о концепте, ибо «всякая вещь не только вещь, но и отношение к ней» [2, с. 48]. В слове обычно выражается нечто большее, чем просто понятие. Это, как правило, и представляет серьезную переводческую трудность, делая вопрос перевода цветообозначений чрезвычайно актуальным. Ученые уже давно сошлись во мнении о том, что цветообозначение передает не только «наглядный образ цвета», но и «определенные эмоционально экспрессивные оттенки» [3, с. 3].

Стоит признать, что в современном языке, в той или иной мере, цветообозначения утратили связь с первоначальным значением. Тем не менее, раскрытие исконной семантики дает возможность понять ее связь с символикой цветообозначений, их эмоционально-экспрессивной и оценочной ролями в тексте, становясь объектом доказательств. Иногда первоначальное значение считается неким базисом, к которому происходит «приращение смысла», служа в языке художественной литературы для создания образа, его конкретизации. Говоря о переносных значениях Ю.С. Степанов отмечал, что они появляются «в результате непрямого номинации, имеют большую зависимость от контекста, обычно осложнены стилистическими или экспрессивно-оценочными моментами» [4, с. 52], что также актуально и для значений цветообозначений. Цветообозначения, которые утратили свои предметные связи с основным цветовым значением, совершают семантические скачки в результате метафорических употреблений, способствуя созданию художественных образов, выполняя чаще всего стилистическую функцию. Но возможен и иной путь: нецветовое прилагательное приобретает переносное цветовое значение. Так, например, у слов с исходным значением «сделанный из какого-либо металла» (золотой, серебряный, свинцовый и др.) цветовое значение «всегда коннотировано и имеет дополнительную сему, выявляемую из контекста» [5, с. 223].

При рассмотрении вопроса о роли и функциях цветообозначений в художественном произведении, одним из важнейших аспектов, заслуживающих внимания является вопрос эмоционально-эстетического восприятия цвета автором.

Важно отметить, что при воспроизведении цветовой картины мира в художественном произведении автор основывается не только на абсолютном цветовом понимании реального мира, но и на собственных экспрессивно-эмоциональных аспектах восприятия цвета, выделяя, порой, признаки не свойственные абсолютной реальности. Эти признаки лежат на пересечении понятийной и чувственной сфер познания, они расплывчаты и аморфны по своей сути, но «ассоциативные признаки» придают словам-цветообозначениям дополнительный смысл, способствуют экспрессивному приращению семантики слова.

Художественный текст строится по законам ассоциативно-образного мышления. В нём жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора. Прагматическая роль переводчика в этом смысле имеет двойственную природу. Выступая, с одной стороны, как адресант и адресат одного и того же текста, он должен быть носителем обеих лингвокультур одновременно. С другой стороны, понимая «маленькую вселенную, созданную одним автором» уметь воссоздать ее в переводе без существенных потерь. Если добавит к этому то, что в художественном тексте господствуют ассоциативные связи, то художественное слово оказывается практически понятийно неисчерпанным. Разные ассоциации вызывают разные «наращения смысла» (термин В.В. Виноградова). Даже одни и те же реалии предметного мира могут восприниматься разными художниками по-разному, вызывать разные ассоциации. Кажется, что задача, возложенная на переводчика, является нерешаемой априори.

В этом смысле, аспект перевода цветообозначений, представляет большой интерес, не только потому, что цвет является «достоянием» каждого народа, но и потому что он обладает эмоциональным воздействием на читателя. С.М. Белякова отмечает, что цветообозначения часто приобретают лейтмотивный характер, становясь сквозными образами, значимыми для конструирования национальной «картины мира», а также индивидуально-авторского мировоззрения [6, с. 148].

Помимо всего прочего стоит помнить, что перевод цветообозначений осложняется еще и тем, что «значения некоторых слов расплывчаты; цветообозначения соответствуют не какой-то одной точке цветового пространства, но целой его области» [7, с. 104]. В переводе художественного произведения, как бы идеален и близок оригиналу он ни был, неизбежны отличия от исходного текста: замены, добавления, опущения, вызванные такими факторами, как «личность переводчика и своеобразие его восприятия подлинника, разносистемность языков, различия социокультурной среды» [8, с. 107].

Вопрос о межъязыковых лексических соответствиях занимает важное место в переводоведении. В ряду ученых, занимавшихся вопросам классификации межъязыковых соответствий между лексическими единицами языка и перевода можно назвать многих: Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов и др.

Одной из недавно появившихся классификаций является классификация перевода цветообозначений, предложенная З.О. Давидян [9, с. 3], которая включает в себя переводческие совпадения и переводческие трансформации. Они, в свою очередь, подразделяются на подгруппы. Переводческие совпадения могут быть полными, частичными, вариантными, в переводческие трансформации включают в себя опущения и предпроцессные замены.

Полные совпадения характеризуются тождеством смысла, где должно быть совпадение лексико-семантических и структурных элементов. И если «идентичность оригинальных и переводных текстов опирается на универсальность свойств разноструктурных языков» [10, с. 71], то адекватность оригинального и переводного цветообозначений обеспечивается общим понятийным ядром, совпадающими по эмоционально-экспрессивной

окраске. Наличие в языковых системах одинаковых по количественному и качественному признаку центральных цветообозначений обеспечивает смысловое и стилистическое тождество текстов. В силу своей конкретной природы, т.е. «происхождения по ассоциации с конкретным предметом» [10, с. 73], цветообозначения типа изумрудный, свинцовый, молочный, шоколадный обеспечивают адекватное выражение оттенков. Идентичными могут быть тексты, в которых используются сложные и двусоставные цветообозначения. Ср.:

«...Октябрь обдувал золотой лесной шепот..., и покорно ложился на землю шелестящий осенний багрянец..., сплетая из листьев желто-красные россыпи...» (А. Белый «Петербург»).

«...October blew off the golden woodland whisper... and there fell the rustling aspen crimson plating yellow-red scatterings of leaves...» (Clarence Brown «From Petersburg»).

Стилистическая маркированность слов-терминов, заимствований, архаизмов и неологизмов не допускает двусмысленного толкования, обуславливая их адекватное использование в текстах:

«First you took all my reds, including vermillion... then you took the emerald-green and then chrome-yellow, and finally I had nothing left but indigo and chinese-white...» (O. Wilde, «The Canterville Ghost»).

«...Сперва вы забрали все красные краски, даже киноварь... потом взяли изумрудную зелень и желтый хром, напоследок у меня остались только индиго и белила...» («Кентервильское привидение» И. Рazuмовская, С. Самострелова).

Функциональное тождество цветообозначений проявляется в идентичном использовании сравнительных оборотов, сложных метафор и новаций авторского словоупотребления:

«Он видел ее маленькое лицо, сплошь в темных веснушках, и глаза, широкие, бледновато-зеленые, цвета стеклянных осколков...» (В. Набоков «Возвращение Чорба»).

«He saw her small face with its dense dark freckles, and her wide eyes, whose pale-greenish hue was that of the shades of glass...» (D. Nabokov «The Return of Chorb»).

«Those eyes were of changing foam-streaked grey-green of leaping Northern Seas; in the glass shone a hot ruby that seemed the very heart of the South» (K. Grahame «The Wind in the Willows»).

«...Его серые с прозеленью глаза меняли цвет, как штормовое море. Вино переливалось оттенками жаркого рубина, как будто живое сердце Юга билось о стенки стакана» (И. Токмакова «Ветер в ивах»).

В данном случае адекватная межязыковая номинация обеспечивается универсальными свойствами цветообозначений. В основе этих свойств, в данном случае, лежат регулярные закономерности языкового отражения действительности. А идентичное функционирование цветослов в художественном тексте не создает особых сложностей при передаче с одного языка на другой. Вышеприведенные соответствия цветообозначений характеризуются тождеством смысла, а также они совпадают на морфологическом уровне, то есть, выражены одной и той же частью речи. Очевидно, что полные совпадения не составляют особой трудности для переводчика, их передача, за редким исключением, не зависит от контекста, и от переводчика требуется лишь твердое знание соответствующего эквивалента.

Частичные совпадения осуществляются на грамматическом уровне в том случае, когда слову соответствует словосочетание и наоборот. Различия в переводных текстах связаны с особенностями национальных систем цветообозначений, то есть с разным составом цветообозначений, с отличием в системных связях (состав синонимов, сочетательные свойства, способность к развитию новых, в том числе оценочных значений), с конструктивными свойствами, с особенностями метафорического использования цветообозначения, с особенностями контекстуального употребления цветообозначений, спецификой их ассоциативных и коннотативных значений.

Это приводит к появлению разных соотношений между оригинальными и переводными текстами. Поэтому, кроме адекватных переводов, можно говорить о полном или частичном отсутствии адекватности. Частично-адекватное соответствие означает, что слово в переводном тексте, в отличие от исходной лексической единицы, отмечено отсутствием или изменением одного или нескольких компонентов структуры значений цветообозначения.

Сравнивая русские и английские тексты, мы часто обнаруживаем особое слово, обозначающее оттенок в английском тек-

сте, и общее указание на основной цвет или его модификацию – в русском:

sea-green glass (F.S. Fitzgerald) – сине-зеленый; drab figures (F.S. Fitzgerald) – серые фигуры; vermillion lacque (O. Wilde) – красный лак; damask roses (O. Wilde) – алые розы; sandy hair (Jerome K. Jerome) – рыжие волосы; mauve mallow (I. Murdock) – розовый просвирник; buff-coloured blinds (I. Murdock) – бледно-желтые шторы.

Частичное соответствие цветообозначения в текстах может быть достигнуто описательным оборотом:

сахарно-белые лампочки (O. Мандельштам) – white as sugar, мертвенно-синеватый (М. Булгаков) – corpse like bluish; head of auburn hair (G. Bates) – волосы, пламенеющие как костер; snow-white cloud (J. Collier) – похожее на ватный тампон облачко; black with glints of blue steel (G. Chesterton) – черная, отливающая вороной сталью...; grass-green eyes (O. Wilde) – зеленые, как полевая трава...; бурый (Ю. Олеша) – brown as a bear; аспидная доска – black as a slateboard (Ю. Олеша).

Вариантные совпадения имеют место, если в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова.

Трудности в подборе лексических соответствий «определяются отсутствием корреляции на уровне однословных средств выражения при наличии определенных черт различия в парадигматических отношениях слов» [11, с. 83] исследуемых систем цвета. В этом случае каждый из языков использует присущие ему лексико-синтаксические, морфологические средства для выражения соответствующих понятий (суффиксы и слова, уточняющие интенсивность цвета, метафорические указания на предмет, обладающий данным оттенком, указание на основные цвета, совмещаемые в оттенки и т.д., например, русский голубой в английских текстах передается как bluish, blue.):

«смолистые бакенбарды» (Н. Гоголь) – pitch-black; «кровавые буквы» (И. Тургенев) – blood-red; «малиновые штиблеты» (И. Бабель) – raspberry-red; «червоная полоса зари» (В. Набоков) – red-golden; «buff-coloured» (I. Murdock) – бледно-желтый; «indigo horizon» (I. Murdock) – темно-синий.

Этот тип перевода характеризуется многообразием соответствий, которое может иметь слово одного языка по отношению к словам другого. Например, brown – карий, бурый, коричневый, каштановый; красный – crimson, scarlet, rosy, vermillion; желтый – sallow, jaundiced, tawny, фиолетовый – purple, lilac, mauve.

Специфика национальной цветономинации связана, в первую очередь, с тем, что выделение денотата, или аспектов денотата происходит по-разному в английском и русском языках и зависит также от арсенала стилистических средств, характерных для исходного языка. Так, художественные тексты, являясь прагматически насыщенными, к тому же имеют интегральную структуру, что требует особого внимания при переводе, так как может привести к разрыву цветовой парадигмы, присутствующей в исходном тексте. Если при адекватности текстов стилистическая тональность художественного произведения идентична, то при частично-адекватном соответствии наблюдаются различия в характере стилистических компонентов. «Смена стилистических регистров может опираться на языковые возможности» [8, с. 109]. Так, например, в русских оригинальных текстах используются слова с ограниченными сочетательными связями, в идентичных английских текстах им соответствуют слова, в которых стилистическое средство нейтрализовано:

черномазый – swarthy; чернявый – dark-complexion; вороной – black; седые с зеленоватым отливом – grey-green; белесый – white-headed; карие глаза – brown; смоляной-black-haired и т.д.

При использовании некоторых терминов, архаизмов также могут наблюдаться смысловые или стилистические потери:

ярчайший сурик – red; яхтовое море слив – purple sea; червоная полоса – red-old и т.д.

Различия стилистического характера могут проявиться при использовании в английских текстах некоторых словосочетаний, в которых включен образный компонент:

lobster-coloured (I. Murdock) – ярко-розовый; buff-coloured (I. Murdock) – бледно-желтый; wine-coloured (R. Chandler) – красный; dusty-brown (R. Chandler) – светло-каштановый; turkey-red (G. Bates) – красный; rose downy (G. Bates) – розовый и т.д.

Переводческие трансформации также широко распространены при переводе цветообозначений в художественной литературе. Например, опущение, как правило, имеет место в том

случае, если выражение цвета в оригинале не влияет на содержание текста и цветообозначение не несет стилистической нагрузки:

down the other air and the blue altered sky... a wonder of summer with apples pears and red currents... (D. Thomas) – освежая природу и проясняя небо, повеяло чудом лета, смородиной, грушами, яблоками.

Анализ показал существенную роль в передаче цвета нецветовой лексикой как одного из стилистических компонентов художественного текста. «Нецветовые слова, обладая широким структурно-семантическим диапазоном, способны передать многие оттенки цветового образа, обогащая тем самым художественный аспект произведения» [11, с. 91]. Выполняя, как правило, стилистическую функцию в тексте, они сопоставляются, прежде всего, по этой линии. Именно реализация семы цвета как таковой является главным критерием оценки, адекватности сопоставления. Конкретизация цвета в поэтических текстах не обязательна. Само наличие нецветового слова в значении цвета в тексте может констатировать факт идентичности использования лексических средств, их адекватного стилистического использования.

Таким образом, идентичность стихотворных текстов также опирается на универсальное свойство системы цветообозначений в русском и английском языках: способностью к расширению границ системы за счет использования нецветовых слов для выражения цвета, во-первых, и, во-вторых, на универсальность функции цветообозначений: обеспечение художественного единства текста.

Предпроцессная замена имеет место, когда в языке-источнике используется цветоименование, которое обозначает результат какого-либо процесса.

Однако в большинстве случаев отсутствие по какой-либо причине цветообозначения (отсутствие адекватных языковых средств, контекстуальных условий, особенности авторского словоупотребления...) не остается невосполненным, и единство текста сохраняется. «Особенности семантической структуры значения цветообозначений позволяют выдвинуть на первый план коннотативное значение, если денотативное утрачивает значимость» [12, с. 29]. В результате разные значения цветообозначений могут возникнуть не путем прямых и непосредственных их отображений, а при содействии разных ассоциаций.

Такие ассоциации могут быть вызваны нецветовыми словами, одним из второстепенных значений которых является сема цвета. Семантический объем этих слов допускает возможность использования различных способов передачи цвета (существительное, глагол, словосочетание...).

Одно из основных свойств, например, предметов, обозначаемое этими понятиями – иметь тот или иной «насыщенный» колорит, вызывающий определенные цветовые ассоциации» [12, с. 31]. Способствует появлению цветовых ассоциаций, в свою очередь, и сам контекст, в котором употребляется цветообозначение. Связь такого рода всегда двусторонняя. С одной стороны, «цветообозначение оказывает воздействие на экспрессивно-стилистическую тональность словесного отрезка» [13, с. 126], делает его более ярким, эмоционально-насыщенным. С другой стороны, контекст воздействует на цветообозначения, причем влияние контекста значительно сложнее и многообразнее: «контекст не только помогает раскрыть совокупность значений цветообозначений или провести их дифференциацию, он способствует развитию различных ассоциаций, связанных с денотатом» [6, с. 149]. Таким образом, восполнение цвета в тексте с помощью других слов, вызывающих в представлении читателей цветовой образ, опирается на универсальную особенность

цветообозначений, заключающуюся в их роли обеспечивать единство текстовой организации. Например:

Such a purple prospect would be his (G. Melville, *The Piazza*) – перед ним открывается такое царственное зрелище (purple (пурпур) – характерен для царской величественной одежды);

His eyes were as red as burning coals (O. Wilde) – глаза его горели как раскаленные угли (гореть имеет сему красного цвета);

Avice's blue looked drab (S. Maugham) – Голубое платье Эвис выглядело .линялой тряпкой (drab имеет сему невзрачности).

Так же смена стилистических регистров может быть проявлением авторской индивидуальности. Своеобразное употребление цветообозначений может быть обнаружено и в переводном тексте, которому в оригинальном соответствует вполне нейтральное цветообозначение.

strawberry mole (G. Melville «*The Piazza*») – красноватая родинка; her peacock tam-o'-shanter (J. Galsworthy) – синий берет; chryselephantine clouds (I. Murdoch) – облака слоновой кости с золотом; green moon's heaven (F.S. Fitzgerald) – изумрудное небо; red-armed (J. Galsworthy) – медно-красные руки.

Аналогичное влияние контекстуальных связей в русских переводных текстах подсказывает использование не идентичных слов-цветообозначений, а выбор синонимов, которые несколько искажают стилистику оригинального контекста:

pale yellow froth (F.S. Fitzgerald) – бледно-золотистый напиток; violet eyes (O. Wilde) – синие глаза; yellow wine (O. Wilde) – янтарное вино; ochre-coloured streaks (I. Murdoch) – желтые крапинки; creamy light (I. Murdoch) – бледно-желтый свет; a parasol, peach-coloured (K. Mansfield) – светло-коричневый; indigo circles (G. Melville) – синие круги у глаз и т.д.

Несмотря на тот факт, что цветообозначения относятся к высокэквивалентной лексике в общем составе лексических средств языка, она оказывается трудносоотносимой в составе устойчивых сочетаний, при использовании переносных и вторичных значений. В идентичных контекстах реализуются различные механизмы создания подобных языковых средств, при этом значение цвета, как правило, утрачивается:

black traffic (W. Irving) – работоторовля; with no white caps (R. Chandler) – без барашков пены; brown study (S. Maugham) – мрачная задумчивость и т.д.

В некоторых примерах срабатывает принцип языковой экономии, когда семантический повтор представляется избыточным в информативном плане, если не несет дополнительно никакой стилистической нагрузки:

...each plate was of two ... layers of solid diamond between which was curiously worked a filigree of emerald design, a shaving sliced from green air ... (F.S. Fitzgerald) – тарелки были цельнобриллиантовые, в два тончайших слоя с прокладкой изумрудной филигранны, будто вырезанные из воздуха;

«then bananas and cream with white sugar» (I. Murdoch) – затем бананы и сливки с сахарной пудрой.

Отсутствие цветообозначения в переводном тексте может быть просто немотивированным и невосполненным, что, естественно, нарушает стилистическое единство текста:

«Tutus looked at me out of his narrowed stone-coloured eyes» (I. Murdoch) – Титус поглядел на меня, сощутив глаза.

Результаты проведенных исследований научных и художественных источников позволяют сделать следующий вывод: цветообозначающая лексика является источником создания наиболее ярких и живописных образов, и использование цветообозначений характерно как для русской, так и для английской художественной литературы. Но в связи с существованием различий в восприятии цветового пространства у носителей этих языков возникают трудности перевода данной лексики.

Библиографический список

1. Ковешникова, Е.В. Эстетическая значимость цвета: автореф. ... дис. канд. культурологии. – М., 1982.
2. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36.
3. Чесноков, П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. – М., 1967.
4. Степанов, Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. – М., 1998.
5. Запорожец, М.Н. Семантическая структура имен прилагательных с исходным значением «состоящий, сделанный из какого-либо металла» в современном русском языке // Семантика языковых единиц. – М., 1996. – Т. 1.
6. Белякова, С.М. Цветовая картина мира И.А. Бунина (на материале романа «Жизнь Арсеньева» и цикла рассказов «Темные аллеи») // И.А. Бунин. Диалог с миром. – Воронеж, 1999.
7. Василевич, А.П. Язык и культура: сопоставительный анализ групп слов – цветообозначений // Этнопсихоллингвистика. – М., 1988.
8. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
9. Давидян, З.О. Способы перевода цветообозначений с французского языка на испанский // Вестник ВолГУ. – 2008. – Вып. 7. – Сер. 2.
10. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.

11. Василевич, А.П. Цветообозначения как проблема терминологии и перевода // Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). – М., 1987.
12. Виноградов, В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. – М., 2006.
13. Виноградов, В.В. О теории художественной речи. – М., 1971.

Bibliography

1. Koveshnikova, E.V. Ehsteticheskaya znachimostj cveta: avtoref. ... dis. kand. kuljturologii. – M., 1982.
2. Rakhilina, E.V. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezuljtatih // Semiotika i informatika. – 1998. – Vihp. 36.
3. Chesnokov, P.V. Slovo i sootvetstvuyuthaya emu edinica mihshleniya. – M., 1967.
4. Stepanov, Yu.S. Yazihk i metod: k sovremennoj filosofii yazihka. – M., 1998.
5. Zaporozhec, M.N. Semanticheskaya struktura imen prilagatel'nykh s iskhodnim znacheniem «sostoyathi, sdellannij iz kakogo-libo metalla» v sovremennoe russkoe yazihko // Semantika yazihkovykh edinic. – M., 1996. – T. 1.
6. Belyakova, S.M. Cvetovaya kartina mira I.A. Bunina (na materiale romana «Zhiznj Arsenjeva» i cikla rasskazov «Temnihe allei») // I.A. Bunin. Dialog s mirom. – Voronezh, 1999.
7. Vasilevich A.P. Yazihk i kuljtura: sopostavitel'nyj analiz gruppih slov –cvetooboznachenij // Ehtnopsikholingvistika. – M., 1988.
8. Barkhudarov, L.S. Yazihk i perevod. – M., 1975.
9. Davidyan, Z.O. Sposobi perevoda cvetooboznachenij s francuzskogo yazihka na ispanskiy // Vestnik VolGU. – 2008. – Vihp. 7. – Ser. 2.
10. Recker, Ya.I. Teoriya pervoda i perevodcheskaya praktika. – M., 1974.
11. Vasilevich, A.P. Cvetooboznacheniya kak problema terminologii i perevoda // Issledovanie leksiki v psikholingvisticheskom ehksperimente (na materiale cvetooboznacheniya v yazihkakh raznykh sistem). – M., 1987.
12. Vinogradov, V.S. Perevod. Obshchie i leksicheskie voprosy. – M., 2006.
13. Vinogradov, V.V. O teorii khudozhestvennoj rechi. – M., 1971.

Статья поступила в редакцию 26.01.14